

The background of the cover is a light teal color. It is decorated with several stylized bird silhouettes in flight, scattered across the top and bottom. Some birds are black, and others are white. The birds are depicted in various flying poses, with wings spread, suggesting a sense of movement and freedom.

ВЛАДИМИР
ЭРВАЙС

Женщины
Зукотки

ВЛАДИМИР ЭРВАЙС

Женщины
Зукотки

МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

Эрвайс В. Г.

Э74 Женщины Чукотки. — Магадан: Кн. изд-во, 1983. — 216 с., ил.

55 к.

Равноправным членом общества, проводником передовой культуры стала за годы Советской власти женщина-северянка. Современная чукотская женщина — это счастливая мать, активный труженик и общественно-политический деятель...

В книге на примере нескольких поколений показана роль женщины-северянки в различных областях общественной жизни Чукотского автономного округа.

Э 8.2.1.2.1.-049 6-83
М—149(03)-83

66.74(2)

© Магаданское книжное издательство, 1983

Какой бы национальности ни принадлежала советская женщина и где бы она ни жила, на суровом Севере или в жарких южных республиках, на каком бы языке она ни говорила — всюду она равноправный член общества, чувствующий себя хозяином страны — многонационального Советского Союза.

В. НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА,
председатель Комитета
Советских женщин,
летчик-космонавт СССР

По последним статистическим данным, женщины составляют примерно половину населения нашей планеты. И громадная эта сила наравне с мужчинами решает важнейшие проблемы нашего тревожного века. Особенно поучителен в этом вопросе опыт СССР. Даже если мы не будем учитывать практическую занятость советских женщин в народном хозяйстве, а возьмём лишь их общественную деятельность, то и здесь увидим впечатляющие цифры, еще и еще раз подтверждающие факт: проблема равенства мужчины и женщины в советском обществе практически давно решена. А решена потому, что уже с первых лет Советской власти одним из основных принципов социально-экономического строительства в нашей стране было предоставление юридического и фактического равноправия женщинам во всех областях жизнедеятельности общества. «Женскому вопросу» как социальной проблеме много внимания уделял В. И. Ленин. Один из великих заветов Владимира Ильича — приобщить женщину к трудовой и общественной деятельности, к управлению государством...

По данным все той же статистики, среди депутатов краевых, областных, районных, городских и поселковых Советов 47 процентов — женщины. В Верховном Совете СССР треть всех депутатов — женщины. Из каждой тысячи женщин, занятых в народном хозяйстве страны, имеют высшее и среднее образование 739 (данная цифра, естественно, колеблется, но сути это не меняет). Число женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, давно перешагнуло рубеж 15 миллионов человек...

Особенно разительны перемены в «женском вопросе» у коренных народностей советских республик и автономных округов. В условиях Чукотского округа задача приобщения женщины к полнокровной трудовой и общественной деятельности приобрела особую важность как один из путей осуществления ленинской национальной политики. Много в этом направлении уже сделано... Общественная активность женщины Чукотки выросла настолько высоко, что сегодня мы со всей ответственностью можем заявить — заветы вождя революции осуществлены...

Чукотка... Огромный, своеобразный и необычный край. Суровый климат, географическая отдаленность всегда стояли преградой на пути освоения его богатств. Само существование здесь — постоянный подвиг, требующий от человека полной отдачи физических и душевных сил... До революции даже не было точно известно количество коренных жителей тундры и число национальностей, населе-

ляющих ее. Трудовой люд тайги и тундры был обречен на нищету и медленное вымирание. Культурная и политическая отсталость северных народностей была результатом не только низкого уровня развития производительных сил, но и колониальной политики царского самодержавия, которое интересовалось Севером только лишь как рынком сбыта и кладовой сырья...

За 60 с лишним лет Чукотка и ее представительницы преодолели поистине великий путь. Равноправным членом общества, проводником передовой культуры стала женщина-северянка. Наша современница — это счастливая мать, отличный труженик, активист в общественной и политической жизни. Одним из ярких показателей роста политической активности женщин коренных народов Чукотки является то, что многие из них — агитаторы и пропагандисты, а лучшие являются членами и кандидатами в члены КПСС... Многие из них сейчас работают на больших руководящих постах, многие владеют сложными специальностями... Среди них — депутат Верховного Совета СССР Л. Г. Тынель, председатель Чукотского окрисполкома Н. П. Отке, секретарь Провиденского райкома партии Г. А. Тегрет, заслуженные учителя школ РСФСР Е. Е. Никулина и Е. В. Литфулина, врачи М. И. Эттыринтыне и О. Д. Тумнэттувгэ, советские работники А. И. Уяганская и Д. Ф. Сидина, директор Анадырского педучилища Н. И. Вааль, заслуженные работники культуры К. И. Геутваль и К. Н. Зорина... Среди них — большая группа заслуженных художников РСФСР, лауреатов Государственной премии РСФСР женщин-косторезов из Уэленской мастерской «Северные сувениры», поэтессы Антонина Кымытваль, Татьяна Ачиргина, Зоя Ненлюмкина...

Их очень много — любимых и замечательных, трудолюбивых и талантливых, всеми уважаемых... Им принадлежит огромная роль в расцвете экономики и культуры советского Севера. Они — хозяйки своей судьбы...

*Матери моей
Елене Ефимовне
посвящается*

Уназикские сестры

Ну что ж, вперед!
И пусть продлится день.
Мой путь прервется вечером. Но знаю:
не ранит меня вечер. Как не ранит,
что все желтей вокруг трава
и осени отчетливей дыханье...

Сергей Тиркыгин

УХСИМА

Почему охотник-зверобой Атата построил свое жилище в стороне от селения, никто не знал. Неспроста, решили люди, тем более что место выбрал неудачное: на каменистом откосе, покрытом валунами, близком к воде. Первый же осенний шторм нагромоздил торосы у самого жилья, льдины уперлись в черные валуны, вздыбились... Не понимали люди и то, почему молодой, рослый, очень сильный Атата, удачливый в охоте, выбрал в жены Янну, маленькую и хрупкую. Конечно, лицо Янны было белым, оно как бы струило лунный свет, и глаза девушки были яркими и ласковыми, как у белька, и была она мастерицей во всех домашних делах, но очень уж тиха и молчалива, иной раз за день слова не скажет.

Атата удался в своего отца, морехода Кхаха, тот тоже рослый, красивый был и, сколько помнили люди, беззубый — такое у эскимосов случалось часто. Кхахх смолоду подрабатывал у американцев, свободно говорил по-английски, был гарпунером у промышленника Свенсона и с того дня, когда по весне появлялась у селения трехмачтовая шхуна под звездно-полосатым флагом, уходил в моря надолго, иногда и не зимовал дома, а потом рассказывал о загадочном Фриско... Одевался Кхахх по-эскимосски, но носил американскую кепку с большим козырьком. И, в отличие от многих мужчин в Уназике, крепко пил Кхахх.

Ухсима, вторая дочь Янны, родилась в тот год, когда царская администрация «проявила заботу» о туземцах — в пятнадцать километрах от селения, у самого основания каменистой косы, построила школу, первое в этих местах большое бревенчатое здание. Учитель, священнослужитель Карманов, сосланный архиепископом Иркутским за вольнодумство на Чукотское побережье «... с миссией нести слово господне язычникам», долго здесь не задержался, уплыл с эскимосами-зверобоями на Аляску.

Мать Ататы умерла. Кхахх взял в жены молодую вдову Паину, хотелось ей нянчить детей, но не родились у нее дети. Ухсиму отдали в дом деда. Рада была Паина, ой как рада!

— Красивые торбаса, правда?

- О-очень красивые!
- Хочешь такие?
- О-очень хочу!
- Вот и шей себе.
- А из чего?
- Возьми эти шкурки, выделай их, собери все, что нужно,— и шей.
- А я не умею...
- А я тебя научу...

На согретых солнцем камнях сидят двое — старая да малая. Увлечены. Паина учит, Ухсима делает, старается.

— Летние, без шерсти и короткие, до колен, торбаса — кангайтык шить надо из нерпичьей кожи, подошву — из лахтачьей. Подошву сначала вырежи, потом по краю заформи, чтобы была как лодочка. Чем заформовать? Зубками, девочка, зубками, они у тебя вон какие белые и крепкие... Вот так, крепче закусывай, получатся мелкие складочки — бортик. Теперь пришивай подошву-лодочку к голенищу. Вложи в шов ремешок-прокладку из белой мандарки... Иглу возьми граненую, круглая разжимает дырочку, граненая прорезает! И жилку-нитку вдень потолще: игла пройдет, жилку туго протянешь, она дырочку заткнет.

— О-о, жилка пальцы режет!

— Жилка — дурочка, пальцы — умницы. Крепче шов затягивай. На пальцах мозоли ороговеют, вот и не будет жилка рваться.

Многое надо уметь эскимосской девочке. Когда станет женой охотника, все для него будет делать сама: летние торбаса — канагайтык, зимние с шерстью, вторые без шерсти, непромокаемые, чижи из камуса, двойные кухлянки из неблюя (сленя августовского забоя) — мехом внутрь и мехом наружу, водонепроницаемые камлейки, рукавицы двойные, шапки — и не по одному комплекту, чтоб мог охотник переодеться в сухое и — на промысел. Моржовые шкуры на нылю, шкуры на подложку — выделывать, раскроить экономно, сшить, украсить. И всех накормить. Эскимосская женщина вставала раньше всех и укладывалась позже всех, и ребенок младенец под боком, одного выкормила, второй уже «на подходе». И будь веселой — не огорчай мужа, он добытчик... И была веселой, песни пела, танцевала, и мужчины говорили: «У женщины сердца нет, только печень есть, поэтому она не устает!» Мудры мужчины-эскимосы, как мужчины всех народов.

По переписи народонаселения Российской империи 1909 года, проведенной на этой окраине адъюнктom Олсуфьевым,

«...в России проживает 1099 эскимосов, и ни одного грамотного». Адъюнкт заключает: «Сей народ не способен к грамоте».

Рухнул царский трон, свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, гремела гражданская война, красноармейские армии Фрунзе штурмовали твердыни Перекопа, а в эскимосском селении Уназик все шло по-старому.

В двадцатом году гарпунер Кхакх собрал имущество и с женой Паиной и внучкой Ухсимой перебрался жить на остров Святого Лаврентия, в США: жившие там родственники-уназикцы давно звали его.

Большую власть взял шаман над эскимосами-уназикцами. Распузатился, как пеликен, все не по его, он всех умней! А старик Кхакх и у себя, на чукотском берегу, шаманов не чтит. Всего год прожили на острове, вернулись в Чаплино.

Начиная с 1875 года, с первого пограничного парусно-парового клипера «Гайдамак», русские военные корабли охраняли побережье, защищая интересы чукчей и эскимосов: задерживали американские суда, реквизировали и уничтожали главный торговый припас — спирт, заставляли купцов расплачиваться с охотниками по справедливости. Американские торговцы действовали с оглядкой. У себя же, на острове Святого Лаврентия, они не спешили, здесь были их законы — и эскимосы жили в сетях долговой кабалы. Годы уходили, долги оставались... Старик Кхакх не привык жить вечным должником.

Во время царизма на берегах Чукотки пиратствовали не только американцы, русские купцы не очень-то блюли царский указ, запрещающий спаивать «туземцев» при торговых сделках.

Утвердив морскую границу между Россией и Соединенными Штатами Америки — соглашение было подписано на основании исследовательского рейда клипера «Гайдамак» в 1875 году, — в последующие годы флотские офицеры Онацевич, Беклемишев, Вилькицкий, Давыдов изучали берега, детализировали географические карты, создали морскую базу в бухте Провидения, нанесли на карты русские названия горных вершин-ориентиров и судоводных фьордов.

Русское офицерство конца XIX — начала XX века: Римский-Корсаков, Пржевальский, Арсеньев, офицеры-пограничники, исследователи Памира Храмов и Валуев, лейтенант Шмидт... Здесь, на самом краешке России, русские офицеры закладывали основы навигации, планомерного научного исследования и прогрессивной по тем временам национальной политики. Рождались проекты — под стать им «Демократическая конституция» адмирала Ушакова.

Прибойный накат отмерял время. Все так же в апреле появ-

лялась шхуна Свенсона, дед Кхакх и сын его Атата уходили в море на китобойный промысел и моржей били.

Кхакх и Атата умели читать карты, знали компас. Атата поднаторел и в машинном деле, управлялся с движком на шхуне. Отец и сын жили каждый своим домом, и каждый по своему разумению. Кхакх работал только в месяцы навигации, зимой проедал заработанное. Атата и зимой был удачлив, не оставался без добычи, бил нерпу, лахтака, с соседями ходил на моржа. Сменялось время, приходила шхуна — и снова мореход Атата на месяцы покидал свое жилье, двухкатную нынлю, покидал жену с новорожденным сыном Итхуткаком (по-эскимосски Внесенный), уходил к далеким берегам, до Сан-Франциско, и к близким — к Аляске, к порту Ном...

Один за другим умирали новорожденные дети Янны. Горе матери! — выносить и потерять ребенка.

Янна сказала:

— Надо оставить этот дом, перебраться в другое место.

И Атата, остривший наждачным камнем кинжальное жало гарпуна, обернувшись, спросил негромко:

— Куда переберемся?

На следующий год нынлю Ататы под кровлей из свежeweделанных моржовых кож стояло у «горлышка»: две отмели мыса Чаплина очень похожи на клюв птицы; «у горлышка» — это было то место в начале косы, где у птицы располагалось бы горлышко. Зажила семья Ататы на новом месте, и перестали умирать дети.

В 29-м году на этом берегу открылась культбаза, в 31-м организовался колхоз «Новая жизнь», стал колхозником Атата. Была создана — по образу и подобию «материковских» МТС — МПС — машинно-промысловая станция. Атата в летний сезон работал старшиной (шкипером) на катере, на первой кооперативной шхуне «Чукотка», на однотипной шхуне «Октябрина»...

Девятерых родила хрупкая Янна, пятерых вырастила. Предпоследнюю дочь назвали Кураса (от эскимосского «караны» — олень). Последнюю — «поскребыша», как говорят в России, назвали чукотским именем Айнана, от Эйнэны — «крик того оленя, именем которого названа Кураса». Айнана родилась 28 декабря 1934 года. В Чаплино уже был календарь, метрики.

Ухсима не везло с учением. До школы многие километры, и зимой... Люди селения решили разобрать школу, перенести поближе к ярангам, учитель так посоветовал. Ухсима кончила первый класс — школа закрылась. Начала ходить во второй — школу разобрали, перевозили по бревну — зима прошла... И вот начались на новом месте, в обновленной школе, занятия.

Учителем был русский человек, приехавший на мыс Чаплина еще в 1927 году, Анатолий Васильевич Ерженин. Сдержанный, неторопливый, этим он нравился эскимосам. Уважал обычаи, а с темнотой, невежеством и шаманством боролся не темпераментными выступлениями, а исподволь, терпеливо, — и многое сделал. Он быстро научился говорить по-эскимосски, его полюбили дети.

...По закопченным стенкам полога колыхались мохнатые тени. Три старухи, бормоча заклинания, готовились свершить обряд: пропитывали топленным нерпичьим салом, смешанным с сажей жирника, тонкие оленьи жилы. Еле шевелились тени, глухие голоса то спадали до свистящего шепота, то вдруг срывались птичьим вскриком. Девушка полулежала. Жирник чадил у самого ее лица. Еще утром бабушка напоила Ухсиму настоем тундрового мухомора, теперь она была сонной, вялой, все, что ее окружало, виделось мутно, как сквозь пленку рыбьего пузыря... Резкая боль — укол в щеку, второй. Неторопливые пальцы старухи вдели в ранку жилу, протянули, оставляя под кожей жирную копоть...

— Не обещать себя слезами и криком, девочка, — бормотала Паина, придерживая голову внучки, — женщина должна уметь терпеть... Лицо белое, как тундра, некрасивое... терпеть...

Три пунктирные линии багровыми жгутами спустились от виска к подбородку. Ухсима, стиснув зубы и веки, молчала как неживая.

В 34-м году Ухсима окончила начальную школу. Ей было двенадцать лет. Оставаясь женщиной своего народа, только и умеющей что ловко, сноровисто обиходить семью, она уже выделялась из большинства умением читать, писать, считать. Местные советские и партийные работники, сам легендарный Матлю, коммунист, организатор первого колхоза, уважали ее.

Было бы неверным думать, что становление Советской власти на побережье Берингова пролива происходило без трудностей, заключались они не только в сопротивлении богачей, шаманов, наймитов закордонных купцов. Трудно из-за острой нехватки грамотных людей, способных усвоить программу новой жизни, пропагандировать это новое.

Большевики звали к новой жизни, а сами жили бедно, болели и умирали — как все другие люди. Большевики звали: «Мы свой, мы новый мир построим!» Легко сказать, а вдруг новое окажется хуже? Старое потеряешь и новое не обретишь. Вот с этими сомнениями надо было бороться.

Матлю действовал решительно, вызвал на себя огонь злого келе: привез с острова Аракамчечен всеильного шамана Ак-

кра, собрал людей, старых и малых, и при всех громко заявил, что отныне Аккр не волен над душами людей, не может владеть в одиночку моржовыми лежбищами Аракамчечена. Аккр может, конечно, жить среди людей как все — трудиться, в поте лица добывая пищу, если того хочет.

Говорил большевик Матлю, но не вздыбились черные волны, не полыхнули молнии, не лязгнули, неся смерть, зубы келе. Светило солнце над головой, набегали на берег атласные волны прибой. Склонив голову, стоял перед людьми Аккр — сухонький, совсем не страшный.

Когда Ухсима уезжала на советскую работу в поселок Лаврентия, все чаплинцы уже были колхозниками, почти все ее сверстники вступили, как и она, в комсомол.

...Райком комсомола направил Ухсиму на работу в поселковый (тогда назывался он — туземный) Совет. Девушка работала, едва выкраивая часы для сна. Прямо там, в комнатухе Совета, за выцветшей ситцевой занавеской стояла ее койка.

Исполняя обязанности секретаря поссовета, Ухсима тянулась к тем, кому ее слово, ее помощь были особенно нужны, — к женщинам. У мужчин был социальный опыт, они смелее держались на людях, работа давала им самоуважение, они быстрее почувствовали свое место в новых социалистических производственных отношениях. Женщины же в своем большинстве все еще были стиснуты убогим миром яранги.

...Райком комсомола послал Ухсиму заведовать паевым столом интегрального кооператива, и Ухсима стала ближе к своим «подопечным» — к женщинам: торговля велась в основном ширпотребом, товарами «для дома, для семьи»... Ухсима собирала женщин, рассказывала им о новом быте, ведь и примус был для многих новинкой, и семилинейная керосиновая лампа, и фонарь «летучая мышь». И ткани: ситец, сатин, шелк, шерсть — уже не американские, не японские. Надо было приохотить женщин к ним.

В те годы северные надбавки к заработной плате получали только приезжие, на местное население льготы не распространялись. Зарплата совслужащего была необильной, так скажем. А Ухсима помогала старикам, подрастающему брату. Одевалась по-европейски: ситцевое платице, продувное пальтецо. И вовсе не потому, что не умела шить меховщину: не из чего было. Правда, когда собиралась в командировку, пайщики вырочали, давали в дорогу кухлянку и торбаса. А по поселку не ходила — бегала. Из двери конторы прицелится в дверь столовой — и бегом, сквозь муть пурги, на едином вдохе... Русские товарищи недоумевали:

— Как же это ты так, Ухсима, ведь простудишься же!..

— Вы ничего не знаете! Эскимосская женщина не простужается. Бегать надо, бегать — мороз не успевает сосредоточиться! — и хохотала. Веселой она была, комсомолка Ухсима.

Паина ей рассказывала: когда юной была, продали ее умирающие от голода родители в услужение к богатому тундровику-оленеводу, коряку. В стойбище была еще одна эскимосская девушка, «обменная». Подруги по несчастью стоически относились к своей судьбе, бунтарского духа в них, «имеющих только печень», не было. День-деньской кружились в заботах, делали все, что повелят хозяева, питались тем, что кинут им к порогу яранги. Когда выдавалась минута, подружки посмеивались над жадностью и глупостью хозяев. Но вот хозяин Паины заявил, что отдает ее в ярангу более богатого соседа — четвергой женой. Девушке велели шить себе меховую одежду, украсить орнаментом. Паина сшила меховщину, и орнамент она знала, как вышивать, у каждого рода свой орнамент, предками завещанный. Но замуж не захотела, ушли вдвоем с подружкой в ночь, в пургу. Шли месяц за месяцем из корякского стойбища от Маркова на Анадырь, от Анадыря — в Чаплино. И пришли! Вот она, жизнестойкость женщин Крайнего Севера!

В августе 1932 года Ухсима стала одной из тринадцати комсомольцев Уэлена, ее пригласили заведовать отделом пионерской работы райкома комсомола. С тех пор, какую бы работу ни выполняла, все свободное время отдавала детям. С детьми ей было чем-то проще. Психологию их не надо ломать, а только строить.

Летом 1936-го Ухсима — старшая вожатая в Лаврентьевском пионерском лагере. Летом 1937-го Ухсима — старшая пионервожатая и «открыватель» пионерского лагеря на Пловере.

...Из Лаврентия к мысу Пlover детей и вожатых доставил китобоец «Алеут», по устойчивости он напоминал игрушку-неваляшку и рассчитан для плавания во льдах, при сжатии судно выдавливается льдами на поверхность. Но когда льдов нет, а море штормит, достоинства «Алеута» становятся его недостатками. Дети жались к взрослым, но скоро мальчишки пообвыкли, притерпелись к качке и рассеялись по всему судну. И Ухсима, и другая пионервожатая, утомленные сборами, посадкой, качкой, не сразу заметили, что вокруг них только девочки. А тут прошел боцман, бросил на ходу:

— Собирайте своих с палубы, ветер крепчает! Девушки бросились собирать ребят: стаскивали с надстроек, с лебедек. Пионервожатая причитала:

— Ой, что будет, что будет! Это ж какая ответственность!

— Ты не об ответственности думай, не о себе — ты о детях думай!..

Осенью 1937 года Ухсиму избрали секретарем Чукотского райкома комсомола.

Такое было: работа, привычное пренебрежение к себе — к быту, к здоровью. Все подчинялось задаче текущего дня, и не оставалось ни минуты для серьезной учебы, для самообразования. Выехать в центры для партийной, комсомольской учебы — несбыточная мечта. Прочитанное урывками, воспринятое из практического опыта старших товарищей — вот и все «университеты». Да еще классовое самосознание, классовое чутье, собственная совесть — совесть трудящегося человека.

В те годы не было вездеходов, вертолетов, а легкокрылые самолеты выполняли только особо важные рейсы.

И не было гостиниц с чистым бельем и горячей водой, не всюду были магазины с привычным хлебом. Массовое переселение в дома материковского типа завершилось только в конце 50-х годов!

...Спартанский уют квартиры Ухсими Ивановны. Мебель та же, что и в большинстве квартир поселков и городов Чукотки, но ее мало, этой мебели, только самое необходимое, поэтому комната кажется просторной, насыщенной солнцем и воздухом.

— Начинаются Длинные дни... Еще будут морозы, пурга не раз, насидимся без почты, без писем — но это уже весна!..

Мы не в первый раз встречались, беседы наши неторопливы и непринужденны. Просиживали вечера в комнате районного Дома пионеров, где занимается созданный Ухсимой Ивановной кружок национального прикладного искусства, бродили по заснеженному льду бухты, мимо застывших, вмерзших в лед судов гидробазы, буксиров морского порта, и поселок Провидения поднимался над нами — от причалов порядками многоэтажных домов — и в сумерках светился огнями окон, и Ухсима говорила, что хорошо бы завести в поселке газосветную рекламу.

— Вот дождемся ввода в строй нашего Дома культуры, уже больше десяти лет ждем! — и тогда зажжем цветные огни... И гостиницу новую дождемся...

Вот уже восьмой год Ухсима Ивановна ведет в Доме пионеров кружок национального прикладного искусства «Гыютлет» («Мастерица»). Работы кружка экспонировались в Анадыре, Магадане, Москве. Изделия провиденских ребят украшают стенды дружбы в Домах пионеров города Орджоникидзе, туркменского города Безмеин, столицы Вьетнама Хошимин.

Десятки девочек научила она мастерству национального эскимосского шитья.

Сидим мы, разговариваем, сияет за окном Длинный день. Ухсима Ивановна все присматривается к моему очечнику, исполненному из мягкой коричневой замши, к нехитрому орнаменту работы эстонского мастера Томаса Джауса.

— Как вам удается не повторяться в образцах изделий? Ведь не так много предметов в эскимосском быту, способных стать сувенирами?

— Не легко, но... нужно. Мы не запираемся в этих стенах, мы изучаем образцы творчества мастеров всех народов нашей страны. То, что кружковцами отобрано, обдумывается сообща, воспроизводится в наших традиционных материалах — моржовом клыке, коже, мехе нерпы. Для украшения применяем подгрудный олений волос, бисерные узоры. Вот и получается по-чукотски, даже если вещь такая «западная», как сумочка-косметичка. Вот и ваш очечник примем на «вооружение», сотворим подарки бабушкам и дедушкам, но по-своему! Главное — воспитать желание рукодельничать. Пишут мне бывшие ученицы-кружковцы Люся Этырахтина и Света Эттуте, они в Ленинграде, студентки Института имени Герцена. Пишут, что не мыслят свой досуг без рукоделия нашего северного, а когда станут учителями, то помимо своего предмета будут тоже учить ребят рукоделию... Просят присылать рисунки новых кружковских работ и материалы. А вот тут-то и сложность: с каждым годом мне все трудней раздобывать материалы. И почему? Работы наши получают признание, в районе есть кожевенный завод, есть быткомбинат, есть отходы этих производств — обрезки кожи, меха... А мне приходится каждый год выпрашивать, убеждать, требовать! Очень много говорим о традиционном национальном мастерстве, а делаем мало. Ведь суть не только в нашем кружке, подумайте об этом. Вопрос шире. Оленеводство, морзверпромысел остаются главным делом народностей Чукотки, так? А в тундру, а в море разве сунешься в стеганом ватнике? Нужна меховщина, практичная, традиционная. Значит, нужны мастера-меховщики. А где их готовят? Нигде. В совхозных пошивочных мастерских умелые люди наперечет, молодежь туда не идет: не перспективно, не престижно, да и заработки там скромные. И теряем умение, опыт мастеров безвозвратно. Спихиваемся, когда для музея надо. Та же яранга — рановато ее списывать со счетов, еще не создано более удобное передвижное жилище для оленевода в тундре. И есть еще женщины, умеющие выделывать шкуры для яранги, для полога, для рабочей одежды, умеющие шить «по моделям предков»... И я учу девочек не только умению шить и украсить модную сумочку-косметичку. Пусть на куклу, но умеют они сшить кухлянку и осовременить, и украсить.

В комнате свежо — форточки настежь. За окном посверкивает тончайшая изморозь — как толченое стекло елочных игрушек, пар, схваченный морозом. Это тоже признак Длинных дней.

— У эскимосов сплошь «говорящие» имена. Погиб на охоте родственник, его звали Ухтыкак. Ухсима — можно по-русски понять так: «взобравшаяся на лед» — понимаете? Была в ледяной воде, тонула, но взобралась на край льдины и спаслась. Ухтыкак не взобрался на лед из смертной полыньи — я, Ухсима, в его честь «взобралась»!

Еще вчера тесно было в двух комнатах: гостили дочери с внуками, студентка Леночка. И был вчера «борт» после нескольких дней непогоды, все поднялись враз, улетели.

— О моем супружестве я вам ничего не стану рассказывать. Каким бы он ни был, он отец моих детей, хороших детей. Сейчас они уже взрослые, старшие дочери имеют свои семьи, и воспитаны они в уважении к отцу. Сами подумайте, хочется ли ребенку «плохого» отца? Нет, нужен отец хороший, уважаемый! Ведь ребенок не может сам выбрать отца — его мама выбирает. Не секрет, с возрастом ослабевают родственные связи. Точнее сказать, видоизменяются. Вырастят наши дети своих детей, разберутся сами... Не все у меня получалось. Дети по-своему жили, по-своему ошибались. В беде прибегали ко мне за утешением, советом. Но они уже были взрослыми, и мои советы просеивали сквозь сито собственного житейского опыта. Тут уже ничего не поделаешь... Миша — единственный из моих детей не получил высшего образования, после восьмилетки пошел в мореходное училище, стал механиком, потом прошел курс УКК (усовершенствования командных кадров) в Хабаровске. Почему не учился, как все? Да потому, что старший он, родился в тридцать девятом. Его раннее детство пришлось на годы войны. Володя родился в сорок втором, дочке мужа было семь, Мише — два года... Я вынуждена была не работать — трое на руках. Не получала зарплату. Но были партийные задания, были общественные нагрузки, а яслей не было, детского сада не было. Шла война.

В 42-м районный центр перевели из Уэлена в Лаврентия. Ухсиму здесь хорошо знали, но все равно пришлось заново создавать круг актива, активизировать женсовет. Тысячи километров, десять часовых поясов отделяли маленький поселок от огненной черты фронта, но поселок, район, округ воевали!

— Что я могла сказать женщинам! Говорила о том, как лютует война, как убивают на фронте тысячи молодых мужчин — русских, белорусов, украинцев, казахов. Говорила, что трудности, которые мы переживаем, несоизмеримы с горем и болью

тех районов страны, где грохочет фронт. Мы собирали деньги и облигации займов в фонд обороны, мы покупали на свои деньги полушубки, к ним меховые шапки, торбаса, чижи, рукавицы, специально для войны, с двумя пальцами — большим и указательным. Мы разгружали пароходы. Особенно трудно было разгружать уголь. В трюмах женщины лопатами насыпали его в мешки, грузили сотни мешков в кунгасы — пароход-то на рейде, не у причала. С кунгаса тащили на угольный бург, там высыпали из мешков — и снова на кунгас, на пароход в трюм — нагружать. Море трепало кунгасы, захлестывало водой, а ветер и летом у нас холодный... За работу денег и не спрашивали, были благодарны за уголь, за тепло для наших детей.

Партийные и советские работники не выбирались из тундры, были рядом с оленеводами, с охотниками. Приезжие и наши, местные, — все научились окарауливать стада, бить волков, а их в годы войны было особенно много. Старики говорили — «это волчьи души фашистов»... Я думаю, в тундру пришли волки из степей и лесов прифронтовых областей — беженцы... Я в тундру не ездила, но и в поселке хватало горяченького до слез. Володенька грудной, молока у меня мало было, много плакал, потом такой тихоня стал — и не слышно его, — слабенький. И Мишенька слабый, и дочка. И у меня голова кружилась, но мне легче было, чем другим, я не работала...

Она не работала!

Поселок Лаврентия строился. Все штукатурные, отделочные работы вела бригада домохозяек, ночами, когда спали дети. Грелись у костерка, еле-еле тлеющего — ведь дерево здесь привозное. Грелись, делились друг с другом тем, что принесли в узелках. Старались выполнить задание прораба пораньше, тогда оставался часок для сна. Зарботок бригада отчисляла в фонд обороны Родины.

Опухали пальцы, трескалась, гноилась на них кожа. Были бы неженки, а то эскимоски! Никогда не приходилось женщинам столько шить — ведь для фронта.

— В сорок пятом году мужа перевели работать в Певек. Всем табором поехали. Там я тоже не работала. Очень болел Володя, настиг его менингит. Уж как его врачи спасли — не знаю. Вылечили, а я выходила. Слабым рос, потому особенно болело за него сердце. Материнское сердце — вещун, голова соглашаться не хочет, а сердце ноет, ноет...

Через два года решил муж переехать на Камчатку — там его ждала работа. Жена должна быть послушна — сели на пароход, поехали. Кто думает, что сегодня рейс из Певека вокруг мыса Дежнева — морская прогулка, тот не прав. А уж тогда, в сорок

седьмом, и подавно. Я с тремя детьми, подорожники какие были: хлеб черствый, да на камбузе кок пшениную похлебку черпаком разливал. А справа берега Чукотки. Обогнули мыс Дежнева... Родина моя голубела сквозь туман: Уэлен на косе, отмели знакомые, изгибы берега — исхоженные, изъезженные в юности. Чайки над нами вьются, стонут. И когда вошли в бухту Провидения — все во мне загорелось. Настояла на своем: снялись с парохода — ну ее, Камчатку!

Была осень, когда райком партии направил Ухсиму воспитательницей в школу-интернат. В школе положено каждого работника величать по имени-отчеству. А у Ухсимы отчества не было, не принято у эскимосов. Ивановой стала она.

Воспитательницей была немногословной и голос не повышала. Ко всем детям относилась ровно, не выделяла даже сестричку Айнану. Особенно покровительствовала тем, кто не имел отца, матери. Вечерами собирала вокруг себя девочек, учила штопать чулки, пришивать пуговицы: «Делай ножку, равную толщине ткани, понимаешь? Пуговица на ножке держится крепче, а оторвется — ткань цела будет...» И рассказывала что-нибудь житейское или пересказывала прочитанные книги.

— Очень я любила «Хижину дяди Тома», пьесу «Белый ангел» — о черных детях Америки. Часто пересказывала «Мои университеты»... Но и из моего детства было что рассказать.

Вот что рассказала воспитанница школы-интерната той поры, секретарь Провиденского райкома КПСС Галина Александровна Тегрет:

— Помню, поначалу я ее просто боялась: по сравнению с другими воспитателями она была суровой и бесстрашной. Другие и поласковой были — обнимут, по головке погладят, бант перевяжут понарядней, и снисходительны к нашим шалостям, да и к лени. Ухсима Ивановна, если потребовала постирать фартук, то вернет столько раз, сколько обнаруживались неотстиранные пятна, сама будет стоять рядом, растолковывать, учить: «Потри спичечной головкой, еще одной — так! Видишь, нет пятна?» Однажды я ей надерзила: «Чем мучать меня так, сами постирали бы!» — и сжалась вся. А Ухсима Ивановна посмотрела на меня долгим взглядом и тихо сказала: «Я это умею делать, а ты не умеешь. Ты девочка, будешь матерью — мать все должна уметь, чтобы научить дочерей...» Это я запомнила на всю жизнь. Между прочим, те воспитатели, которые были снисходительней, ласковей, не запомнились, даже лица никого из них не могу вспомнить!..

Ухсима Ивановна часто рассказывала детям о недавних годах войны, о женщинах и детях тыла, о своих товарищах. Она

пела им тихонько песню, созданную учителем Майной в первые дни войны. Вот она, эта илягатыт (песня):

Друзья мои, морские зверобон!
Пусть вам эта песня поможет в нелегком труде.
Добыв больше морского зверя,
Вы поможете нашим отважным воинам
Быстрее разгромить врага.
Помните: здесь тоже линия фронта,
Фронта трудового!

Россыпь пожелтевших фотографий, документов. Ветерок, ворвавшись в форточку, переворошил бумаги на столе. Ухсима Ивановна прижала их руками. Источенные до белизны пальцы с голубыми узорами старой татуировки... Ухсима Ивановна задумалась. Откуда-то издали донеслись сигналы точного времени. Проурчала за окном машина.

— Жаль, нет у меня даже фотографий учителя Майны. Он ведь родственник наш, из нашего рода, сложившегося в Унази-ке. Он ставил школу — первую мою! То место называется Тыфлык... Почему я не добилась, чтобы школу в Новом Чаплино назвали его именем? И совхоз там должен носить имя Матлю. Ведь назвали же московский автомобильный завод именем первого директора-коммуниста, именем Лихачева!

Принес я в дом Ухсимы Ивановны веточки ранней вербы — бурые, с прозеленью на коре. Похожи они на затвердевающие олени рога с лохмотьями отпадающей шкуры. Поставили мы эти веточки в обычную бутылку от лимонада; жалкие, голые, они через несколько дней покроются вербными почками, серебристо-серыми и мохнатыми, как зайчата.

Двадцать восемь лет назад Ухсима Ивановна пошла по направлению райкома работать на Пloverский морзверорыбокомбинат, сначала техническим секретарем, потом заведующей приемным пунктом.

Работники пункта принимали от промысловиков жир, соленые шкуры, соленую печень ластоногих — ценное сырье для фармацевтической промышленности. Комбинат обслуживал колхозы и совхозы всего побережья, до Анадырского района.

Комбинат наладил получение сырья. Встал на повестку дня вопрос о качестве продукции. Ухсиму Ивановну назначают технологом на основное производство.

...Ухсима Ивановна разложила на столе, на тахте, на стульях сорок шесть Почетных грамот, полученных ею за тридцать шесть рабочих лет: «...за высокие производственные показатели и активное участие в общественной жизни коллектива». И вот неожиданное: «Почетная грамота. ...Награждается технолог Ухси-

ма Ивановна Ухсима за правильное и отличное воспитание детей!»!

— В пятьдесят девятом году комбинат перевели с Пlovera в Провидения. Мне полегчало: детям близко в школу, развлечений для них побольше — кинотеатр здесь, библиотеки. Параллельно с работой мне стали поручать организацию выставок национального прикладного искусства, активной заработала в женсовете. Крутилась как белка в колесе.

Родилась Леночка... Наташе было уже десять лет, главная моя помощница в доме! Тамаре — восемь, тоже все умела делать. Миша уже профессию имел, Володя кончал школу. Время мое бежало, как вода. И вот пришел тот день, самый памятный в жизни. Было поздно, малыши спать улеглись. Примчался Володя из интерната, без шапки, глаза фонариками горят. Я тут же ему стала выговаривать, а он хохочет, вдруг вижу — слезы у него на глазах! «Мама, только что передали по радио, тебя наградили орденом Ленина!» — и кричит еще что-то, дурашка, тормозит меня...

А дети проснулись, скачут, возбужденные, и Леночка годовалая расплакалась. И так до утра: шум, поздравления, люди приходили и уходили и приезжали — то из Нового Чаплино, то из Сиреников. То из Анадыря телеграмма, то из Магадана! Суежилась, весь день то за одно примешься, то за другое, ни еды не приготовила, ни праздничного платья не надела. Днем «Магаданскую правду» прочитала: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1960 года в ознаменование 50-летия Международного женского дня, за активное участие женщин СССР в коммунистическом строительстве и их заслуги перед Советским государством по воспитанию молодого поколения, за достижение высоких показателей в труде и плодотворную общественную деятельность награждены: орденом Ленина — 2380 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 2652 человека, орденом «Знак Почета» — 1412 человек, медалью «За трудовую доблесть» — 3616 человек...»

Сначала строчки в глазах прыгали. Вздохнула глубоко-глубоко, дочитала. Тихо в доме. Во всем мире тихо. Сидела я с газетой и думала: орденом Ленина — меня! Сколько миллионов женщин — русских, украинок, белорусок, узбечек... Многие десятки миллионов! — и среди них я, женщина одной из самых малых народностей. Значит, это не меня признала страна, а всех эскимосских женщин, оценила наш труд, наш вклад в общее дело народов. Мне сорок пять лет, как говорится, для женщины — «третья половина» жизни. Есть еще время поработать, воспитывать детей, жить так, чтобы посылно оправдать эту высокую

награду... И еще думала-вспоминала, как жила, как горе мыкала, как сестры и брат жили. И решила: буду такой, как всегда, но чуть-чуть принципиальней, чуть-чуть требовательней к себе — только к себе!.. Французская женщина легла на рельсы, чтобы остановить эшелон с оружием, она была требовательна к себе. Японская женщина, пикетируя американскую военную базу, была избита патрулями и скончалась, осиротив трех детей, — она была требовательна к себе. Вдова Патриса Лумумбы призывает народы к миру и солидарности — она была требовательна к себе. Самая трудная борьба — с самой собой, чтобы никогда не поддаться малодушию, страху потерь, жажде передышки в борьбе с обывательщиной, равнодушием, аполитичностью, приспособленчеством и чванством.

Работала Ухсима Ивановна, воспитывала детей. Миша был судоводителем на рыббазе «Мейньпильгыно», Наташа окончила математический факультет Дальневосточного университета, стала инженером-программистом, Тамара кончала Хабаровский медицинский институт, готовилась стать фармацевтом, Леночка еще училась в школе.

В последний день февраля Ухсима Ивановне позвонили из райкома партии, попросили явиться утром. Казалось бы, была готова. Ведь подготовка к обмену партийных билетов велась давно, со времени майского (1972 года) Пленума ЦК КПСС. Сама участвовала, как член райкома партии, в этой работе, ставшей смотром боевитости первичных партийных организаций, активности коммунистов в производственной и общественной жизни коллективов. Выступала перед коммунистами, цитировала Леонида Ильича Брежнева: «...Велика ответственность коммуниста, и привилегия у него одна: больше, чем другие, отдавать общему делу, лучше, чем другие, бороться и трудиться ради его торжества. У коммунистов нет никаких особых прав, кроме одного, — быть впереди, быть там, где труднее.»

Утром 1 марта в кабинете первого секретаря райкома собрались к началу рабочего дня члены бюро и работники аппарата, секретари первичных партийных организаций Провидения, журналисты областной, окружной, районной газет, областного радио. Все еще накануне знали, что по решению обкома КПСС Провиденской партийной организации предоставлено право первой на Чукотке начать обмен партийных билетов.

Секретарь райкома Георгий Павлович Федотов, заметно волнуясь, сказал:

— Бюро райкома приняло решение начать обмен билетов с первичной организации комбината бытового обслуживания. Коллектив этот по итогам социалистического соревнования

в честь пятидесятилетия образования Союза ССР занял одно из первых мест в районе, первое место среди родственных предприятий области, получил Почетную грамоту и премию Министерства бытового обслуживания населения Российской Федерации... Разрешите мне вручить первый на Чукотке партийный билет образца 1973 года с портретом Владимира Ильича и словами «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» члену КПСС с тысяча девятьсот тридцать девятого года, мастеру быткомбината, уважаемой всеми Ухсиме!..

Ухсима медленно, на вдохе, протянула обе руки, приняла партийный билет. Тихо-тихо, только слышался ход старинных корабельных часов. Они показывали 9 часов 17 минут. Ухсима перевела дух. Она понимала, люди ждут от нее каких-то особенных слов. Она сказала негромко:

— Постараюсь... оправдать доверие...

В этот миг стрелки Кремлевских курантов показывали 23 часа 18 минут, там было 28 февраля. Это означало, что ветеран Чукотской партийной организации Ухсима получила новый партийный билет первой в Советском Союзе!

— Здесь, на этом берегу, началась моя жизнь. Здесь могилы предков, здесь мои труды, здесь жили и работали люди, сложившие из меня человека: Майна — учитель, Матлю — председатель, человек-сердце Ерженин... Здесь корень наш, уназикский, здесь брат и сестры, здесь мне красный галстук повязали, здесь в комсомол вступила, в партию. Здесь детей родила... Знаете, когда кто-то произносит слово Родина, я вижу зрением разума ее неохватный простор, красную линию границ, кружки и кружочки городов, звездочку Москвы — я вижу карту. Вижу алый размах Советского Союза на карте... А когда сама в уме произношу слово Родина — вижу вот эти наши берега, сопки у Чаплино, лица мамы и бабушки, наши жилища в сугробах... Не знаю, может быть, это плохо? Но уж так вижу... И еще одно скажу — от сердца: в Певеке это было, шла я по сугробам, поземка крутилась под ногами, как собачонка, мысли горькие — сын болен... И тут зрение мне размыло. Иду автоматически, дороги не вижу, все кругом белесое, туман... И за что-то зацепился взгляд, всмотрелась: впереди справа над крышей дома какого-то, обычного жилого дома, на ветру красный флажок бьется, яркий-яркий! Наверное, дети поставили... У нас на Севере дефицит цвета, особенно зимой. Так вот, красный этот флажок так привлек мои глаза, что я на минуту потеряла все черные мысли, а потом подумала: «Все будет хорошо, такое ли пережили!» Теперь, когда в душе звучит слово Родина, вижу зрением сердца наш берег, нашу тундру, наш красный флаг.

Жди, мой Уназик!

*Через год
Твой врач людей лечить придет,
Учитель поспешит приплыть,
Чтоб в школе малышей учить,
И серебристый самолет
К тебе твой летчик
Приведет.*

Юрий Анко

А И Н А Н А

Прочитал Людмиле Ивановне Айнана очерк об Ухсиме, ее старшей сестре. Айнана — это фамилия и... эскимосское имя Людмилы Ивановны.

Она куталась в шарф, худенькая, белолицая, а в эти дни болезни бледная, молчала, прикрыв глаза, а когда заговорила, в ее негромком голосе прозвучали привычные учительские нотки:

— Все здесь правда, особенно в эпизодах жизни самой Ухсимы. Но не совсем. Чтобы воссоздать образ матери-эскимоски из недавнего прошлого, писатель должен быть по меньшей мере ее сыном. В поэтике католического и христианского Запада, мусульманского Востока женщина слаба, она носительница вдохновений и греховности, чуть-чуть «исчадие ада»... У Ростана в пьесе «Сирано де Бержерак» — помните? — есть строки, в вольном пересказе звучащие так: «Внемлите нам, вдохновляйте нас, поэтов, но не судите нас!» — дескать, не женского ума это дело... Прекрасная Дама, Мадонна... Всего этого не было у эскимосов. «Та, что питается объедками», «У женщины нет сердца, есть только печень» — это было. И мужчина-эскимос от веку знал выносливость и необъяснимую силу духа своей женщины. Образ эскимосской женщины трагедии изначально. Любовь, материнство, смерть детей и любимых... ведь и сейчас зона обитания нашей народности называется «арктической и субарктической зоной экстремальности». И в этой экстремальности эскимосы жили не по срочным договорам, не в командировках — жили веками, не зная другой жизни.

Айнана говорит негромко, смотрит в глаза, и собеседник в ее взгляде видит и процесс рождения мысли, и напряженность саморедактирования — все то, что называется в обиходе интеллигентностью, культурой общения. Айнана — ученый-эскимолог, лингвист. Самая младшая в большой эскимосской семье — разница в возрасте со старшей сестрой Ухсимой девятнадцать лет. Она выросла в родительском доме, в эскимосском селении Чап-

лино. Ее детство протекало в пору великих духовных преобразований. Работали на побережье русские учителя-энтузиасты: Георгий Алексеевич Меновщиков, Екатерина Семеновна Рубцова... Первым учителем маленькой Айнаны был брат отца, легендарный Майна. Он был создателем колхоза в Чаплино, бессменным парторгом, организатором национального (тогда называли — туземного) Совета и первым учителем-эскимосом. В конце тридцатых годов вместе с Г. А. Меновщиковым он приступил к составлению первого учебника грамматики эскимосского языка; эта работа была прервана войной, только в 47-м году книга вышла в свет. Майна был первым организатором и руководителем национального коллектива художественной самодеятельности, сам создавал талантливые песни и танцы. Советское правительство высоко оценило деятельность Майны — он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, стал первым эскимосским учителем-орденоносцем!

Майна научил маленькую Айнану читать на родном языке и говорить на русском. Читать она училась по первому эскимосскому букварю «Хванкута игапут» («Наша книга»). Учебник был издан в Ленинграде еще в 1932 году, но на Чукотку попал не сразу — уж какие тогда были средства доставки! Как вспоминал Георгий Алексеевич Меновщиков, первое явление этого букваря было необычным: «...Вдруг выяснилось — у председателя артели Матлю уже есть этот букварь. Его привезла приезжавшая в Сиреники (эскимосское село по соседству. — В. А.) на практику студентка Института народностей Севера, Валентина Бычкова. Завшколой Николай Андреевич Братышкин решил снять копии с этого букваря, выпросил «Хванкута игапут» у Матлю на несколько дней, переписывал от руки, без копирки... Матлю очень дорожил этой книгой, оборачивал в белую ткань...»

Первая русская учительница Айнаны — Анна Федоровна Литвинова, ныне пенсионерка, живет в Москве. Людмила Ивановна встретила с ней, приехав на Всемирный фестиваль молодежи в 1957 году, будучи студенткой Ленинградского педагогического института имени Герцена.

— Позвонила в дверь, сжалась вся, жду. Долго, очень долго за дверью было тихо, потом шаги, дверь распахнулась!.. Как мы обнялись, так и не выпускали друг друга из объятий весь вечер, говорили — наговориться не могли. От Анны Федоровны по-прежнему пахло «Красной Москвой» и хлебом... Да-да, хлебом! От нее всегда пахло так — духами и хлебом, когда она у нас жила, в Чаплино. Тогда я очень полюбила хлеб. Уназикский слепой сказочник Айвохак в тридцатые годы сложил песню о русской учительнице, выпекавшей хлеб — «русское мясо» — на камен-

ной площадке жирника. Прекрасная была песня-сказка!.. Между прочим, с той поры самая моя любимая еда — хлеб. Хлеб с маслом да с чаем, и больше не нужно ничего!..

Славная была школа в Чаплино! Ведь там работали подвижники. Там Айнана узнала Меновщикова и Рубцову. Учителя формировали в детях национальное самосознание — и чувства интернационального братства трудовых людей. «Не уважая в себе эскимоса, как ты сможешь уважать людей других народов?» — рассуждал учитель Майна.

— Наше родовое место — Имутака, — рассказывает Айнана. — С ним связано старое предание. Жили Сирота и Бабушка. Голодали. Совсем опустела их мясная яма, соскребли остатки заквашенного мяса с земляных стен — съели. И вот позвал Сироту Хозяин Моря. На зов пошел Сирота под воду, брел по дну неровному, как окаменевшие волны. Углубления — по-эскимосски имутака... Взялся Сирота на гребни, а в имутаках было обильно разложено мясо моржа, мясо нерпы, мясо кита. В других имутаках — отборная морская капуста, тундровые съедобные травы и корешки... Все дал Сироте морской Хозяин, сказал: «Не открывая глаз, иди к своей мясной яме, над ней потряси рукавами — не гляди только! Потом иди к Бабушке, скажи: «Бабушка, посмотри в нашу яму, может быть, осталось хоть волоконце мяса! Очень есть хочется». А Бабушка ответит: «И смотреть нечего, пуста наша яма, давно стенки обскоблили, даже землю, пропитанную соком мяса, сварили и съели мы...»

Так и сделал Сирота, только долго пришлось ему уговаривать Бабушку, пошла она в конце концов к яме, заглянула — а там было все!.. Значит, по преданию, была прибрежная коса морским дном неровным, в углублениях между галечными валами — в имутаках — селились люди, ставили свои полужемлянки — нынлю. Коса называлась Имутака. Род эскимосский назывался Имутака... Там сложилось селение Уназик. Потом назвали Чаплино. Потом уназикцев переселили с косы к береговым сопкам бухты, назвали селение Новое Чаплино. Так было...

Ухсима жила отдельно от нас, своей взрослой жизнью... Брат старший Итхуткак работал, помогал семье, Кураса училась в третьем классе, я — в первом.

Умер папа... Мама — без профессии... Потом Кураса работала в столовой местного аэродрома — были здесь во время войны специальные аэродромы, для перегонки самолетов американских, по ленд-лизу... Летчики знали нашу семью, Кураса приносила с работы суп солдатский, вкусный-вкусный!.. Бабушка Паина, совсем постаревший дедушка Кхакх, мама, брат — в то время уже очень больной, Кураса, я жили бедно. Ухсима помо-

гала как могла. Много лет спустя я читала роман Маркова «Войди в любой дом» — о жизни людей в Сибири в годы войны и послевоенного восстановления. Знаете, читая, как бы видела бытие нашей семьи здесь, на Чукотке, диву давалась, как мы это все пережили, как выстояли? И ведь песни пели, танцевали, были по-настоящему счастливы! Сердечно радовались каждому теплomu дню, каждому платьицу, новостям хорошим, воспринимая как личную удачу пуск новой домны, успехи целинников, и песню «Широка страна моя родная!» пели восторженно и вдохновенно, и до сего дня считаю эту песню самой лучшей — и еще «День Победы»...

Среднюю школу Людмила Аймана окончила в Провиденция, стала первой девушкой-эскимоской со средним образованием. В выпуске 1954 года не было больше девушек: трудные годы уводили их из седьмого-восьмого класса в училища, на работу. Летом следующего года получили «аттестат зрелости» Николай Каваугье и Николай Панаугье — парни из Сиреников. Они поступили во Владивостокское высшее инженерное морское училище имени Невельского. Николай Панаугье стал инженером-судоводителем, штурманом судна, приписанного к порту Петропавловск-на-Камчатке. Влюбленный со школьной скамьи в Людочку Айману, он еще не знал того, что они встретятся, пожениятся...

В Ленинград Аймана добиралась через Москву. Огромный город оглушил, глаза разбегались. Стояла на станции метро «Аэропорт» бледная невысокая девушка с раскосыми темными глазами, тяжеленный чемодан у нее (книги, зимние вещи, подарки и посылки тем, кто уже учится там, в далеком Ленинграде), прижимала к груди сумочку, а вокруг бушевала и пенилась человеческая река.

Он подошел к ней, рабочий парень, высокий, сильный, подхватил чемодан, пошел, задавал вопросы: откуда, куда? Доехали до площади Свердлова. Поднялись на эскалаторе, спустились по лестнице, пошли по проходу, и вот нужный поезд, мужчина привычно, по-московски, поспешил, вошел в вагон, а Люда не успела — и вот проплывает мимо нее лента освещенных вагонных окон, он там, с чемоданом, а в чемодане документы, аттестат... Вошла в вагон следующего поезда, на каждой остановке высывалась из двери, старалась увидеть в толпе его, высокого, с лицом совершенно незапомнившимся...

Он ждал ее у эскалатора выхода к Ленинградскому вокзалу. Увидел в толпе, чуть приподнял руку, улыбнулся; увидев его, она рванулась было, но сдержалась, подошла спокойно: «Понимаете, не успела, простите...» Он ждал ее минут двадцать, для

московской вечной спешки срок немалый. Он донес чемодан до камеры хранения, сказал: «Теперь не теряйся, малышка!» Шагнув в толпу и сразу растворился в ней.

Оставив чемодан в камере хранения, пошла гулять, теперь уже уверенная, что не потеряется. В листве деревьев проглядывался желтый цвет раннего увядания. Моросливый дождь тюлевой занавесью смягчил четкость архитектурных линий. Была у Люды любимая открытка еще в Чаплино: Большой театр на фоне синего неба и нежной зелени, вызолоченный солнцем. А в действительности показался он серым, громадным, но не большим! И это так огорчило Люду, что она расплакалась. А вокруг двигалась, поблескивая мокрыми плащами, Москва, которая слезам не верит. И рушилась мечта. Но из сетки дождя вынырнул вдруг паренек, стрельнул раскосым глазом:

— Салом алейкюм, сестра! Соринка в глаз попала? Откуда ты? Вижу, азиатка, но откуда?

— Ты из Средней Азии? Ну вот, а я из самой дальней, с берега Берингова моря. Проходил по географии?

Он шел рядом, незаметно навязав и темп движения, и темп разговора. Да и не было разговора, был бурный монолог на тему: «Я — в предложенной жизнью ситуации московского гида», Юнус, мускулистый и гибкий, как виноградная лоза родной его Гиссарской долины Таджикистана, весь отдался роли, весь — вдохновение!

— Здесь остановись, замри на мгновение и поклонись молча — это великий драматург Островский в вековечных думах... Да-да, здесь Малый театр! Скромный, правда?.. А это «Метрополь», пристанище иностранцев, гостей Москвы. Посмотри наверх, видишь — фреска самого Врубеля... Первопечатник Иван Федоров, это он ввел в обиход книгу на Руси... Там, левее и дальше, — Железный Феликс, рыцарь Революции... Теперь проходы древнего Гостинного двора — и приготовься шире раскрыть свои эскимосские глаза... Позволь, почему у эскимосов, у братьев ваших и наших — чукчей, узкие глаза? У нас — понятно, предки крепко щурились под неистовым солнцем... А у вас?

— И у нас... иногда, очень иногда появлялись, помягче как сказать, не очень молчаливые люди, и мои предки щурились, глядя на них, так крепко щурились...

— Bravo, сестричка! И ты, как моя Гульчахра. Но — затая дыханье — вот Красная площадь, вот Кремль, вот Мавзолей Ленина...

Мелодично, по-хрустальному переливчато, возникли в дождливой выси перезвоны Кремлевских курантов. Дождь еще висел в воздухе, но над Кремлем вдруг прорвалась серо-синяя кисея

непогоды, на Красную площадь упал размашистый сноп золотых лучей — всего на несколько минут.

— Сколько раз бывала потом в Москве, всякую ее видела: праздничную — в дни Всемирного фестиваля молодежи, будничную, но вспоминаю всегда — ту, на серо-сизом бархате осеннего фона, золотую, промытую дождем, высвеченную солнечными лучами.

В Ленинграде люди не ждали вопросов от приезжей девушки, подошла полная усталая женщина в железнодорожной шинели, расспросила, кивнула, сказала: «Езжай, дочка, на сорок четвертом автобусе — точно доставит, вон она, остановка!»

Поехала Люда. Много лет ездила этим автобусом, все по тому же маршруту: вокзал — Институт имени Герцена.

Добралась. Вахтер общежития сказал: «Ваши живут на пятом этаже!» И тут же столкнулась с Валей Укутлю, она поступила на первый курс, после Анадырского педучилища, и приехала чуть раньше. В ее комнату быстро сбежались все чукотские, среди них — Лина Тынель, третьекурсница. Чемодан распотрошили, все вкусненькое, домашненькое, чукотское — съели, чаем запили, до утра разговоры разговаривали.

Утром пошли к декану факультета языка и литературы народов Крайнего Севера, к доценту Льву Васильевичу Беликову домой, на набережную Фонтанки. Лев Васильевич — знаток чукотского языка, студенты его уважали, он их тоже любил. Лев Васильевич вел практикум по русскому языку и по фольклору народов Крайнего Севера.

И началась студенческая жизнь. Семинары и зачеты, лекции и экзамены, картинные галереи, музеи, кинодекады и, конечно, театр.

Людмила участвовала в институтской самодеятельности — декламировала, танцевала, пела. И стала лауреатом Ленинградского студенческого фестиваля «Проводы белых ночей».

На Чукотке была создана песня «Чаплинские девушки», ее написал студент Анадырского педучилища, двоюродный брат Люды Айнаны Юрий Анко. Самодеятельный коллектив училища собирался на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву. И из Ленинградского института имени Герцена готовилась концертная самодеятельная группа.

И вот Москва!

Замечательная молодежь Чукотки собралась в Москве: первый эскимосский поэт Юрий Анко — он тогда возглавлял творческую группу училища, а «Эргырона» тогда еще не было, Тоня Кымытваль — начинающая чукотская поэтесса, активный комсомолец Базик Добриев, молодой поэт Чукотки Виктор Кеуль-

кут... Держались вместе, но что для фестиваля эта группа — завихрились, растворились чукотчане в пестрой многоязычной феерии. Что ни перекресток — то концертная площадка, что ни скамейка в сквере — то трибуна!

Только документальные фильмы, цветные и широкоэкранные, могут сконцентрировать и передать образ этого явления — международного фестиваля молодежи. Особенно Московского — уж так щедро наша столица, так щемяще родственна всем, так по-советски размашиста. За примером далеко отправляться не надо — вспомните празднества Олимпийских игр в Москве!

— Работая над букварем, я вспоминала, как с возрастом менялся для меня образ Родины. Помню, в детстве, когда была война, я представляла себе Родину женщиной, одетой в свободные красные одежды. Она являлась мне то скорбной, прижимающей к груди ребенка — как на военных плакатах, но живая, то со сверкающим мечом над головой, как комиссар, зовущий в атаку, так похожая на «Свободу» Делакруа... Позже, в старшем классе, на уроке географии я представила себе громадную географическую карту с краями, размытыми расстоянием, увиденную как бы из космоса, но не страну, а именно карту, понимаете? Равнины, горы, реки и моря, как на карте, но сквозь красивый фильтр. И золотистые буквы поверх: Р О Д И Н А... А вот после Всемирного фестиваля, когда мы, студенты Института имени Герцена ехали поездом на целину и намотались — ведь сутками напролет орали песни, спорили, — я уснула на узкой полке, мне привиделась широкая колонна молодежи, все в национальных костюмах, с республиканскими флагами... Они шли на меня, смеясь, шли под какой-то марш, и барабаны грохотали в ритме вагонных колес, и над ними было синее-синее небо, и солнце с диадемой золотых лучей... Они приближались, я бросилась навстречу — и их шеренга чуть-чуть раздалась, освобождая мне место, — это тоже было видение Родины...

Омская область, Называевский район. Солнцепек, сушь, пыль и перекасти-поле, похожее на рыбий скелет, гонимый ветром по раскаленным дорогам, по низкой стерне. Белесое небо, ни облачка. Было жаркое и рекордно урожайное лето 1957 года.

Элеваторы были переполнены, хлеб буртовали на брезенты и под брезенты, а машины все везли и везли зерно. Высоко над степью кружились голубые орлы.

Ребята-ленинградцы работали на току, а чтобы не терять дорогое время на переезды, ночевали тут же, на брезенте, упоительно пахнущем горячим зерном и соляром. С ленинградцами работали местные женщины. Анастасья Порфирьевна, звеньевая, сорокадетная женщина казачьего рода, дебая, могучая, она

ворочала широченной — на заказ — лопатой вороха каленого зерна и все поглядывала на малышку — Людочку. Не раз на «перекурах» расспрашивала ее о Чукотке, об эскимосах и чукчах, о матери и о том, как в войну бедовали.

Вечером, прикрывая Людочку старой телогрейкой, Анастасья Порфирьевна говорила задумчиво:

— Господи, как широка Россия! И всюду люди, и всяк свой хлеб трудом добывает... А моржати́на-то вкусная?

— Вкусная, тетя Анастасья, сытная. Но я хлеб тоже очень люблю. Теплый он, хлеб...

— Это так, девонька, у нас так и говорилось всегда: хлеб и приварок, стало быть, хлеб — главный, а все остальное — мясо ли, овощ ли всякая, каша — все к нему, к хлебу, приварок... Ты вот слабая, а работающая, стало быть, весь род ваш такой, в тебе характер вижу. Спи...

...За окном бушует майская пурга. Еще три дня назад по сияющей солнечным отблеском зеркальной воде бухты выходил в море теплоход-ветеран «Джурма», разгоняя глянцевые, маслянистые волны и зеленватые льдины. Еще два дня назад над бухтой Провидения проносились стаи стремительных гаг и противоположный берег прочитывался каждым домом, каждым окном, и сопки серели просохшей прошлогодней травой, и ждалось, что вот-вот они зазеленеют. Пурга сорвалась вчера, и бухта стала сталисто-серой, и ветер разгонял свежую волну, взбил на гребнях пену, и исчез берег — Урелики не просматриваются даже темными пятнами домов и дымов. Пурга несет слоистый снег — тут и крупные хлопья, в затишках выются они, как белые мухи, тут и секущая крупка — и все летит настилом, ровно, без порывов, и похолодало так, что и чайки исчезли, и ленивых лысук унесло ветром, и пуночки пестренькие попрятались.

Людмила Ивановна звонила из Магадана — там теплынь, зелень пробивается. Рассказала, что врачи внимательны, ушел страх, готовят ее к операции.

Улетела она в магаданскую больницу еще в начале апреля. Не жаловалась, молча выслушивала ободряющие слова, маленькая, стиснутая в кулачок воли. Стараясь отвлечь, подолгу разговаривал с нею, копался в блокнотах, говорил громко, силится насмешить. Она понимала мою тревогу и, жалея меня, подстраивалась под бодряческий тон, вспоминала смешное, кривила в улыбке бледные губы, а глаза не смеялись...

— За студенческие годы у меня были запомнившиеся встречи с журналистами. Еще в каникулы, между первым и вторым курсом, мы жили в оздоровительно-трудовом молодежном лагере под Ленинградом...

...Студенческий палаточный городок отделяла от окраинных домов дачного Приозерска поросшая соснами гряда холмов. Палатки разби́ли между колхозными огородами, на них и работали, картошку окучивали, морковь прореживали. Вокруг огородов, соединяясь протоками, голубели неглубокие прогретые озера, на них соорудили купальни, для девочек — отдельно. Люда Айнана, как многие эскимосы, не умела плавать. Ее подруга, соседка по палатке, корячка Танечка Федотова, пловчиха-разрядница, в то утро убедила Люду: «Научу плавать за раз! Ты будешь плавать как утичка!» Она так и говорила «утичка»... Ушли вдвоем подальше от купален, выбрали плес, не заросший ряской, и Таня взялась учить — держала тоненькую Люду на руках, стоя по грудь в воде, наставляла терпеливо: «Ты руками воду под себя подгребай, а ногами отталкивай... Расслабься, не суетись! Вот уже и плывешь, я ведь тебя и не держу совсем!»

Взбаламутила воду: дно-то не песчаное. И Люда побрела в сторону. Где почище. И вдруг скрылась с головой — без всплеска, без вскрика. Таня бросилась на помощь и тоже ухнула в холодную глубину, вынырнула — а Люды нет! — пошла вглубь, схватила подругу, вынесла, а Люда побелевшая, глаза закрыты, и дыхания нет. И у Тани от страха сил не стало, вот-вот Люду выпустит. Закричала, заорала — и от страха по-корякски! Зов тонущего на всех языках понятен, примчались двое парней, помогли, стали Люду откачивать, а она и воды-то не наглоталась, просто чувств лишилась. Посидели на бережке, погрелись, бледность отошла — и тихонько в лагерь, в палатку, таясь от начальства: купаться разрешали только на отведенных местах. Как потом рассказали, Приозерск в войну бомбили полутонными бомбами, с тех пор под гладью озер попадались громадные воронки. В одну из них и угодила Люда.

Только подруги успокоились, вызывают их к начальнику. Для встречи с канадскими туристами. Поехали чукчанки Лина Тынель, Валентина Укутлю — теперь она Нальгина, работает в поселке Лаврентия — и эскимоска Люда Айнана. Усадили девушек в открытый ЗИС-110 и с шиком повезли в Ленинград. Девушки по дороге решили купить цветов, денюжат было немного, купили дешевенькие.

— Мы выбрали для вас такие цветы, которые растут в нашей тундре! — нашли они слова при встрече с канадцами. И те были растроганы.

Приехали в Советский Союз канадцы — журналист Джон Стюарт, русский канадец по фамилии Ясный, четверо украинцев-канадцев, два югослава, тоже канадцы. В те годы гости из-за границы были еще не часты, туристские тропы еще не оттаяли

от наледи «холодной войны». Захотелось канадцам встретиться с представителями северных народностей, Джон Стюарт мечтал поговорить с советской эскимоской.

Познакомились, разговорились. Ясный рассказал, что родители увезли его в эмиграцию еще в 1928 году, а родом он из Сибири. Говорил он с акцентом, как будто горячее картофельное пюре во рту держал. Оказался приличным человеком. Когда в конце встречи стали канадцы наперебой приглашать девушек в Канаду, он тихо сказал: «Ой, девушки, не надо вам к нам... У вас такая замечательная страна, а у нас жизнь тяжелая!..» Но это было в конце встречи, а в начале Джон Стюарт увлекся разговором с Людой Айнаной.

— Это правда, что эскимосы едят сырое мясо и потому не поддаются цивилизации?

— Эскимосами, то есть «людьми, едящими сырое мясо», нас называли индейцы Аляски, от них это слово вошло в европейский обиход... Да, мы едим сырое мясо, в нем есть все нужные витамины. А вы, господин Стюарт, заказывая бифштекс, разве не предупреждаете официанта, чтобы не очень прожаривал, чтобы «с кровью»? И вы не пьете сырых яиц? А в немецкой кухне разве нет блюда «бифштекс татар» — попросту сырого фарша, сдобренного сырым яйцом? Немцы считают, что это блюдо очень полезно людям старше сорока лет... Мы называем себя юпик — «настоящий человек»... Это юпик изобрел поворотный гарпун еще в каменном веке. И сегодняшние специалисты считают устройство этого гарпуна выдающимся инженерным решением. Это к вопросу о цивилизации. По-вашему, я не цивилизованный человек? И разве эскимосские мореходы, летчики, механизаторы работают и знают свое дело хуже, чем канадцы, голландцы?

Джон рассыпался в извинениях, потом сказал:

— Вы знаете английский язык?

Люда медленно и старательно ответила по-английски:

— Нет, я не знаю английского языка, но ведь и вы не говорите по-русски? — и добавила через переводчика: — И по-эскимосски вы не говорите. А я изучаю русский язык по институтскому курсу, получаю высшее филологическое образование, русский язык открыл мне сокровища советской и мировой культуры... Скажите, пожалуйста, вы встречались с эскимосами у себя в Канаде?

Все канадцы ответили отрицательно, только Стюарт, помолчав, сказал:

— Да, я видел эскимосов в Оттаве. Там есть Антропологический музей. В этом музее жила в течение целого сезона семья эскимосов. Они позволяли смотреть на себя... за деньги.

Стюарт помолчал, он был смущен.

— Простите меня, девушка, — сказал он, — я задавал не те вопросы. Я вам напишу письмо — уже из Канады. Вы не откажете мне в ответе?

Да, год спустя Джон Стюарт прислал Людмиле Айнане письмо. Он писал, что всерьез увлекся проблемами эскимосов в своей стране, что его очень интересует дальнейшая судьба советской эскимоски лингвистики Айнаны...

— Расставаясь, канадцы подарили нам сувениры — платочки с картой Канады. А господин Ясный, смущаясь и краснея, приколол к жакету Айнаны эмалевый алый кленовый листок — символ Канады.

На старших курсах пригласили Айнану поработать в издательстве, поручали корректировать эскимосские учебники. Познакомилась с книжным делом. Кстати, там, за корректорскими столами, по-настоящему узнали друг друга Айнана и Вера Анальвасак, тоже эскимосская студентка. Впоследствии их связала долгая дружба и соавторство.

С детства знакомая Екатерина Семеновна Рубцова привлекла Люду Айнану к работе над своим фундаментальным трудом, эскимосско-русским словарем. Это были счастливые месяцы: быть рядом с убеленной сединами Рубцовой, хорошо помнящей их Чаплинскую (и еще Уназикскую) школу, знающей многих близких Айнане людей...

— В семьдесят первом году я отдыхала в санатории «Правда», это в Мытищах под Москвой, и каждую субботу ездила в Москву, к друзьям, к ученому-эскимологу Михаилу Членову. Как-то гуляли по новому Калининскому проспекту и зашли в большой книжный магазин, и по наитию подвела я спутника к отделу «Словари». «Скажите, пожалуйста, есть у вас эскимосско-русский словарь?» — спросила, совершенно убежденная в том, что такого в продаже нет, и вдруг продавщица в фирменном халатике «Книготорга» подает мне новенький, душистый — очень люблю типографский запах! — том в строгом синем переплете, с золотым тиснением: «Академический эскимосско-русский словарь», тот самый, рубцовский! Ну, уж мы накупили по увесистой стопе — себе, друзьям на Чукотке. Там есть список принимавших участие в работе — и в нем: «Айнана».

...Двумя рукавами впадает в реку Анадырь шумная речка Танюрер, в ее дельте, низинной и заболоченной, теснились многие дома селения того же названия. Здесь начала учительствовать Людмила Ивановна Айнана, вела в школе русский язык и литературу. Зима выдалась на редкость суровой, но в школе было тепло, а женщины-чукчанки, матери и бабушки учеников,

сшили «маленькой» учительнице одежду, теплую и красивую. С приближением весны Людмила Ивановна занемогла. Ей, уроженке побережья, трудно было жить в тундре. И женщины селения сказали ей: «Мы полюбили тебя, маленькая, но именем матери заклинаем тебя — уезжай!»

На летние каникулы приехала Людмила в Провидения. И то, что должно было случиться, — случилось: в то же время прилетел в родные места braveго тихоокеанский моряк, штурман Николай Панауге. Они встретились и поженились и должны были быть счастливы...

Округ перевел Айнану в Ново-Чаплинскую школу-семилетку (эскимосскую). Там Людмила Ивановна преподавала русский язык, подменяла в начальных классах заболевшего преподавателя родного языка.

— Отличный коллектив у нас был! Пять учителей-эскимосов: четверо в младших классах, в старших я одна. Жили дружно. Вели большую работу по внешкольному воспитанию детей. Собирали фольклорные материалы, сообща обрабатывали, накапливали... Из того нашего коллектива учитель эскимосского языка Марина Ивановна Сигунылик стала кавалером ордена Трудового Красного Знамени...

Хорошие были годы, но трудные: новый поселок, расположенный на берегу бухты Ткачен только обживался. Оставившие привычную каменистую косу уназикцы-чаплинцы приспособивались к новому месту. Колхоз переживал период становления. И на руках молодой учительницы — первенец, дочурка Аллочка. Конечно, рядом сестра Кураса, вечная помощница в семье, но рядом не было мужа — Николай Григорьевич только три года спустя смог оформить перевод на работу в порт Провидения.

В Провидения переехала и Людмила Ивановна с дочкой. Семья соединилась. Айнана работала в подготовительной школе, в интернате средней школы. Вскоре родилась вторая дочка, Олечка. Николай Григорьевич работал штурманом порта, семья получила большую светлую квартиру в новом пятиэтажном доме. Из окна открывался широкий вид радостной бухты.

Случилось несчастье. Николай Григорьевич получил травму, затем воспаление мозга, и его не стало. Все произошло так внезапно, так быстро! И Людмила Ивановна после десяти лет супружества осталась вдовой, с двумя дочками. Только извечная выдержка, свойственная эскимосской женщине, помогала ей удержаться на краю бездны. Помогли и дети. И коллектив школы. И старые друзья.

Вот что писал в путевом дневнике Георгий Алексеевич Меновщиков после экспедиции на Чукотку 1971 года: «Радостной

была для меня встреча с эскимосской учительницей Людой Айнаной... В Чаплино она помогала мне в работе по записи песен и сказок от слепой сказительницы Анны Наукак. А в Провидения мы вместе были на совещании учителей накануне нового учебного года, в просторном и светлом конференцзале Провиденской средней школы».

На книжной полке в квартире Людмилы Ивановны — «Академический эскимосско-русский словарь». Он содержит 19 тысяч слов и выражений. Составитель — Е. С. Рубцова. На титульном листе ее автограф: «Дорогой Людочке с благодарностью!..».

Осенью Людмилу Ивановну направили на отдых в санаторий «Правда». А по возвращении вызвали в Анадырь. В окроне встретила с Верой Алексеевной Анальквасак, подругой по институту. Вызвали их по важному и срочному делу. Предложение сначала обескуражило обеих:

— Букварь для эскимосской школы устарел, один его составил учитель Гухуге умер, а Екатерина Семеновна Рубцова тяжело больна. Она и подсадила поручить переработку старого букваря вам. Работа срочная, школа не ждет!

Да, первый эскимосский букварь, изданный в 1932 году, устарел: за сорок лет советская Чукотка в составе РСФСР вместе со всей страной прошла путь социального и экономического развития, не имеющий аналога в истории. В мир сегодняшнего ребенка Уэлена и Уэлькаля, Нового Чаплина и Лаврентия вошли слова и понятия, сорок лет тому назад загадочные и фантастические для взрослых людей всех частей света.

Вдумаемся, уважаемый читатель. Автору этих записок многим больше полувека. Но за этот небольшой исторический срок сколько нового вошло в обиход, в словари, в энциклопедии! Лишь краткий перечень: телевидение, радиолокация, реактивная авиация, видеоманитофон, спутники, человек в космосе, космические телерепортажи с Венеры, с Марса, атомная энергетика, синхрофазотрон, бездоменная металлургия — да только ли это! В моем детстве наперечет были мальчишки целой улицы большого европейского города — счастливые обладатели велосипеда! А сегодня пацаны в Нешкане и Иультине гоняют по тундре на элегантных «Буранах» и возятся с ними во дворах, смазав щеки смазочным маслом. В ярангах энурминской тундры на одном крючке висели карабин «Барс», два фотоаппарата лучших марок и кассетный магнитофон...

В бригаде Владимира Туккая из совхоза «Заря коммунизма» в яракынотской тундре работают молодые пастухи со средним образованием, и в уэленском совхозе «Герой труда» много образованной молодежи, и в тундре, и на звероферме... Газеты и жур-

нады, радио и кино, и скоро будет телевидение — портативные аппараты ТВ так же впишутся в быт оленеводов, как «Спидолы»... А какие дети будут у этих молодых людей! — эрудиты, под стать «студентам» из детских садов Анадыря и Магадана, Житомира и Душанбе... И первое окно в большой мир, прекрасный мир, суровый мир, — букварь, главная книга детей всех народов.

Создать национальный букварь! Да ведь это означает вписать свое имя в историю народного образования, в историю страны. Могла ли мечтать о таком девочка из Уназика?..

— Сначала нам с Верой не совсем ясно было соавторство — что это такое? Но у Ильфа и Петрова есть замечательная фраза: «Соавторы не держат в двух руках один карандаш. Они думают в две головы» — помогло! Решили работать параллельно, обмениваться написанным и редактировать друг друга. Работа пошла очень быстро, на одном дыхании, меня не оставляло ни на час волнение, даже во сне я «прорабатывала» страницы...

Осенью 1973 года приступили к работе, а к началу учебного 1974 года из Ленинградского отделения издательства «Просвещение» уже прибыл на Чукотку спецгруз — тираж нового букваря. Вспомним, первый букварь «Наша книга» добирался до Чукотки более года!.. Новый же был подписан к печати 28 мая, а 1 сентября он уже лежал на партах первоклашек в Уэлене и Лорино, в Новом Чаплино и Сирениках, в Лаврентия и Уэлькале.

Из письма Г. А. Меновщикова: «Уважаемая Людмила Ивановна! На основании моего отзыва и рецензии учителей Сигунылик и Епераны рукопись эскимосского букваря утверждена Министерством просвещения почти без изменений. В связи с тем, что букварь, по сравнению с предыдущим, составлен заново, его автором будете Вы и В. А. Анальквасак».

— За этот букварь я была удостоена звания «Отличник народного образования». В приказе министерства было написано: «за творческий труд...»

Людмила Ивановна продолжала работать в Провиденской школе. Вырастали девочки. Все тот же букварь, он на семейной книжной полке. В нем надпись: «Дорогую старшую дочь, мою родную девочку, от всего материнского сердца поздравляю с окончанием средней школы. Алла, ни пуха ни пера! Хочу видеть тебя студенткой! Мама. 25 июня 1977 года».

Отец Айнаны, Атата, был неграмотным. Мама, Янна, — тоже. Старшая сестра Ухсима, партийный человек и мастерица, закончила четыре класса сельской школы и всю сознательную жизнь занималась самообразованием. Кураса, «главная помощница» семьи, тоже не имеет среднего образования. Но младшая,

Айнана, — с высшим образованием. И дочери Ухсимы — с высшим...

Жди, мой Уназик!

Через год
Твой врач людей лечить придет,
Учитель поспешит приплыть,
Чтоб в школе малышей учить,
И серебристый самолет
К тебе твой летчик
Приведет.

Так писал Юрий Анко, первый эскимосский летчик и поэт. Трудно найти в мире народ, столь быстро поднявшийся по крутизне культурного развития и завоевавший столь основательно вершины современных знаний, как народ советской Чукотки.

Айнана продолжала работать в школе. К ней приходили письма, дружеские и деловые, к ней обращались за помощью доктор филологических наук Михаил Григорьевич Воскобойников, и сам Г. А. Меновщикова, и Е. С. Рубцова, и М. А. Членов.

Алла стала студенткой Ленинградского педагогического института имени Герцена, учится на том же филологическом факультете, который окончила мама. Ольга — школьница...

В 1976 году Людмила Ивановна взялась за литературный авторизированный перевод книжки сказок народов Крайнего Севера, составленной Натальей Викторовной Гессе и Зоей Моисеевной Задунайской, — «Пропавшая песенка». В Ленинградском отделении ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» подписана к печати красивая книжка на эскимосском языке «Ифльякак илягатшак» с прекрасными рисунками художника К. Овчинникова — еще один подарок Людмилы Ивановны Айнаны эскимосским детям.

И вот новое предложение: в соавторстве с учителем из Новочаплинской школы Глебом Александровичем Наказиком написать пособие для учащихся подготовительных — первых классов эскимосских школ.

Наказика Людмила Ивановна знала давно, ведь земляки же! Когда-то пути их разошлись: Глеб поступил в Анадырское педагогическое училище, Людмила — в институт. Она знала, что Глеб человек вдумчивый, серьезный, много читающий. Он в постоянной переписке с Георгием Алексеевичем Меновщиковым, помогал ученому в его работах.

Встретились в Новом Чаплино. За последние годы окрепло хозяйство отделения совхоза «Заря коммунизма», в селе были построены большие дома, оборудована отличная школа.

Соавторство складывалось не сразу. Глеб Александрович все

ставил под сомнение, все должен был продумать. Людмила Ивановна уже имела опыт авторской и издательской работы. Думая над текстом, она сразу же пыталась представить себе рисунки — в композиции, в цвете. А дотошность Глеба помогала: по многу раз доказывая ему целесообразность того или иного решения, она поправляла себя.

А тут в Провиденскую школу приехал в командировку научный сотрудник НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР Арсеньев с заданием подбирать кадры для института. И Людмила Ивановна Аймана стала научным сотрудником. Событие это прошло для нее незаметно, она вся отдавалась работе над учебником.

— О многом вспоминала я в те дни, всю жизнь свою перебрала «по косточкам, по суставчикам» — как нерпу разделявала. В первом классе я позже всех научилась читать: мешала память. Когда учительница наша Вера Ивановна Пендрик — она не знала эскимосского языка и говорила с нами медленно, старательно артикулируя, — читала нам на уроке, я все запоминала, даже количество слов и строк... Меня вызывали — и я «читала» и думала, что так и надо!.. Разоблачила меня Вера Ивановна, и... пришлось научиться читать по-настоящему.

К концу первого класса стала отличницей... Как я благодарна своим учителям: Майне, Анне Федоровне Литвиновой, Вере Ивановне — передавали они меня с рук на руки, со ступеньки на ступеньку. И разве меня одну? В Новом Чаплино живет моя двоюродная сестра Иппи, знающая множество сказок и сказаний. Ее дочь — учительница-орденоносец Марина Ивановна Сигунылик... Вспоминала, как в трудные годы брала с собой в школу сушеные нерпичьи кишочки — тоненькие, ломкие, хрустящие. Шла война. Горячих завтраков в школе не было. Мы на переменах обменивались, у кого что было: сухарики, кусочки оленьего мяса, сала. А у наших русских учителей частенько и того не было. А как они держались — всегда ровные, улыбчивые, внимательные.

Они рассказывали нам о войне, о детях войны. Мы обметывали платочки, шили кисеты, рукавицы — подарки фронту. Мы собирали теплые вещи для ленинградских детей. На полярной станции было радио, оттуда мы получали сводки Совинформбюро. И слушали Юрия Левитана — до какого восторга доводили нас этот голос, эти приказы, знаменующие победы!.. И вот десятого мая — у нас ведь разница на десять часов с Москвой — прибежал кто-то с «полярки» в школу и заорал: «Победа-а!» А шли уроки. Ну что уж тут было! Директор школы сам дал звонок, мы высыпали все, тут же построились в колонну, вынесли школь-

ное знамя, горн, барабан... Двинулись к правлению колхоза. И там был митинг.

Дядя Майна в годы войны был и партторгом колхоза, и председателем. И вот он говорил на митинге. «Все эти годы мне было горько. Меня не взяли на войну. Мне приходилось распределять ваш скудный хлеб, все ваши болезни и горе прошли через меня, люди. И вот она, наша Победа! Конечно, не сразу появится довольство хлеба и всякой еды, но мы победили — и не напрасны были наши страдания и жертвы».

Вспоминала я это все и думала, не надо об этом писать в книге для чтения малышам, но дети должны вырастать мужественными, борьба за мир нуждается в людях, сильных духом... Дети-эскимосы — они дети Родины. И об этом должна сказать им первая страница, и третья, и каждая следующая: «Вы — дети великой социалистической Родины». Мы подбирали стихи и рассказы, думая о тех, кто будет читать нашу книгу. В ней — Юрий Анко и Юрий Рытхэу, Юрий Гагарин и Владимир Сухомлинский, Агния Барто и Сергей Баруздин, Джанни Родари и Парина из Сиреников, Владимир Санги и Лев Толстой, Юрий Яковлев и Лев Кассиль, Сергей Михалков и Владимир Маяковский и Джамбул Джабаев.

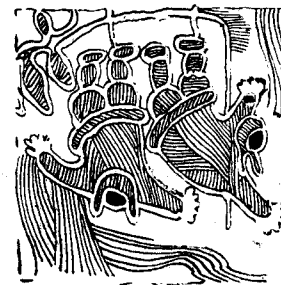
Книгу эту назвали «Анхак» — «Искорка».

...Звонила Людмила Ивановна. Ей значительно лучше, она окрепла и готова к новым испытаниям. Надо выполнять план печатных работ, надо экспериментировать. Надо написать новую книгу — «Учебник по чтению и грамматике для начальных классов эскимосских школ», уже сложился авторский коллектив...

Треск и шорох радиотелефона. Голосок Людмилы Ивановны тоненький и звонкий, как весенние сосульки с крыши.

— Выздоровливайте скорей, уважаемая Людмила Ивановна! Будьте мужественны, ведь вы — эскимосская женщина, вы женщина-юпик, настоящий человек!..

Провиденция, 1982 г.

Вчерашней тундра не бывает

Унесли моих предков
безудержные годы и бури,
но в словах твоих песен
не состарилась правда
веков.

Песни предков — в тебе.

Песни предков — во мне.

Эти песни в каждом из нас.

Сергей Тиркыгин

Вы замечали, что не только лошадка, не только оленья упряжка и собачки, но и механический транспорт к дому бежит быстрее? Мы возвращались вертолетом в поселок Лаврентия, и я заметил: стрелка прибора стабильно держалась на делении «200», а когда летели в тундру ранним утром, скорость вертолета была 175 километров в час. Не удержался, спросил у пилота. Он ответил, что ветер попутный и вертолет облегчен: летевшие с нами работники Чукотсмешторга распродали в тундре весь свой немалый груз...

Маргарита Сергеевна устала. Она сидела расслабленно, привалившись к вогнутой стенке салона, не отрываясь смотрела в иллюминатор. Ее раскосые глаза под тяжелыми веками, приподнятые к вискам крутыми скулами, ее крупный рот с обветренными губами, припущенные плечи — все устало.

Она смотрела неотрывно на тундру, на сахарную белизну сопки, на затемневшие проталинами вершины, на скользкую под нами стрекозиновую тень вертолета.

И я припал к стеклу. Тундра была серо-голубая и белая, с золотистыми и багряными мазками низкого закатного солнца на округлостях, с бутылочно-зелеными абстрактными пятнами обнаженного льда в низинах; цветные пятна тундры менялись и складывались в затейливые узоры, как в калейдоскопе, насыщаясь охряно-золотистыми, зеленовато-желтыми и красноватыми всплесками Длинного дня. Тундра с высоты орлиного полета гипнотизировала, чаровала, казалась теплой... Я-то гость тундры, а Маргарита Сергеевна дочь ее, она-то почему смотрит неотрывно?

— Разве этим за жизнь налюбуйешься, разве насытишься этой красотой? Ведь что ни миг — она другая... Вот сейчас нарядная и теплая, как родной дом, солнце ее украсило. А вот теперь — гляньте! — сизая, застылая в распадках, с черными клыками останцов на вершине сопки, страшная, как погребение... Такая она, тундра, дающая жизнь и убивающая, родная и враждебная, всякая. Вчерашней тундра не бывает.

Мы летели к востоку, краски заката обогнали нас и тускнели, стыли. По сути именно здесь, у Лаврентия, и есть подлинная Чукотка, и называют этот гористый уступ на стыке двух океанов Чукотским полуостровом и район — Чукотским. Северо-восточный и восточный склоны водораздельного хребта Генканы почти не образуют долин, то и дело вздымаются ввысь пики, некоторые до километра. Арктическая и субарктическая зоны. Здесь, на окраине человеческой цивилизации, проходила самая передовая линия борьбы за жизнь. Здесь сложились народности чукчей и эскимосов, зародились самобытные культуры. Пусть с неисчислимыми потерями, в непрестанной борьбе с черной силой непознаваемого, вымирая от голода целыми селениями...

Великая Октябрьская социалистическая революция, созданная ею семья нашей многонациональной страны и ее стремительное развитие — все особенно выразительно на берегах Чукотки. Истинное чудо здесь свершилось за считанные десятилетия! Советская власть возродила жизнестойкость и жизнесодержание народностей тундры и побережья океанов, знамя и идеи великого Ленина осияли безжизненные просторы белого безмолвия, жизнетворные артерии объединили чукчей и эскимосов единым током созидательной энергии, единым пульсом социалистических преобразований. За считанные десятилетия — из мрака промозглости, первобытности — к всеобщей грамотности, к передовым социальным и производственным отношениям, к коммунистическому мировоззрению, к прогрессу современной цивилизации!..

«Вчерашней тундра не бывает!» — приникла к стеклу иллюминатора Ми-8 уставшая за трудовой день женщина, закатный луч золотит ее смуглое лицо. Под нашим винтокрылом тундра.

...Было на мысе Дежнева эскимосское селение Наукан, остались только следы очагов, каменные абрисы жилищ-мантыгак. Остались записи в личных документах людей: «место рождения — Наукан», осталась память в сердцах, остались на скалах гнездовья птиц Наукана.

Маргарита — так ее называли потом, а в сентябре 30-го года в семье охотника на морского зверя Тлюауна родилась Млад, вторая дочь швей-мастерицы Рультытени. Росла она на каменном мысу, на самой-самой крайней оконечности евразийского материка. Ходить научилась на каменистых тропах родного селения, окрепла на крутых обжитых склонах, вброд перебежала по многу раз за день ледяные потоки речушки, делящей Наукан пополам. Там и в школу пошла, семилетку окончила. Всего у Рультытени было десять детей, все девочки, был один мальчик, но умер, едва родившись. И из дочерей в живых осталось только пять...

Не было в семье наследника, кормильца в старости. И отец Тлюаун, известный на побережье зверобой-промысловик, учил дочерей промыслу: как добыть нерпу, освежевать, выделывать шкуру.

— Он меня больше всех любил, я так чувствовала. Брал на охоту. Свой винчестер давал только мне... Фабричные патроны к нему были редкостью, отец сам снаряжал старые гильзы. И меня научил. Десять патронов за день — хорошая производительность, спросите у тех, кто понимает, ну и стрелять такими «трудными» патронами надо было экономно, только в цель. У отца лучшая похвала была: «Нукальнегак! (Эй, паренек!)»... Мама Рультытени говорила наедине: «Это он тоску по сыну баюкает... Надо мной соседи обидно смеются: нет сына у меня, а у вас брата. Вы сами должны выйти в люди — иметь душу и жить душой... И дурное пусть не пристаёт к вам!..»

По настоянию родителей Млад-Маргарита поступила ученицей в промтоварный магазин села Уэлен, потом работала продавцом в Лаврентия. Родители-колхозники по-своему понимали «устройство» дочерей, старались направить их в сферу обслуживания, если выразиться современным языком... Шли трудные годы послевоенного восстановления народного хозяйства. В семье прибавлялись дети: в 46-м родилась Зоя (сейчас она врач в совхозе «Канчаланский»), в 50-м родилась Людмила (сейчас она телефонистка окружного управления связи), а старшие девочки по-своему строили свою судьбу: Елена, старшая, — бухгалтер районного узла связи, Нина — главный редактор эскимосского вещания окружного радио, Маргарита в 1955 году поступила учиться в Хабаровский культпросветтехникум, на клубное отделение. Семья Тлюауна жила в Нунямо. Наукан уже расселили, мама к тому времени умерла.

Училась Маргарита легко. Особенно увлекалась клубоведением, уроками художественного оформления и наглядной агитации.

— С тех пор я никогда не обращалась к художникам: эскизы костюмов делала сама, рекламные плакаты делала сама, эскизы оформления сцены делала сама. Часто — не только эскизы... Хорошо нас учили, много с нами работали педагоги, воспитывали творческое отношение к работе, учили служить искусству. С учебной было хорошо все годы. Плохо было со здоровьем. Я крепко заболела, туберкулез... В те годы, я замечала, многие наши, с Чукотки выехав для учебы в далекие края, болели. Помоему, из-за пищи: тогда еще мы на Чукотке ели не только привозную пищу, но и свою, привычную, и в ней организм находил все для крепости. И еще одно предположение: наш край — хо-

лодильник, у нас не было многих болезнетворных микробов и не было иммунитета. Прилетела я в Хабаровск, организм ослаб на непривычной пище и пропустил в себя «палочки»... Конечно, денег у меня своих не было, только сестра мне помогла, потом младшая — тоже. Мы всегда друг другу помогали, как мама завещала... В Хабаровске врачи предлагали вернуться на Чукотку, лечиться и окрепнуть. Но я понимала твердо: если уеду, если сдамся, то уже не смогу вернуться в Хабаровск, не завершу учебу. И не сдавалась: лечилась, помогала врачам всем, чем могла, в основном упорством, дисциплиной. И училась. Были и в учебе свои сложности: ведь никто не мог подсказать ключ к особенностям клубных форм национального искусства чукчей и эскимосов, а оно своеобразно. К примеру, искусство чукотских и эскимосских танцев и песен составляют личные семейные танцы и песни. Понимаете, на наших праздниках каждый охотник, каждая хозяйка демонстрировали людям поселка не только свои способности исполнительские, но и авторские! Представляете себе многообразие замыслов и исполнений? И, конечно же, все эти индивидуальности строились на канве традиций... Я подробнее конспектировала лекции наших преподавателей, старалась писать четко, разборчиво, оставляла на странице чистое поле, куда потом, после ночных размышлений, вписывала свои мысли, проекты будущих концертов, представлений. Искала форму, оно и понятно: ведь содержание национальных традиционных исполнений воспевают труд, радость личности.

Маргарита вернулась к отцу в Нунымо августовским днем 1959 года. Там она возглавила сельский клуб. Вернулась с дипломом и здоровой, тяжкий недуг навсегда оставил ее.

— В те годы в Нунымо жили и работали корифеи фольклорного творчества: Умка, Нутетейн... Как я благодарна судьбе: я знала этих замечательных артистов, училась у них. Работали мы помногу, я — от зари до зари, участники клубной работы, активисты — все свободное от основной работы время. До сих пор удивляюсь, как при такой-то занятости успела приглянуться Коле, встречались только на людях, весь вечер допоздна он сидел в клубе, ждал, чтобы проводить. Вышла я замуж за Колю.

Коля, так его звали товарищи, для краткости, вообще-то тракторист Глухих, уроженец кержацкого села Сепыч Пермской области, носил древнее библейское имя Кифантий, по отчеству Игнатьевич. Демобилизовавшись из погранвойск здесь, на Чукотке, он решил в родное село, в свой Верещанский район, не возвращаться: родители давно умерли, связи с родственниками прервались. А хороший тракторист в этих местах — человек первостатейный!

— Лет пятнадцать тому назад трактором заволакивали на береговой галечник добытых китов. Ну, работка, доложу вам! — вгонял свой ЧТЗ в воду по самое дальше нельзя, да все спиной к морю, да дно-то разное: вчера еще ровно, а нынче, того и гляди, в яму, вымытую волнами, ухнешь... Руки на рычагах прикипели, ноги на педалях занемевшие. Охотники-морзверобой кита за хвост цепляют. Эскимосы — народ веселый, по первости я удивлялся даже: его накрыло с головой, вода-то беринговская, студеная, а он только отфыркивается да зубы скалит — улыбается. Конечно, рад — ведь кит это ж гора еды, радость!.. Застропали — тащу помалу, а уж тут все селение в воде по пояс, детишки как чайки, кричат, вьются!.. Кит — праздник был большой! А по будням моржей вытаскивал, иной раз связкой. По тундре, по сопкам всякие грузы развозил безотказно, только бы ЧТЗ не отказал... Уважали меня люди. С Маргаритой встретилась, она озорная была, веселая, и я не из молчунов. Я не грендер, как видите, а и Маргарита мне ловко к росту пришлась — ладная она, хоть и малышка. Ну, слово за слово, оглянуться не успел — охомутился вольный конь, и сына она мне родила симпатичного! В семейной жизни от многого пришлось отказаться, и, надо сказать, без сожаления.

С Николаем Глухих я познакомился случайно и раньше, чем с Маргаритой Сергеевной. Было это в Уэлене. Парторг косторезной мастерской, гравировщица Валентина Тагъёк, а сидели у ее рабочего места, под окном, говорит:

— Вон, смотрите, в группе людей Коля Глухих идет, он только что привел из Лаврентия тракторный поезд...

— Так пурга же была все дни!

— Ну, пурга не для Коли... Он наши тундры лучше себя знает.

— Вот тот, высокий?

— Не-е, посредине который, сухарик...

А я-то собирался после Уэлена в Лаврентия, к Маргарите Сергеевне, ну и выскочил на улицу, куртки не накинув, знакомиться. Черный он был, как головешка, только глаза красные, слезы так и текли, но он улыбался.

Потом сидели в тепле совхозной конторы, специалисты деликатно вышли, говорили мы долго. Николай дважды заваривал дегтярно-черный чай. Он хотел выехать сразу же после обеда обратно: «Хоть и нет пурги, но все бывает, а мне мой след в тундре важен!»

— Отказался я, женившись, от застолий наших, механизаторских. Конечно, не без участия Маргариты. Она не как другие женщины: не жужжала, не голосила, не плакала — тут уж факт,

эскимосские женщины не плачут. Она меня выпившего не уважала — и все. И того было достаточно... И на работе я стал бдительней, менее рискован — как же, семейный человек. Не трусил, конечно, но бдительней стал... Маргарита крепко уважала мою профессию, а я становился «широкого профиля»: и тракторист первого класса, и вездеходчик, и шофер. И тундру я люблю — охотник, рыбак. Теперь сыны мои любят технику, охоту, рыбалку... Понимаете, здесь — движение, день на день непохожие. Мне приходилось помногу дней пурговать, пропадать приходилось, но научился у чукчей, у эскимосов не бояться тундры. Я с ней не борюсь, я приноравливаюсь... Борются с тундрой приезжие, а я-то в ней живу!

...Мне, москвичу, не избежать напоминаний читателю, не только материковскому, но и магаданскому, какая это дальняя даль — Чукотский район, поселок Лаврентия. Ведь иной магаданец и не задумывался о том, что даже на крыльях Аэрофлота добираются сюда, в Лаврентия, за большее число часов, чем до Москвы, — это если погода позволит, а то и просидишь в Анадыре на пересадке с лайнера на легкомоторный самолет недельку-другую.

Места здесь гористые. Река Люгрэн с притоками вьется между отрогами, огибает поселок Лаврентия с запада, на ее дельте — село Лорино. От центра района самые дальние селения — к северу — Уэлен, Нешкан, Энурмино, к югу и востоку — хляби морские.

Здесь два времени года: очень долгая зима, когда все белым-бело, и короткое лето, когда в тундре буйствует жизнь, все сущее стремится успеть расцвести, дать жизнь новому поколению, каждая былиночка в цвету, и рождаются у ласковых важенок бархатные длинноногие телята. Мать-оленуха, реквут по-чукотски, недовольно перхает, призывает к вниманию, а он, лопухий малый — кеюкэй, — щурит раскосые глаза, тянется к солнцу мокрой мордочкой, обсыхает на теплом ветру, и через шесть часов после рождения уже сам ходит, а через четверо суток налегает на салатно-серебристый, нежный и питательный ягель, конечно, не отказываясь и от мамино густого до клейкости молока, а через год станет уже печвак, если он бычок, и ычвек, если важенка... Тучей, вытянутой с юга на север, летят над Чукоткой гуси и утки, и царит над тундрой птичий грай разноголосый, а начинают его нежным попискиванием пуночки, беленькие, с черными элегантными разводами, с нашего московского воробья размером, но деликатные и деловые. Они первыми прилетают на берега студеного моря, еще когда снег лежит и пурги случаются, и бегают юрко по кружевному льду подтаивающего

снежного наста, и что-то клюют — кто его знает, что они там находят для пищи! — и с них, с пуночек, начинается здесь весна, Длинные дни.

Районный Дом культпросветработы, как всюду, — в самом центре поселка. Построен он давно, с солидным фасадом, с вместительным зрительным залом. В рабочих комнатах Дома и кружки самодеятельности, и народный театр, и агиткультбригада, и чукотско-эскимосский фольклорный ансамбль «Белый парус», которым руководит Маргарита Сергеевна, и клуб «Етти» («Здравствуй»), тоже руководимый и созданный Маргаритой Сергеевной. В Доме разместились и районный отдел культуры...

Сегодня в комнате «Белого паруса» — портняжная мастерская: все участники ансамбля, в основном женщины, но и есть мужчины, заняты ремонтом и подгонкой сценических костюмов. Жужжит швейная машинка. Так здесь заведено изначально, сценические костюмы все себе шьют и украшают сами. А это и нарядные камлейки, отороченные мехом, и специальные танцевальные рукавицы, расшитые бисером, украшенные аппликациями, оленьим подшейным волосом, и торбаса нарядные, и особые праздничные эскимосские мячи эмуныанкак.

Мы вошли в пустующую днем большую комнату клуба «Етти». В открытой горке — чайные сервизы. Маргарита Сергеевна заваривает чай к долгому разговору. На Чукотке без чая и разговор не разговор, оленеводы и каюры даже протяженность пути измеряют чаевками — на собачках ли, на оленях ли, — от чаевки до чаевки три часа пути.

Ее лицо по-эскимосски широкоскуло, большие глаза к вискам вытянуты в щелочки, улыбчивая, с пышной высокой прической. Сидит ли, ходит, спина прямая, плечи чуть отведены, подбородок приподнят. И смотрит сквозь густые ресницы ласково и приветливо и с гордостью и достоинством. Сценическая, балетная осанка у нее. И о чем бы ни шел разговор, о самом сокровенном, личном, о трудности, осанка не меняется — завидная привычка быть собранной, немногословной, вдумчивой. Не жестикулирует, мимика скупая и точная. Она видит все, о чем рассказывает, и хочет, чтобы собеседник увидел.

— Вы читали книгу нашей эскимосской поэтессы Зои Ненлюмкиной «Птицы Наукана»? Она моя землячка, младше меня, она из последних, рожденных в Наукане, и тоска ее по месту рождения острее.

...И солнце сквозь туман
уже слепит глаза,
и полнятся теплом
твоя земля и небо —

улыбка и слеза,
 улыбка и слеза.
 И снова слышу я
 за полосой тумана
 смятение сотен крыл
 в рассветной тишине.
 То в памяти моей
 все птицы Наукана
 слетаются ко мне,
 слетаются ко мне...

Глаза ее туманятся, острее становится прищур. Помолчала, еще круче подняв голову.

— По-эскимосски горше получается, хотя Александр Червченко хорошо перевел эти стихи, проникся. Но:

...Сикмык'аг'лэ, ык'итак'ак'а,
 илуинамкун
 Нувук'ак!..

Я начала работать в Нунымо, туда переселили часть науканских эскимосов, через какое-то время получила клуб в Пинакуле, очень красивом селении, недалеко отсюда оно было, через залив. Уже замужем была. Из Наукана наши корифеи Умка и Нутетеин, они создали многие ансамбли, и наш тоже, и позже — «Эргырон» в Анадыре — теперь-то он стал профессиональным коллективом. От них все пошло... Созданный Нутетеиным танец «Полет чайки против ветра» — шедевр эскимосского творчества, он — памятник заслуженному работнику культуры РСФСР Нутетеину.

В самодеятельный фольклорный ансамбль села Пинакуль пришли талантливые люди, костяком же была большая эскимосская семья Тагъёка — морзверобоя, его жена Аяя, дети Яша и Валентина. Многие годы побережье знало имена самодеятельных артистов Тулюокака, Хальхаегина, они были отличными мелодистами, эскимосский бубен у них звучал так же выразительно, как простейшая сельская балалайка — трын-да-брын — звучит в симфонических концертах Будашкина.

Эскимосские песенные и танцевальные мелодии кажутся странными материковскому меломану, невероятно сложно записать их нотами. Каждая мелодия — синтез ритмов сягуяка, голоса певца и его настроения и настроения аудитории! — пластического рисунка танца, но и настроения танцора, его темперамента, мастерства и, что самое главное, опять же! — настроения аудитории: один и тот же танец-песня может быть минорным и мажорным, тонко лиричным и откровенно-бурным, комедийным

и драматическим! Такая особенность эскимосских — да и чукотских! — песен и танцев. Это искусство очень личное. Уходит мастер — и с ним уходит целый мир.

— В шестидесятые годы наш Чукотский район жил особенной творческой жизнью. На районные смотры художественной самодеятельности съезжались самобитные талантливые коллективы: из Уэлена приезжал Нутетеин со своим ансамблем, из Нунымо — Умка со своим, из Лорино — чукотский ансамбль «Лоринские зори» Виктора Аречайвуна, из Энурмино — чукотский ансамбль Таисьи Тнегутдеуд, и я своих привозила. Вот уж были соревнования! И учились друг у друга оформлять концерты, отбирали лучшее, вырабатывали единый ритм действия... И наш «Белый парус» из года в год занимал первые места на районных смотрах — в шестьдесят первом, в шестьдесят втором, в шестьдесят пятом, в шестьдесят седьмом... В шестьдесят пятом году выехали на окружной смотр в Анадырь — и там первое место. Полетели на областной смотр в Магадан — и там первые... Сразу же, не теряя запала, вылетели на зональный смотр в Хабаровск и там стали лауреатами. Смешно вспомнить: сыну моему, Леве, было тогда семь месяцев. Саше — четыре годика. Надо ехать на районный смотр — дело привычное, оставила многодетного мужа хозяйничать и поехала в Лаврентия, рассчитывала вернуться на третий день. Какой уж там, Анадырь, Магадан, Хабаровск — больше месяца каталась. Вернулась, управившись, а Коля докладывает шутейно, на солдатский манер: «Происшествий нет!» Спрашиваю Колю, каково было хозяйничать. Отвечает, что охоту не потерял... Раз так, родила мужу еще двоих — Сережу и Ирочку. И на смотры продолжаю ездить, что поде-лаешь, судьба у меня такая и должность.

Вскоре пришлось снова менять место жительства: расселили людей из Пинакуля. Семью Глухих и весь «Белый парус» перевезли в райцентр — в поселок Лаврентия. Маргарита Сергеевна стала методистом районного Дома культуры. Из села Энурмино в ансамбль «Белый парус» приехала Таисья Тнегутдеуд, коллектив пополнился чукчами, стал чукотско-эскимосским. Работать стало сложнее и интересней. Этот ансамбль, созданный корифеем Умкой в 1957 году, принятый в 60-м Маргаритой Сергеевной, уже имел творческие традиции. Сам Умка возил коллектив в Москву, на Всемирный фестиваль молодежи... За десять лет многое изменилось в коллективе: исполнители, творческая манера, повысилась требовательность зрителей. Другим стал сам подход к фольклорному искусству. Маргарита Сергеевна отбирала подлинное, народное по крупицам, очищала от наносной стилизации, защищала найденное и отшлифованное от наскоков

случайных людей. «Радетели» и «модернисты» уходили из руководства, увозили свои баянные «три топа-три хлопа», а «Белый парус» все уверенней захватывал ветер родной Берингии. Об ансамбле заговорила пресса, им заинтересовались подлинники знатоки.

Мы сидели в большой квартире семьи Глухих. Дом барачного типа, двухэтажный, старый. Таких еще много в поселке. Шквальные осенние и весенние ветры, зимние пурги со злым секущим наждачно-сухим снегом сдирают со штукатурки наружных стен побелку, южаки заваливают снегом почти до крыши... В Лаврентия выстроены и строятся новые многоэтажные современные дома, но не скоро уйдут в прошлое дома первых послевоенных пятилеток. Когда-то и им были рады, ведь есть еще в Лаврентия жилые дома времен первостроителей. Каждый гвоздь, каждую доску, каждый кирпич, каждый мешок цемента — все сюда завозят в короткие месяцы навигации, а железнодорожные километры, а корабельные мили, а перегрузки и дорожные потери — они, словно удачливые алхимики, любой материал превращают в золото. За морем телушка — полушка, да рубль перевоз...

Хорошие дома типа «Арктика» строят сейчас в поселке Лаврентия, но мы сидели в комнате старого дома, по-северному утепленной коврами, мы пообедали, гоняли щедрый чай — добрую смесь индийского с цейлонским. Спасибо Чукотсмешторгу...

Маргарита Сергеевна вспоминала:

— Десятилетие — с шестьдесят третьего по семьдесят третий — вошло в память многими утратами и горестями, но и успехами. Такова жизнь, рядом с добром уживается зло... Умер прекрасный мастер песни и танца Тагъёк, умер Хальхагин, умерла Етхеун... Ушел в последнее плавание шкипер-зверобой Тулюкак, замечательный мелодист... В Уэлене ушла на пенсию очень большая Аяя, жена Тагъёка... Знаете, давно я думаю вот о чем: музыкальное творчество народов других культур, иных исторических дорог развития остается навечно сохраняемым в нотных папках, в партитурах, в записанных либретто балетов, в профессиональных памятных записях и в памяти поколений мастеров искусства. Наше искусство — чукчей и эскимосов — нотами не записать, даже магнитофонная запись не даст потомкам представления о танце Нутетеина, Умки, Тагъёка! Только кино...

Да, совершенно права Маргарита Сергеевна, только кино может сохранить для потомков жемчужины самобытного чукотского и эскимосского танца-песни. «Белому парусу» повезло — в 1973 году коллектив участвовал во Всероссийском телевизионном фестивале, стал дипломантом, его снимали для телевидения и для кино.

— Нас много снимали, все номера наши, и издалека, и поближе, и совсем близко; видела в объективе свое отражение, как в синем зеркале... Эх, не догадалась я тогда попросить телевизионных и киноначальников, чтобы снятый материал и для нас напечатали, и ведь не все же съемки входят в фильмы, что-то же и остается, так запаковали бы они эти остатки и отправили бы в Анадырь, в окружной музей на сохранение!..

Раскрываю тяжелую сафьяновую папку с гербом Российской Федерации.

«Товарищ Глухих Маргарита Сергеевна, за Ваши заслуги в области советской культуры Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 24 мая 1974 года присвоил Вам почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР».

— И в семьдесят седьмом году мы полетели в Москву, на Всероссийский фестиваль художественного народного творчества. Выступали во Дворце съездов! И стали лауреатами...

Маргарита Сергеевна — эскимосская женщина, от предков получившая в наследство суровую выдержку в горе. Она не любит вспоминать беды. А несчастья случались. Старший сын, Саша, закончив школу, решил овладеть профессией отца, поступил в Магаданское ГПТУ. На практике, осенью, он долго лежал под трактором, увлекся, паренек он упорный, и на мокром стылом песке осталась, когда он кончил работу, сухая, телом его прогретая вмятина. Саша застудил почки и тяжело заболел. Теперь Саша дома, выздоравливает.

— Главный он мне помощник, прямо-таки начальник гарнизона, — Николай Глухих позволяет себе хвалить сына только в его отсутствие, а Саша в тот вечер на танцах был в клубе. — Маргарита уезжает часто, мне приходится в рейсы ходить, Саша остается за старшего. Ребята у нас дружные, да и подросли уже: Леонтий служит в армии, танкист, механик-водитель, Сережа — в десятом классе, книголюб, охотник приличный, Иринка — в седьмом, хозяйка она, готовит отлично и танцует, у матери в ансамбле занимается...

— Коля, а разве я плохо стреляю? — Маргарита Сергеевна по-детски ждет похвалы.

— Почему же плохо, хорошо стреляешь, и охотница ты удачливая.

— Вот, я такая!

— Скажите, не возникали ли в семье ссоры из-за частых и долгих отъездов Маргариты Сергеевны?

— Ссориться-то к чему? Что я, слепым ее в жены брал? Знал, на ком женился. Не только ссор, разговоров на эту тему нет. Работа у нее такая и душа. В прошлом году Маргарита ле-

тала на материк четыре раза, а как полет, так, считай, месяц... Ну, что, справлялись мы. Другое дело, не любит Маргарита, когда я уезжаю в рейсы...

— Сравнил тоже! Я-то всегда на людях, гостиницы, столовые. А ты? Самый ведь частый по зимам рейс Лаврентия — Уэлен, по карте я не знаю, сколько там километров, а уж по тундре, по зимнику, да с пургами — адова дорога!..

— Да это как придется, раз на раз не выходит. Случалось, на вездеходе ГАЗ сорок семь проскочил эти сто десять километров за четыре с половиной часа. Но приходилось и по десять дней плутать: вышли как-то караваном — пять машин, трактор, два вездехода. Машины эти тащили через завалы, как ящики, будто у них и колес-то нет. Парни заросли, почернели, глаза красные, как язвы... И так у нас было: меня направили в тундру на два месяца, трактором оленеводов обслуживал. Естественно, скучал, домой тянуло. И вот добрался! Жена на пороге: «До свиданья, милый, мне улечь!» Так я что, я спокойно... Более того, Маргарита и в Пинакуле, и здесь еще, и на выборной работе: была депутатом райсовета, народным заседателем, сейчас — секретарь партийной организации райотдела культуры... Собрала Маргарита этот клуб, любительское объединение «Етти!», так что ни час, то в клуб, да и дома затеет чукотские лепешки печь для заседания клуба, они там завсегда чай пьют с домашним печевом, по очереди пекут, но что-то часто очередь Маргарите достается...

— Клубное объединение «Етти!» мы создали еще в семьдесят четвертом году, кстати, первыми в округе. Клубы по интересам, как на материке. Вспомнила, как еще в Наукане собирались пожилые люди в одном из мантыгак (жилищ), те, что не охвачены были общественной жизнью, — и руководствовалась этим. Нас, эскимосов, мало, каждый несет в себе и себя, и наследие предков. Стала привлекать стариков в клуб, под руки приводили, старики любят уважительность. Приходило к нам сначала человек пятнадцать, и начали мы с конкурса... сказок. Избрали тут же жюри, включили магнитофон. Оживились наши «раньше рожденные», стали петь, танцевать. С самого начала клуб имел свои позывные. Старые входили в двери клуба, и звучал «Вольный танец» Нутетеина. Теперь традиция — создать праздничность, вдохновить. Приходят к нам по пятьдесят человек... Тематика вечеров разная: иной раз только лекция о международном положении, но лектор в гуще людей, за чашкой чая с чукотскими лепешками (из пресного теста, когда-то жарили в жире нерпы, сейчас на растительном масле), с конфетами... Из чаепитий вышли конкурсы на лучшую хозяйку — с призами... Встре-

чи с оленеводами, с морзверопромысловиками. Они старикам рассказывают о своей работе, старики с ними делятся... Когда районный смотр-концерт, приглашаем в клуб приезжих из дальних селений, старикам интересно, ведь эскимосы в какой-то мере все родственники... И молодым интересно, у нас как бы эстафета поколений. И старикам весело в клубе, не отстают от жизни, вот что важно! Но формальность в таком деле преступна, «Етти!» с пустым сердцем не говорят, «Здравствуй!» — это ласка на пороге!.. Ведь даже такое у нас было: издавна, с девичества, были в ссоре наши две женщины, дети их не дружили, а потом и внуки глаза друг от друга отворачивали... И решили мы их помирить, и собрали клуб, душевный вечер был, и помирились, расчувствовались, плакали даже, и я с ними!.. Молодых тоже заинтересовать надо. Был у нас в ансамбле Саша Умка, внук Умки и Эмун. Он у нас танцевал, успехи были большие, но стал летчиком, теперь на «аннушке» летает в районе Марково, над лесотундрой... Вот Иринка наша занимается в ансамбле, на смотры ездит, племянница моя занимается, Ася Добриева, она в четвертом классе учится. Девчущки, пока школьницы, — у нас, а как окончат школу, им надо свое дело искать... Это ж счастье наше, что Тоня Амирак пока не поступила в вуз, работает и у нас танцует, Олечка Ахпашева, заочница Новосибирского электромеханического института, серьезная девочка-чукчанка, тоже танцует. Вот и молодым артистам важен клуб «Етти!», не только старикам.

...Зимой не удалось встретиться с Маргаритой Сергеевной, хоть и очень хотелось. Познакомились еще осенью, на совещании работников культуры в Анадыре, но власть поговорить не удалось. Единственное, что запомнилось: пальто Маргариты Сергеевны. Ох, какое пальто! Мы выходили из методкабинета, я снял с вешалки меховое пальто подать Маргарите Сергеевне. Оно было невесомо! Подал, помог надеть, она отошла на два шага к зеркалу, маленькая, стройная, и тогда, взглядевшись, я ахнул: какое это было пальто — из шоколадно-золотистого неблюя (августовского оленя), явно некрашеного, удивительно точно подобранного из шкурок одного цвета и одной тональности, от воротника и до подола, и по подолу украшенное геометрическим эскимосским орнаментом из кусочков меха, не белых, а нежно-кофейных, и не черных, а без золотизны коричневых. Прямое, простенькое по покрою. Это пальто — европеизированная имитация кухлянки — было произведением искусства.

— Я сделала его сама... Наши женщины и не такое умеют делать, вот приедете к нам, увидите!

Представил себе Маргариту Сергеевну в этом пальто в... фойе

Дома кино и наших дам, во все глаза глядящих на нее и чувствующих себя Золушками в своих импортах.

— Шитью и вышивке училась у мамы, потом у наших мастериц — у бабушки Имаклик, она, моя хорошая, — хранитель сокровищ фольклорных, активистка наша и солистка, ее эскимосские мячи — янкак — это шедевры! Помните, у Альберта Муфтахутдинова в повести «Время Игры в Эскимосский Мяч» описаны наши мячи? Так вот у него есть подаренные бабушкой Имаклик, за-а-а-мечательные экземпляры! Он ими вдохновился...

Помню, в семьдесят третьем году мы сообща отправили большую посылку Комитету советских женщин, Валентине Терешковой. Мы тут наволновались за нее, наши старухи — особенно... Все мастерицы изготовили по паре национальной обуви, больше пятнадцати пар послали! А я вышила эскимосские тапочки для Валентины Владимировны. Придумала свой узор-орнамент, космический, из черного и звезд!.. Бабушка Имаклик говорила: «Она натрудила ноги в космосе, пусть ей тепло и мягко будет по земле ходить!»

В январе 1982 года Маргарита Сергеевна с «Белым парусом» вылетела в Москву на праздник народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, Магаданская область послала представительную делегацию, шестьдесят два человека. «Белый парус» выступал на концертных площадках ВДНХ, его опять снимали для кино и телевидения. Потом Маргариту Сергеевну с «Белым парусом» пригласили в Ленинград для участия в павильонных съемках большого фильма «Родники народных талантов».

«...Ленинградская студия кинохроники делает этот фильм для показа зарубежному зрителю. Я провела в Ленинграде пять незабываемых дней. Прежде всего это были дни творческие — шли съемки. Меня, представительницу маленького эскимосского народа, снимали за работой. Снимали мои выполненные в разные годы изделия. Их я привезла с собой, больше двадцати. Это комплекты женской и детской одежды, жилет, сумка, тапочки, варежки, сувениры. В кадрах фильма я буду в зимней национальной одежде, выполненной своими руками» — такое интервью дала Маргарита Сергеевна газете «Советская Чукотка», ожидая рейс на Лаврентия, в Анадырском аэропорту.

Встретились мы только в апреле, и уже были у нас общие впечатления, общие знакомства, общность взглядов и замыслов. И уже успел я дважды побывать с концертной бригадой «Белого паруса» в совхозных бригадах ближних тундр и собирался полететь с первомайскими концертами в дальние тундры — к Нешкану, к Энурмино.

...У вертолета Ми-8 собралась наконец группа. Естественно, первыми пришли девушки из Чукотсмешторга: они руководили загрузкой в салон товаров для оленеводов. И Маргарита Сергеевна пришла ко времени, и Таисья Тнегутдеуд, и Борис Тынагиргин. Последними прибежали Олечка и Тонечка, держась за руки, скользя на стеклянном ледочке аэродрома. Утро было солнечным, студеным. В вертолете пахло апельсинами и свежим хлебом.

К гулу мотора скоро притерпелись, «печка» работала исправно, почти все дремали. Время было раннее. Подумалось, что в Москве кончился прошлый рабочий день, на улицах людно, у магазинов особенно — праздничная суeta, и Москва уже нарядная, зарделась флагами и плакатами, в потоке прохожих — коробки, коробки с тортами...

Тонечка Амирак прикорнула, прижавшись к плечу подруги. Длинные стрелчатые ресницы плотно, до загиба, лежат на смуглых щеках.

Был на Чукотке славный человек Юрий Анко, летчик и первый эскимосский поэт. Он трагически погиб много лет назад. Тоня Амирак — его дочь, она из рода уназикских эскимосов. Тоне двадцать два года, танцует она с раннего детства, ведь мама ее, Емрон, была в свое время известной танцовщицей этого же ансамбля, да и бабушку Инины народ знал не только как жену уважаемого Ивана Уиковича Каля, активиста Советской власти, но и замечательной была она артисткой и мастерицей... Тоня окончила в Магадане кулинарно-торговое училище, работала в районном гастрономе «Северянка». Представляю себе, как шел ей белоснежный накрахмаленный наряд — униформа этого магазина, — смуглолицей, яркоглазой. Легко жила Тоня, по-юношески бездумно и весело. Училась в школе — танцевала, училась в Магадане — танцевала, работала — и тоже танцевала в смешторговской самостоятельности. Заметила ее Маргарита Сергеевна, пригласила в ансамбль. И вскоре поехала Тоня с ансамблем в Москву, на концертные площадки ВДНХ.

Она мне рассказывала:

— Из творческой семьи, и оказалось, совсем я не знала искусства своей народности! Поняла это там, в Москве, и не на подмостках сцены, а однажды, среди зрителей. Совсем другому увиделись мне эти танцы, песни, когда смогла видеть людей, окружающих меня, когда мое дыхание влилось на морозе в общее парящее, многосотенное... Вот тогда, в толпе зрителей, поняла, как мало и неглубоко знаю я себя, нас! И захотелось знать, уметь, любить!.. Искусство станет моей профессией, у нас нет профессионального искусства, разве что «Эргырон», но и для

него Анадырь приглашает мастеров-профессионалов со стороны — из Ленинграда, из Москвы, даже из Улан-Удэ...

Тонечка Амирак готовится поступить в Московский институт культуры.

Из беседы с Ольгой Ахпашевой:

— Я на год старше Тони, но так уж получилось, в школе мы были вместе, вместе вступили в комсомол. Моя мама, Елизавета Ильинична, — чукчанка, папа — хакас из Таштыпского района, он служил здесь в погранвойсках, женился и всю жизнь работает плотником. Тут его называют «Серебряный топор». Есть у меня сестра и два брата, младшие. Сестра Марина учится в Благовещенском институте сельского хозяйства, я работаю на узле связи и учусь заочно в Новосибирске... Тоня — подруга задушевная, я ходила с ней на все репетиции, на все концерты. Кончилось тем, что Маргарита Сергеевна пригласила меня заниматься в ансамбле. На ознакомительных уроках у меня все получалось, выяснилось, что слух хороший, есть чувство ритма. Но вот стала разучивать танцы — и застопорилось... Понимаете, как только надо вступить было в танец, я мысленно видела Тоню — она ведь танцует вся, каждой жилочкой, она грациозна и вызывающе красивая в танце, — и тут же у меня руки опускались, я ведь понимала, что не смогу так. А Маргарита Сергеевна упорная, оставляла меня после репетиции и велела Тоне ждать меня не на сцене, а на крыльце. Гоняла меня до изнеможения. И стало получаться! Помню, первый раз я близко увидела нашу Маргариту Сергеевну, когда в Доме культуры ее чествовали в связи с награждением орденом «Знак Почета», в фойе устроили выставку — во всю стену — ее Почетных грамот и дипломов — не коллектива, а ее личных! — за работу с ансамблем и за мастерство в прикладном искусстве. Смотрела я тогда на нее во все глаза и, честно говоря, думала: «Ну и что? Подумаешь, самодеятельность!» И только теперь поняла, какая это работа... Я и языка чукотского не знала, а ведь это язык моей мамы. В ансамбле начала учиться и языку тоже, мы ведь часто бываем у оленеводов, а там — стыдно! Это так: либо не называть себя чукчанкой, либо знать язык и обычаи своего народа. Теперь я с ансамблем навсегда связана. Когда окончу институт и стану работать в узле связи, все равно буду в ансамбле, да и из связисток наших буду вовлекать талантливых.

Дремали рослые девушки из Чукотсмешторга. Над укутанными в брезент ящиками со свежим хлебом стойко держалось духмяное облако, ни с чем не сравнимый запах румяных буханок совсем вытеснил из салона дух машины — бензиновый, перегретого металла. Второй час в полете...

Посадка. Вертолет прошел, снижаясь, над тундрой, над двумя ярангами с дымами очагов, над бегущими людьми, над флажками места посадки, развернулся и скользнул плавно, как палый осенний лист, к месту, завис на секунду — и приземлился. И у того места, где станет вертолетный трап-лесенка, тут же уселись остроухие оленные лайки.

Механик распахнул дверь, вынул из кармана комбинезона бутерброд и, разломив его на три части — собак было две, — отдал доли лайкам, сам с удовольствием набил рот хлебом с колбасой. Собаки ели не спеша, деликатно.

— Ритуал! — сказал, первым спускаясь на снег, командир.

Девушки из Смешторга быстро соорудили из открытых ящиков импровизированный прилавок. К вертолету собрались тундровички, мужчины степенно подошли позже. Начался праздничный торг — и мне навсегда запомнился натюрморт: на легких ездовых нартах, на белом посверкивающем снегу — свободные складки атласного голубого одеяла, сетка крупной розовой картошки, картонный ящик. И брошен на нарты нетерпеливой рукой женщины, занятой торгом, малиновый, с синей опушкой детский комбинезон. И над всем яркое солнце Длиных дней, и — в двух шагах — ладные парни-тундровики в мехах, белозубые, кофейнолицые. Очень дефицитен цвет в тундре, грустит взгляд на белом снегу!

Маргарита Сергеевна привезла оленеводам газеты и журналы. Уселись полукругом на нарты, на ящики, и началась беседа, Маргарита Сергеевна рассказывала, как район готовится к Первомаю и что в мире делается. Говорила она по-чукотски. А артисты в это время в яранге надевали концертные камлейки, Борис Тынагиргин налаживал сягуюк, смачивал слегка натянутую кожу бубна, чтобы звучал глуше, чувственней.

От недалекого стада примчались на ездовых оленях еще двое пастухов: у стада остались двое, минимум.

И начался концерт.

Рокотал сягуюк, гуськом, напевая, проходили танцовщицы.

— Ай-я-ааа-ай-я... Ай-я-ааа-ай-я!..

Танцы менялись, Маргарита Сергеевна, танцуя, называла их — и так час подряд! Рокотал бубен, покачиваясь, прихлопывая, неотрывно смотрели оленеводы, соперничали, и вот Маргарита Сергеевна поднимает одного пастуха, второго, женщины вошли в круг...

Еще час полета, посадка, ярмарка Чукотсмешторга, концерт. Здесь, в восьмой бригаде, еще не поставлены яранги — пастушеское звено только-только завершило перекочевку, и нарты еще не разгружены, и стоит прикладом в снег пастушеский ка-

рабин «Барс», но уже всю наяривает битлзов кассетный магнитофон, и молодые парни, и пожилая пара окружили нас, и пошли по рукам мои сигареты — как же, московская «Ява»! — и уже катают девушек-артисток вокруг лагеря на мотонартах «Буран»... Тоня Амирак возится со щенками, их мать не похожа на других собак ростом, статью и серебристо-серой окраской, спокойная и неподвижная, как изваянная. И молодой пастух Иван Этычейвун сказал мне:

— Волчица она, с нами давно живет. По виду — зверь, а характер рабочий...

И вновь концерт, и больше часа!

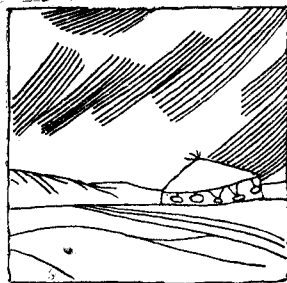
Это были не показательные концерты на смотрах — шла текущая работа «Белого паруса», та самая, во имя которой и был он создан.

После этого концерта — второго за день — парторг совхоза имени 50-летия Великого Октября Горбунов, очень молодой человек и опытный оленевод, говорил артистам:

— Я не хочу повторять банальности, а возвышенных слов еще не нашел. Вы принесли нам праздник. Смотрите нам в глаза — мы благодарим вас!.

Кончался день, мы летели от низин у Колючинской губы, от Ледовитого океана к Тихому, к востоку, навстречу новому дню.

Лаврентия, 1982 г.

Голубое крылечко
Франтовой

Возьмите в руки, родная моя, глобус (эс) голубой
И путешествуйте карандашом,*

*огибая рябой прибор;
И путешествуйте карандашом в северные моря,
Где траурным кораблем враспах летит тоска моя...*

Илья Сельвинский

Анадырь — большой город Чукотки, окружной центр. Устье реки Анадырь, Анадырский лиман, высокий берег и город — они открыты свирепым ветрам Берингова моря. Русло реки стиснуто хребтом Рарыткина с юга и Золотым хребтом с востока, в эту своеобразную аэродинамическую трубу рвутся по реке жгучие морозные ветры тундры. То морские, то материковые — такова здесь роза ветров!

Анадырь сегодняшний из железобетона, это красивый по-северному город и с большими перспективами. Есть в Анадыре и «вчерашние» дома — двухэтажные, щитовые — и в центре есть, на улице Отке. В таком вот доме и встретился с героиней этого очерка. Ее зовут Вероника Сергеевна Франтова.

— Что о себе рассказать? Родилась в Бежецке Калининской области, в семье служащих; мама была бухгалтером, отец умер, когда мне было четыре года. В Бежецке окончила школу и поступила в Ленинградский педагогический институт имени Крупской, потом он слился с Институтом имени Герцена. На четвертом курсе, в мае сорок первого года, из-за болезни мамы я досрочно сдала экзамены. Приехала в Бежецк пятнадцатого июня, а двадцать второго...

В первый день войны комсомолка Вероника, как была в ситцевом платке из Ленторга, тогда были модными с накладными плечиками, с оборками, как у Франчески Галь в фильме «Петер», с шестимесячной «химической» завивкой, явилась в военкомат и, предъявив институтские документы, заявила о том, что она — «Ворошиловский стрелок».

Капитан-перестарок долго смотрел на нее и молчал, потом расклеил щель рта и проскрипел:

— Прогоню — снова придете?

— Приду...

— Отец есть?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Значит, нет отца... С мамкой кого оставляете?

— Останется младшая сестра, ей двадцать лет.

— Бинты накладывать умеете?

* «Эс» означает паузу, читается про себя. (Автор).

— Даже «шапку Гиппократ!»

— Да-а, сложно... Распишитесь! — и направил комсомолку в местный эвакуогоспиталь, сестрой в хирургию. Работала безотказно, как все. Многому научилась. Но просилась на фронт.

— Подробностей уже не помню, но стала я хирургической сестрой полевого госпиталя номер семьсот один Тридцать четвертой армии Северо-Западного фронта. Попала в действующую армию в пору наступления, тогда дрались за Старую Руссу, Дворец, Остров, Псков, Ригу — этой дорогой шел наш полевой Семьсот первый... Я знаю людей, помнящих подробности. Их скрупулезная память есть либо продукт коллективной памяти — встречаются фронтовики, друг другу напоминают, как и что было, тогда и индивидуум после такой встречи может рассказать подробности, — либо активно вспоминает войну тот, у которого в дальнейшей жизни все было мельче, не пришлось «выкладываться». Я помню, что сутками стояла у операционного стола, на подхвате у хирургов. И очень хотелось спать, а есть никогда не хотелось. Были бомбежки, артобстрелы — до передовой около пятнадцати километров. У соседей случалось, прорывались фашисты в тылы и к госпиталю, у нас не было. Сейчас внук пристаёт: «Покажи да покажи боевые шрамы» — вот ему что надо... Не могу я показать, ран не было, а была война, была юность, весна и любовь... В сорок четвертом демобилизовали.

Сержант Вероника добралась до Бежецка к маме и там родила мальчика. В тот день, когда мы беседовали в доме на улице Отке, мальчику исполнилось 38 лет — было 6 июня. Сейчас Станислав Франтов работает в Москве.

— В сорок шестом вернулась в свой институт на заочное, четвертый курс факультета педагогики и психологии. Сын оставался у мамы. Естественно, работала — когда могла и как могла. А на каникулах — в Бежецке, в округе. Край у нас льноводческий и картофелем славится — и теребила лен, сушила, колотила. А картошка — вся страна наша в военные и послевоенные годы ей кланялась, ей памятник бы поставить — за победное участие в Великой войне, как танку «тэ-тридцать четыре». Закончила я институт в сорок восьмом. Заочникам не полагалось распределение на работу, но я поехала в Москву, в министерство, и выхлопотала назначение в Бежецкое педагогическое училище читать педагогику и психологию.

Вспоминается мне, как открывали в городе Великие Луки — это не очень далеко от Бежецка — новый драматический театр. Кстати, в городе этом, четыре раза переходившем в боях из рук в руки и все со штурмами, — все дома тогда были новыми... В театре проектировщики, как бы предчувствуя будущие затруд-

нения с площадями — они наступили лет двадцать спустя, — предусмотрели широченное фойе — танцевальный зал. И в день открытия перед началом спектакля в фойе гремел духовой оркестр льнокомбината, и зал был полон, и был вальс. И в подавляющем большинстве танцевали «шерочка с машерочкой», — у Роберта Рождественского есть стихи о том времени...

И вот первый выпуск у меня, а была я как бы классным руководителем. Прислали из министерства адреса распределений, и из тридцати пяти моих девочек десять должны поехать на Чукотку. Представляете себе? И сегодня, при Аэрофлоте, Чукотка — дальше уже ничего нет, а тогда? И девочкам по семнадцать... И были слезы. Успокаивала я их как могла, а они-то, зареванные, мне в ответ: вам легко нас утешать, вы здесь остаетесь, дома и при маме!.. И поехала я в министерство, и добилась — тоже получила назначение на Чукотку. И мои девочки ожили. Они уехали раньше, мне предстояло еще сдавать дела...

В июньском Анадыре солнце не заходит, и ночью светло, как днем. В доме Вероники Сергеевны за временем строго следят: внучек Арсентий спать должен ложиться в определенный час. Катюша, дочь, еще на работе. Но вернулся к этому времени муж Вероники Сергеевны, Ивтэк Унукович Березкин, редактор окружной газеты «Советкэн Чукотка», и мы за чашкой чая остались вдвоем.

Невысокий, коренастый, улыбчивый, Ивтэк Унукович спроворил ужин, по-чукотски любовно заварил чай. По-русски он говорил не только чисто, тут дело не в литературности слога, а в особом удовольствии говорить по-русски. Ходит он прихрамывая, не тяготится этим. Завязался разговор, Ивтэк Унукович рассказывал легко, с неизменной улыбкой, даже если предмет разговора был не из веселых.

Сиротой-безотцовщиной он остался в четыре года. Отец, имевший из наследства деда Тейкылькута «материнскую метку» — оленье стадо из приданого матери, около 400 голов, из-за несвоевременной перекочевки упустил стадо и от горя «потерял себя». Двое из старших братьев — Ивтэк был последним из девяти детей Кытгаут («Твердость») — ушли за стадом в догон, обнищавшая семья осталась в яранге. Затосковавший отец Унук ушел рыбачить на реку Березовую и не вернулся, много лет спустя люди нашли его снасти. Это случилось в 33-м году.

По новому снегу думали как-то перекочевать — без ездовых оленей — поближе к людям, но не решались, колебалась мать. Она ночами выходила на соседнюю сопку, всматривалась, вслушивалась, ждала сыновей со стадом. Ей чудились далекие голоса, дружный бег стада вдалеке. И Кытгаут сказала детям:

«Завтра поднимаемся!» Вышла ночью и услышала бег оленей и голос сына. Не поверила себе, ведь не раз принимала желаемое за действительное. Но нет — все ближе олений перх, вот снова зов слышит она!

— Эй, все, поднимайтесь, ваши братья гонят оленей!

— Спи, мама, это опять померещилось тебе...

Не померещилось ей, вернулся сын — один, пригнал двадцать оленей. Брата потерял в тундре...

— По обычаю нас взял к себе младший брат отца. Обычай обычаем, но мы были в его большой семье лишними ртами. Он издевался над мамой, бил ее, палкой сломал ей руку... Мы ушли от него, откочевали к Ваегам. Теперь там центральная усадьба совхоза «Путь к коммунизму», а тогда было селенье коряков. Разница в языках такая, как, например, между русским и украинским. Коряки истари занимались рыболовством, оленей имели по одному-два на семью, и мы у них считались «зажиточными»... В Ваегах меня записали в школу, по месту рождения — на реке Березовой — фамилию дали Березкин.

В первый класс зачислили меня семилетнего, брата — восемнадцати лет, сестру — шестнадцати лет, еще одну сестру — тринадцати. У директора школы Михаила Ивановича Чемоданова была своя метода: вместе учились, вместе ловили рыбу, собирали ягоды, заготавливали дрова. Получалась школа-колхоз — и это оправдало себя, особенно во время войны.

В Анадырском педагогическом училище Ивтэк Березкин учился у замечательного педагога, впоследствии крупного советского ученого, Екатерины Семеновны Рубцовой. Он с детства знал корякский, эвенский, ламутский и свой, чукотский. И разговорным русским языком овладел быстро, а вот грамматика, письменные работы — это ему не давалось. Опыт и настойчивость Екатерины Семеновны смогли помочь ему преодолеть неверие в собственные силы, он стал грамотным человеком и еще больше приохотился к книгам. В училище — и на всю жизнь — его любимым писателем стал Антон Павлович Чехов.

— Директором училища в те годы был Виктор Васильевич Лангаш, он мне казался похожим на Чехова — внутренней сутью: он был добродушен, корректен, аккуратен и очень образован. Не удивляйтесь, мне, пареньку из тундры, директор училища представлялся величиной, академиком!

Мать Кытгаут умерла, братья и сестры все были старше, жили своей жизнью, и в тундре. Ивтэк все больше привязывался к училищу, к учителям, и больше всего ему хотелось стать таким же, как они.

— Окончив училище, я работал в начальных классах своей

школы, в селе Марково. Мне повезло: директором школы был один из моих любимых учителей школы историк Вячеслав Георгиевич Коноваленко, сейчас он заместитель директора Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Потом я стал учителем в еще одной «своей» школе — в селе Березово, от которого моя фамилия. И не только учителем, но и директором — смелые люди были тогда в районном отделе народного образования, доверили мне, комсомольцу! Я вошел в советский актив села, а время было трудным...

Село Березово, да и все тундры в регионе Маркова и Усть-Белой были «горячими точками» коллективизации на Чукотке. В этом пастбищном узле кочевали десятитысячные стада «суперчаучи» Гемауге, других богатейших оленеводов. Чукчи раскулачивали богатеев, тундра волновалась, шла острая классовая борьба. Еще когда Ивтэк Березкин учился в четвертом классе, в стойбище богатея Эйнелькута, кулаки убили представителей райкома Майлина и Якимова и их двух каюров... Многих раскулаченных не репрессировали, поверили им, оставили трудиться в тундре, от них шла смута. Председателем артели в Березове был в то время Алин, слабый и гонимый человек. Он многих колхозников успел обидеть и озлобить. Подкулачники решили захватить село, перебить активистов Советской власти и уйти в глухие центральные тундры. Нити заговора шли от иультинских кулаков, с реки Амгуэмы — там богатеи скрывали беглых уголовников. Спровоцировав тундровиков, враги надеялись под шумок уйти, угнать стада... И 8 марта бандиты напали на село. Но колхозники, те, кого пытались привлечь бандиты, те, обиженные Алиным, не поддались на провокацию, предупредили активистов, которые успели вооружиться и подготовиться к встрече. В перестрелке были жертвы — был убит храбрый человек, бывший до Алины председателем артели, Айнаю. Был тяжело ранен учитель Николай Забалуев. Был тяжело ранен Ивтэк Березкин — крупная пуля винчестера раздробила кость ноги.

— Вот с тех пор и ковьялю... После лечения меня направили на учебу в Хабаровский учительский институт, на отделение народностей Севера. Три года прожил там, и на каникулы не уезжал. Летом работали мы, студенты, в колхозах по Амуру, а зимой — учеба, книги, кино и театр, там я впервые увидел чеховские спектакли!.. И еще раз спасибо дорогой Екатерине Семеновне Рубцовой — я стал преподавателем русского языка и литературы, а ведь мне так трудно давалась русская грамматика еще совсем недавно!.. Низкий поклон ей, упорной!..

...Девять суток шел поезд до Владивостока. За окном проносились Россия лета пятьдесят второго года. Виделись стройки.

В те годы главной деталью нашего пейзажа стал башенный кран стройки. У Андрея Вознесенского: «Краны-верзилы с солнцем в ноздре — Сибири!»

И было девять ночей, и в ритмах вагонного быта о чем думалось ей, молодой женщине, матери-одиночке? Были думы разные, были надежды — уж так устроен человек, жить и надеяться. Была она дочкой-сиротой при вдове-матери, была студенткой, была военной медсестрой, имела свой пост на огненной полосе человеческих страданий, научилась сострадать и не раскисать от жалости, а работать и работать. Был у нее диплом педагога, какой-то опыт. И надежда.

Ехала Вероника Сергеевна в плацкартном вагоне, имела свою полку, и проводник приносил дорожные чаи, а знала она к тому времени и солдатские «тепушки», и расхлестанные фронтовыми дорогами грузовики, и крикливые очереди солдатского братства у пайковых окошек, у станционных парящих будок, где кипятик.

Сейчас Вероника Сергеевна не верит людям, помнящим подробности. Оно и понятно: всю молодость она сама себя учила забывать подробности, не думать о них — такие думы не приносили радости.

Во Владивостоке пришлось долго ждать парохода на Чукотку. Разместили будущих пассажиров в поселке Рыбак, и долго помаялись люди у «входных ворот» Крайнего Севера, учась ждать — одному из основных умений северян.

Потом был обычный по тем временам рейс: на Providения, с остановкой, с пересадкой на борт грузовика, — и вот он, Анадырский лиман, и серый поселок россыпью на высоком берегу — Анадырь тогда еще не был городом.

— Была одна улица Советская — за речкой Казачкой, а там, где сейчас больница и современные большие дома, был «самосёл-самострой» под названием Копай-гора — домишки, утлые бараки, все серые и черные от местных ветров и въедливой угольной гари. Населения было — как сегодня в Уэлене, все друга знали, двери не запирались... Первый дом построили в пятьдесят третьем, тот, где сейчас школа номер два. Училище было маленьким, чуть больше ста учащихся, в основном мальчишки. В районах было мало врачей, учителей. Назначили меня директором Анадырского педагогического училища народностей Крайнего Севера.

Арсентий, набегавшись за долгий день, уснул стремительно. И Катя уже спала. За окном ярилась солнечная ночь, улыбчивый Ивтэк Унукович какой уж раз заваривал чай, выкладывал хрусткое домашнее печенье, я в какой уж раз пытался попро-

щаться, но разговорились мы, и день предстоял выходной. И Вероника Сергеевна помягчала и как бы сняла строгий директорский мундир, была домашней. Я сказал ей об этом.

— При самоваре — уж какой мундир, помилуйте! — во взгляде, в легкой улыбке была ирония.

— В те времена на всех руководящих постах были мужчины, феминизация руководства пришла позже. Мне приходилось самоутверждаться. Была молодая, категоричная и требовательная. Интернациональность моя была стихийной, основанной на «все люди — люди», и в проблемах местных, особенных и сложных, разобралась нескоро. Да и времени не было теоретизировать, практика захватила меня. Учебный процесс, кадры, общежитие, всякие кампании, в которых училище должно было участвовать, — это общее, а еще были частности. Были десятки юношей и девушек, оторвавшихся от родни, от привычного жизненного уклада, от привычной пищи и привычной одежды, живущих — в полном смысле слов! — под мои началом. Какие они были разные! Они были чукчами и эскимосами, чуванцами, юкагирами, коряками и эвенами, и русские были, и украинцы, но эти были привычней, понятней... Из далеких и ближних селений, многие из тундры, из яранг кочевников, по документам — все с семилеткой, но в семилетках-то работали разные учителя. Помню такой случай. На уроках немецкого языка выяснилось, что двое говорят и пишут на никому не известном из нас языке. Причем знают этот язык: говорят связно, свободно, читают на память стихи, бегло пишут это все немецкими буквами. Каково было разочаровать этих мальчишек, втолковать, не обидев, что язык этот не немецкий... Совершенно случайно выяснилось, что немецкий язык в их школе преподавал осетин, не знавший немецкого и добросовестно учивший детей языку своей горной родины.

...Франтова улетела в Хабаровск в служебную командировку на неделю. И долгие светлые вечера мы проводили с Ивтэком Унуковичем, все больше привязываясь друг к другу.

Старая квартира без современных удобств, но теплая и обжитая, с мебелью, расставленной раз и навсегда, с креслами и торшерами, книгами и телевизором — она как бы опустела без Франтовой, а мы и не стремились в комнаты, нам было уютно на кухне.

— Я тоже добирался из Хабаровска до Анадыря морским путем — через Владивосток на PROVIDЕНИЯ — пароходом «Азия». И так случилось: на этом пароходе была группа девушек из Бежецкого педагогического училища, совсем юные, беленькие, похожие, как сестры, робкие. Я взял над ними шефст-

во. В PROVIDЕНИЯ пришлось около месяца прожить в общежитии интерната, ожидая попутный «борт» в Анадырь, и сложилась у нас коммуна, ели из одного котла. Деньги у нас кончились, еду добывал я, и девочки с удовольствием ели мою стряпню, похваливали, особенно жаренку из печени нерпы, да это и есть деликатес!.. Они рассказывали о своих краях, об училище и, конечно же, о своей Веронике Сергеевне и показывали фотографии. Она была на снимке строгой, чем-то похожей на моего учителя Виктора Васильевича Лангаша... Я уже знал, что Вероника Сергеевна не замужем и имеет сына, что приедет на Чукотку, но чуть позже, сдав дела. Девушки еще что-то говорили, а я молчал и думал: «Женюсь!..» Не смейтесь, я не самоуверенный был, я трусил, думая об этом, но думал. Я надеялся, что стану ей нужным и близким и она согласится быть моей женой. Добрались мы до Анадыря. Девятого сентября приступили к работе. А восемнадцатого в училище появилась она — директор училища!.. Естественно, я не лез ей на глаза, виделась только по делу, но она как-то выделила меня из всех, или мне так казалось... Девушки рассказали ей обо мне и познакомили нас. Хорошие, спасибо им!..

Вспомнилось из рассказа Вероники Сергеевны:

— Те мои девушки, из-за которых я приняла решение ехать на Чукотку, распределились по школам округа, кто-то в Анадыре остался, но спустя три года они все уехали на материк: кончились сроки договоров, да и личные дела — у кого мама больная, у кого жених из армии вернулся...

Влюбленный в женщину, такую красивую, независимую и гордую, Ивтэк понимал, как ей трудно. Неуступчивость, прямолинейность и бескомпромиссность Франтовой могли ей навредить много недоброжелателей, особенно в кругу тех, кто долго работал здесь, приустал и в мечте о скором отъезде «в сторону южную» коротал рабочие часы. Франтова не знала угомона, она требовала, добивалась, все отношения предавая гласности. И — спешила! А на северах и сейчас не уважают торопливых. «Ишь, какая скорая! А ты с наше поживи, повоюй!..» И Франтова воевала. Училище расширялось, общежития надо было благоустроить, преподавательский состав часто менялся: по договору приезжал специалист с семьей — и жену надо было трудоустроить! Договорник просил, требовал, и он был нужен, и ради него начальство способствовало трудоустройству его супруги. Есть диплом, а работы по профессии нет. Куда устроить — в школу, в училище, три года поработает — научится или уйдет в другое место, есть время выждать, перебиться... Сложная эта проблема — «приложение к договорнику»... Училище оканчи-

вали парни и девушки местных национальностей, Франтова-директор готовила для них загодя рабочие места, тормозила кадровиков и руководителей в Анадыре и в селах, добивалась, добивалась... В училище возникали «персональные дела», молодежь не сразу приспособивалась к требованиям педсовета, директора, бывали срывы, и тут Франтова «рубилла сплеча», Ивтэк исподволь и ненавязчиво советовал быть сдержанней, гибче. Да, делать быстро, но не торопясь. Ивтэк рассказывал об обычаях и традициях, о случаях с аналогиями — и все улыбочиво, без сентенций и менторства. Чукчи — ученики и их родители — поверили, что Франтова все делает на благо училищу, на благо учащимся и — ничего для себя. Франтова вышла замуж за Ивтэка Березкина, родился Сергей — он получил имя в память о дедушке, — и чукчи приняли Франтову своей. Она стала женщиной Чукотки.

— Понимаете, у нас рождение ребенка — это радость всего селения. В старое время много детей умирало, рождение ребенка было фактором жизнеутверждающим!.. В год рождения Сережи мне предстояла первая встреча с матерью Вероники. Когда поженились, Екатерина Васильевна писала письма нам, и какие это были письма! По-моему, сейчас уже никто таких не пишет. Вероника Сергеевна с Сережей выехала на несколько дней раньше, меня перед отпуском избрали секретарем окружкома ВЛКСМ, принимал дела.

На Быковском аэродроме (тогда в 55-м самолеты с севера принимались там, а Домодедово было глухим селом) его встречали Вероника Сергеевна и Слава, мальчику было уже 11 лет. Ивтэк обнял жену, но видел в трех шагах мальчика, глядевшего на него во все глаза. Дрогнуло сердце, он шагнул, хромая, к мальчику, по-мужски обнял его за плечи, крепко, до боли, притиснул к себе. Мальчишка аж задохнулся! И не присел к нему Ивтэк, не взглянул глаза в глаза и не старался... По дороге в Москву, в машине, рассказывал мальчику, как бегают по тундре пастухи: длинными прыжками переносятся с одной пружинящей кочки на другую — в одно касание, одним толчком! — и со стороны кажется, что человек парит, как танцор в балете. И оленевод-чукча может так бежать долго, многие километры, преследуя оленей. И сколько грибов в тундре, самых «благородных» — белых, подберезовиков. Там ведь заросли ползучей карликовой березки, а грибу — ему все равно, была бы береза!.. Слава сидел рядом, прижавшись к боку мужчины, морозами продубленного, врагами раненного, в дорожном костюме которого держался запах дальних далей и ветер странствий.

Переночевали в московской квартире сестры Вероники, Мар-

гариты Сергеевны, она жила с матерью на даче в селе Холсеви-чи, по Рижской дороге. Утром поехали на электричке.

— Мама ждала, когда я подойду. Я шел к ней, хромая, человек из другого мира. Что знали о нас в то время люди центральной России? Только по Семушкину, «Алитет уходит в горы»... Я так ждал этой встречи, волновался, а как увидел, стал совершенно спокойным, свободным.

Вероника Сергеевна привезла Сережу — показать бабушке. Мальчику было десять месяцев. И Екатерина Васильевна заявила: малыш останется с нею!

— Это меня с нею сблизило окончательно, так поступить могла только моя мать! Мы гуляли в лесу, случился ручеек — я поднял ее на руки и перенес. Она, обняв крепко, тихо спросила: «Это по обычаю вашему, Ивтэк?» — она все поняла!..

...Вернулась из Хабаровска Вероника Сергеевна, возобновились наши встречи. Меня все больше интересовала ее судьба, ее жизнь.

— У нас на Севере выходят на пенсию раньше, чем на материке, и мне вышел срок, но еще ни дня не была на пенсии... Уступила бразды правления училищем, но работаю в окроне методистом — ведаю подбором и расстановкой кадров, повышением квалификации. Кому и заниматься этими делами, ведь основную массу учителей Чукотки знаю: за двадцать пять лет — сколько выпусков было, сколько их было, называвших меня по имени-отчеству и «всехней мамой»!.. Наши воспитанники — по всей Чукотке, и не только. Многие учились дальше, в институтах страны, в академиях, прославили свои имена... Первые тринадцать лет моего директорства были самыми сложными и самыми продуктивными. Именно в те годы сложились традиции, выявилось главное направление: мы готовили людей интеллектуального труда, людей развитых и образованных настолько, чтобы они могли принимать активное участие в советской и партийной работе. Мы воспитывали инициативу и творчество, способности к анализу и самоанализу. Антонина Кымытваль — известная в стране поэтесса, Борис Плакин — секретарь окружкома партии, Надежда Отке — «президент» Чукотки, председатель окрисполкома, Дмитрий Коравье заведует районо, Ниночка Вааль была учителем в сельской школе, потом завучем у нас, теперь — директор училища — на моем месте и... на своем месте! Она блестяще закончила Ленинградский пединститут имени Герцена, была звездой факультета и института. Блестящий педагог!.. За первые тринадцать лет столько было сделано, так легко все шло — конечно, это теперь считаю, что легко... Были в моей жизни большие беды. А у кого их не было? Очень любила старшего

брата, Ростислава. С третьего курса Ленинградского химико-технологического института добровольцем ушел на фронт — в первые дни войны, был офицером-танкистом, лихо воевал — вся грудь в орденах. Погиб в сорок четвертом в Прибалтике, где-то рядом со мной воевал... Мама умерла в шестьдесят первом — мы только погостили у нее, в третий раз приезжали всей семьей и уехали, а она умерла...

— Она знала, — Ивтэк стоял у окна, приподняв плечи, говорил почти шепотом, — она была такой нежной и смешливой. Я знаю, она крепилась, сильная и деликатная, она придерживала смерть.

— Ивтэк всегда так понимал маму, как никто из нас. Мы приехали к ней, вернувшись из круиза вокруг Европы, ходили из Риги на теплоходе «Победа» по маршруту: Дания — Норвегия — Англия — Франция — Италия — Греция — Одесса. Это был прекрасный круиз!..

Да, так случается, уважаемый читатель. Автор этих строк был тогда в Одессе. Помню возвращение «Победы», теплоход этот был нашим, черноморским, Управления Черноморского пароходства и вернулся из круиза вокруг Европы в порт приписки. Встречали его торжественно — Одесса любит торжества! За сутки до «Победы» вернулась из годовичного плавания в антарктических широтах прославленная китобойная флотилия «Слава» под вымпелом капитана-директора Соляника. Одесса бурлила, но хватило одесситам запаса восторга и для «Победы»: горожане забросали цветами трап теплохода, гремели оркестры, и промысловики-китобойцы «Славы» салютовали «Победе» из своих гарпунных пушек!..

— До смерти мамы было так много хорошего, волнующего. Достаточно вспомнить пятьдесят седьмой, подготовку училища к поездке на Всемирный фестиваль молодежи и студентов — какое было горячее, нервное, творческое полугодие! До фестиваля группа отличников учебы была отправлена в Москву и Ленинград, потом такие экскурсии стали традицией. Тогда в училище был Юрий Анко, вернувшийся из Балашовского летного училища, он поступил на третий курс Анадырского педагогического училища. Поэт, восторженный и светлый человек, его песню «Чаплинские девушки» готовили к фестивалю учащиеся. Фестивалю посвятила свои стихи начинающая поэтесса Антонина Кымытваль. Училище делегировало в Москву большую группу молодежи, каждого надо было по-праздничному одеть, всем нужным снабдить, ведь многие впервые выезжали за пределы родной Чукотки и сразу — на Всемирный форум.

В те годы Анадырское педучилище возглавляло борьбу с не-

грамотностью. Бригады учащихся и педагогов выезжали в тундру, к оленеводам, на побережье, к промысловикам-зверобоям. Бойцы ликбезовских бригад считали себя мобилизованными, высоко ценилась честь участвовать в этой работе. Сформированные и экипированные училищем, эти бригады прошли по Чукотке, неся свет грамоты. В 65-м году, как только Анадырь получил статус города, Вероника Сергеевна была избрана депутатом городского совета и членом горисполкома — и бессменно! — по 77-й год.

Летом 66-го случилась большая беда. В училище вспыхнул пожар. Короткое замыкание — и деревянное, просушенное за десятилетия морозами и ветрами, десятки раз покрашенное масляными красками здание вспыхнуло.

— Пожар случился в день рождения Кати, ей исполнилось десять лет. С утра я была в радостной суете, варила и пекла, пришли гости — и это!.. Не помня себя летела в училище. Как организовывала тушение пожара, как бросалась в огонь, подробностей не помню. Помню запах горелых своих волос, и снится мне, до сих пор снится пламя.

Следственная комиссия установила причину пожара и виновных. На стол следователя легли десятки, десятки рапортов и докладных директора училища Франтовой за многие годы — она добивалась форсированного строительства новых зданий училища, все время докладывала всем инстанциям округа и области о повышенной пожарной опасности старых сооружений. Главными защитниками директора в следственном процессе были родители учащихся и пострадавших девочек. Они доказали, что Франтова не может быть виноватой, как не виновата в такой смерти ребенка мать. Сама Вероника Сергеевна защищаться не могла, — дело даже не в том, что в день пожара ее разбил паралич, отнялись руки и ноги, она потеряла речь, не в том, ее лечили, речь возвратилась, начали двигаться руки, потом и ходить смогла, — боль ее сердца вылечить врачи не смогли.

Анадырское педагогическое училище уже несколько лет размещается в многоэтажном новом здании на улице Отке. Живут учащиеся в благоустроенном интернате.

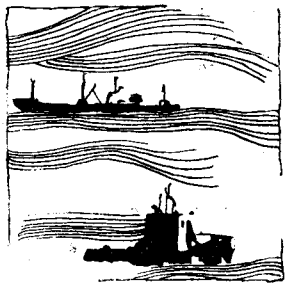
Тридцать лет живет на Чукотке, в Анадыре, в старом деревянном доме с голубым крылечком, Вероника Сергеевна Франтова, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, боевых и трудовых медалей, заслуженный учитель школ РСФСР, стличник народного образования. Тридцать лет она работает на благородной ниве народного образования. Посевы Франтовой дают из года в год стабильные и возрастающие урожаи. Ее считают матерью сотни зрелых, знающих и умелых людей. Мне приходилось

встречаться с немногими, но в разных районах и местах округа, люди рассказывали о своей жизни, и неизменно возникало в рассказах имя Франтовой — Веронику Сергеевну уважают, любят и чтят. На Мысе Шмидта подробно и нежно рассказывала мне о ней Клавдия Зорина, заслуженный работник культуры РСФСР, создатель и руководитель фольклорного ансамбля «Рырка» — совсем недавно участвовал он на концертах в Москве. Клавдия Николаевна училась у Франтовой, благодарна ее строгости и доброте.

В поселке Лаврентия, районном центре Чукотки, Раиса Владимировна Баум-Зилотина, директор школы-интерната, гордо называла себя ученицей Франтовой. И ученицей Франтовой считает себя живущая в Магадане Евдокия Михайловна Пимоненкова, заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, Галина Александровна Тегрет, секретарь Провиденского райкома партии.

— Я сюда приехала взрослой. Там, где была до Чукотки, — работала, воевала, как назначили, училась и... работала. И здесь, приехав, — училась, воевала, как назначили, и работала. Я работала и жила — и двадцать три года из тридцати живу в этом доме с голубым крыльцом. И сегодня с этого крыльца по утрам сходим на работу — Ивтэк, Катя и я... у Славы — свое крыльцо, в Москве, у Сережи — свое, в Приморье. Работаем!

Анадырь, 1982 г.

Социальный заказ

*Какое великое счастье
родиться на этой земле,
откуда — до чуда полшага. Откуда,
словно в оленьем разгоне,
завтрашний день человечества —
как на ладони!*

Михаил Вальгиргин

Водитель красно-оранжевого вездехода Сельхозтехники Березкин, заядлый кинозритель, еще на выезде из Провидения сказал:

— Давайте разговаривать названиями фильмов. Мой ход первый: «Путешествие будет опасным».

Едва заметный след вездехода, проложенный до пурги, змеился штрих-пунктиром вдоль осыпей, укрытых глянцевитым снегом, мимо черных скал, сворачивал в ущелье, и тогда грохот двигателя усиливался настолько, что не воспринимался слухом.

Галина Александровна устроилась на правом переднем сиденье, я — за Березкиным, так что ее лицо было видно в профиль. Сидела она расслабленно, покачиваясь на ухабах. Перед поездкой был однодневный семинар руководителей парторганизаций по техническим средствам пропаганды и наглядной агитации. Вела семинар она, секретарь райкома.

— Можно приклеить на место оторванный вчера листок календаря, пропущенный в работе день не вернешь. Берегите время: наверстывать трудно. Партийная работа требует почасового графика, поймите меня. Что значит — нет наглядной агитации? Когда вы в последний раз были в магазине? Или денег нет?

— Есть деньги, Галина Александровна, но в магазине нет нужного.

— Плакаты, диаграммы, графики — их можно делать самим. Видела у вас стенную газету в марте. Сделали стенд, а теперь только заметки вклеиваете... А Михаил Иванович Калинин на Всероссийском слете редакторов стенной печати учил: «Люди привлекаются новым красочным заголовком, подходят к газете, читают заметки, смеются над карикатурами. Мимо постоянной, «стационарной» газеты проходят, не останавливаясь — примелькался заголовок, хоть и позолотой покрыт!» Любой лозунг, написанный заново, пусть и не очень умело, привлекает внимание. И вывешивать надо на бойком месте, а не там, где было свободное...

Она стояла перед аудиторией, ироничная, женственная, с полуулыбкой, и вдруг, не меняя тона, становилась требовательной, высказывала что-то суровое — и опять улыбочка, с юмором.

— Деньги у вас есть и на наглядную агитацию, и на технические средства. Нет в магазинах — заявки не дали вовремя. Не все надо покупать, товарищи. Если все будет одинаковым, разве это наглядность? В каждом коллективе есть художники, комсомольцев привлекайте...

Из зала:

— Какие первоисточники вы рекомендуете для самообразования начинающему пропагандисту?

— Ленинские труды! Читайте письма Владимира Ильича, его записки, телеграммы, стенограммы выступления. Какая школа в них, как оттачиваются способности учитывать момент, какая широта взглядов, глубина мыслей откроется вам! Используйте грамзаписи — сначала прочтите речь, потом прослушайте грамзапись — как Ильич говорил, что выделял голосом, где паузы делал...

Вездеход с ревом подмял нанос вчерашней пурги, просел, машина надсадно заревела. Березкин то сжимался, то приподнимался, по шее текли ручейки пота.

— Я сказал, «Путешествие будет опасным», а? Начинаются «Семнадцать мгновений весны»!

Галина Александровна искоса взглянула на него, на меня, улыбнулась.

— «Тишины» не будет, — сказала она. — «Семь с половиной» норм децибелл на каждую барабанную перепонку...

— Особенно в «Ущелье Аламасов». Но потерпим, «Там, за горами, — горизонт»!..

Режущая глаза белизна снегов, черные, рыжие массивы гнейсов, и вдруг надпись на скальном обрыве: «Маша, помни наши встречи!» Совсем как в Крыму. До Нового Чаплина двадцать пять километров.

— ...Обязательно конспектируйте! Списывание цитат — это не изучение, надо всегда помнить, какой текст был до цитаты, какой после. Конспект — контакт с первоисточником, — это говорила пожилая учительница, слушали ее внимательно, уважительная тишина стояла. Кто-то по-школьному потянул руку, Террет стиснула брови, глянула:

— Очень правильно сказала Галина Александровна: полезно сначала прочесть речь Владимира Ильича, потом послушать грамзапись. Коммунист вообще, а пропагандист в особенности должен, по-моему, собирать записи ленинских речей, создавать свою фонотеку, личную...

— Майя Александровна, у вас есть такие записи?

— Есть многое...

— Дайте переписать, а?

— Конечно, дам. Если нет чистых кассет — сотрите кое-что из шлягеров. Кстати, мы ведь заказывали два года назад записи речей Владимира Ильича, но почему-то в магазин не привезли до сих пор.

— Очень грустно, — Тегрет нахмурилась, опустила глаза. — Я не проследила. Я виновата, мне стыдно. Простите меня, товарищи.

Она быстро записала в блокноте, отбросила ручку.

Снова белая пелена без ориентиров. Еще разворот — и на горке завиднелись сооружения зверофермы и дома.

Вот уже двадцать четвертый год стоит село Новое Чаплино на высоком берегу пролива Сенявина, отгороженное от штормов Берингова пролива островами Ыттыгран и Аракамчечен. Здесь отделение совхоза «Заря коммунизма», группа двухэтажных домов, большая школа. Населяют Новое Чаплино в основном эскимосы, отличные мореходы и зверобой-промысловики. Есть у отделения совхоза свои олени стада.

На площадке у почты нас ждали. Так было договорено, этим же вездеходом на центральную усадьбу совхоза, в село Янракыннот, должны были ехать директор совхоза Александр Иванович Петрянин и возвращающийся из Магадана член обкома КПСС бригадир Владимир Иванович Туккай, несколько молодых оленеводов. Загрузили в крытый кузов вездехода брезенты коралла, там, на мягком, разместились молодые и я с ними.

Владимир Туккай спешил, он должен был на собачках объездить уголья, поискать места для выпаса плодового стада, для отела. Поэтому в Новом Чаплино не задержались, двинулись в путь — по льду пролива Сенявина на Янракыннот.

Александр Иванович бережно держал на коленях картонную коробку. Как потом оказалось, в ней чучело морского окуня, облитое для сохранности лаком, страшненькое пугалко, как из детского сна...

Оказалось, чувство умиротворенности может возникнуть и в грохочущем нутре вездехода. Правда, на заснеженном льду пролива не так трясет, да и спутники мои деликатно не мешают сосредоточиться. Перебирал в памяти встречи с Галиной Александровной Тегрет, наши разговоры, ее рассказы.

Родилась она в октябре 1937 года в колхозе имени Сталина (ныне совхоз имени XXII партсъезда) Тавайваамского сельсовета, под Анадырем. Когда Галине было шесть лет, она лишилась отца.

— Отец мой был береговым охотником-промысловиком, я даже имени его не знаю. Маму звали Ринтыне, она тоже рыбачила, занималась извозом. Помнится, возила она на собачьих

нартах уголь — из Угольных Копей. За работу не платили, шла война, понимала мама — все без угля стынут... Мама умерла, я жила в яранге какое-то время совсем одна. В сорок четвертом пошла в школу, и взяли меня к себе старики-соседи, они и раньше мне помогали. Тоже колхозники. Дедушка Онпыргин, бабушка Тылнаут — очень хорошие люди, простые и сердечные. Дед Онпыргин был строгий, я боялась его. Он требовал аккуратности, особенно в одежде, и сам был очень опрятным. Он никогда не повышал голоса, не ругал меня, но я его боялась... Бабушка — та поучала, все она умела делать, что полагается чукотской женщине, и меня учила. В шестом классе я сшила себе торбаса — женские, без шерсти, красивого темно-серого цвета... Камус выдела, выветрила, высушила. Правда, кроила бабушка Тылнаут, но я-то во все глаза смотрела, научилась враз — и навсегда. С тех пор мы часто вместе шили, бабушка — с правой руки, а я — левша...

Вездеход резко накренился на правый борт, завывая двигателем. Александр Иванович, сидящий за Тегрет, ухватил ручку дверцы. Остановились. Березкин выбрался из вездехода, за ним Володя Туккай. Откинув задний брезент, выбрался на волю и я, прыгнул — и по колени погрузился в снег-кашу. Уже смеркалось, на востоке неясно темнела глыбина Аракамчечена.

— Где-то трещины неподалеку, воду выдавило...

— Но лед-то прочный?

— А, пройдем. Сантиметров семьдесят пять есть — и ладно. Итак, «По тонкому льду», а?

— Раз ты, Березкин, спокоен, то мне за твоей спиной — «Вид на жительство».

— «Обыкновенная история», — сказал Березкин и полез за рычаги. — Выбрались.

Галина Александровна даже с места не двинулась, слова не сказала.

— Бабушка учила меня сдержанности, достоинству. Учила голодать — древнему искусству чукотской женщины. Надо уметь не хотеть есть, именно «не хотеть», а не терпеть. Чукчанка припасала для мужчины — он в тундре, а она, как-никак, в тепле. Вот бабушкина школа: «Ты ведь есть не хочешь, ты — не мужчина, это он — хочет... У тебя не болит, ты умеешь понять, что у тебя не болит, а он мужчина — ему больно».

В 50-м семья Онпыргина перекочевала в Нунлигран на лето, потом в Сиреники. Галина Тегрет стала учиться в Провиденской школе-интернате.

Пятьдесят километров до Янракыннота показались мне бесконечными. То и дело машина выносилась на мокрый снег, про-

буксовывала, и Березкин подвижной фарой искал проезд, стоя на крыле вездехода. Уж совсем стемнело, тихая поземка струилась в свете фар.

Над поземкой вывездилось бархатисто-черное небо. И огни села поначалу казались звездами. Вездеход взревел пуще прежнего, выбрался на кручу — и вот уже огни в окнах и фонари на столбах совсем рядом. Приехали. Разместили нас в квартире для приезжих, кто-то чай сгоношил, но мне было не до чая. В голове грохотал вездеход, и койка, покачиваясь, плыла по снежным волнам, буксовала, потом голос Березкина отчетливо произнес: «Семь нот в тишине» — и пришел сон.

Коммунисты совхоза «Заря коммунизма» собрались в сельском Доме культурпросветработы. Галина Александровна говорила по-русски, а особо важные фразы повторяла по-чукотски.

— По вашему Дому культуры вижу: есть в Янракынноте хороший художник. Прикрепите к нему умелых комсомольцев, даже школьников, и пусть каждый успех сразу станет известен всему коллективу, всему селу. Но и отстающим, нерадивым, бесхозяйственным пусть сразу же достанется! — чтобы все знали. Идет районный смотр-конкурс наглядной агитации. Не допускайте формального, бездуховного отношения к этому конкурсу!.. Заботясь о повышении идейно-научного уровня пропаганды и агитации, усилении их наступательности, действенности, мы должны постоянно добиваться, чтобы и формы, и средства нашей работы соответствовали возросшим задачам и целям идеологической, политико-воспитательной работы!.. По итогам областного социалистического соревнования совхоз «Заря коммунизма» занесен на доску Почета. Но ведь работать можно еще лучше. Чем глубже и обстоятельней каждый работник будет знать экономику совхозного производства, общественно-политическую значимость своего труда в составе коллектива, тем к большим показателям придет коллектив.

С рассвета Владимир Иванович Туккай умчался на собачьей упряжке — разведовать места отела. Обусловили с директором совхоза место встречи. Скоро и мы должны выехать в тундру. А пока можно побеседовать с Галиной Александровной.

— Значит, как Березкин, говорить названиями фильмов? Так вот, «Мы родом из детства»... Наш интернат в Провидения размещался в одноэтажном деревянном длинном доме, он и сейчас цел, этот дом, а интернат новый. В комнате я жила вместе с Людой Айнаной, она училась в седьмом классе и возрастом была постарше. Мы дружили, заводилой была я, а начитанней, тоньше Люда. Мы обе были из семей... неполных, так скажем, у Люды мама была, старшие сестры. Ухсима, например, старшая

ее сестра, была у нас в интернате воспитательницей, но о ней я потом расскажу... У чукчей и эскимосов герои большинства сказок и преданий Сирота и Бабушка, люди беззащитные, уязвимые. Сироты особенно чувствительны к равнодушию. Я суждения имела смелые и резкие, авторитеты на веру не принимала. Никому не позволяла себя обижать, но и на шею никому не садилась... Любила учительницу русского языка Нину Михайловну, молодую и очень сердечную. С Валентиной Павловной Вараксиной, тоже учительницей русского языка и литературы, находила общее в судьбе: она была ленинградкой, пережила блокаду, потеряла многих близких — по моим понятиям, тоже была сиротой... Все свободные часы читала. Нашла убежище в нашей огромной столовой, скамейки на ночь уборщицы ставили под столы, я пробиралась туда со свечечкой, вползала под стол, вытягивалась на скамье — и уж читала, сколько хотела. «Засекла» меня Ухсима Ивановна. Стол отодвинула, присела рядом, посидела молча, потом сказала: «Галя, девочка, спать надо не потому, что так велят взрослые. Сон — это здоровье. Больной человек в тягость другим, ты должна быть здоровой, впереди — вся жизнь и целое море книг!» Как заклинание: «не быть никому в тягость».

Ухсима «приручила» меня, своенравную, заморозила работой: научила кроить и шить, мы комбинировали из кусочков какие-то юбочки, кофточки — и получалось, а ведь в те годы каждая одежда была радостью, даже перешитая из ношенного... Это сейчас наши дети носят только новенькое да по моде.

Село Янракыннот небольшое, одноэтажные и двухэтажные дома расположились на высоком берегу Берингова моря. Чуть ниже и в стороне — цеха зверофермы. Здесь соседствуют уличные фонари и навигационные вышки. Дороги в районный центр нет, в морозы вездеходы и грузовики «Уралы» ходят по зимнику, а в короткое лето водители прокладывают маршрут по сухопутью пересеченного рельефа. По теплу ходят каботажные суда.

Познакомились с Галиной Александровной в Сирениках, где она выросла, знала всех и ее все знали — и девчужкой, и позже учительницей. И коммунисткой Галина Тегрет стала в Сирениках. И замуж здесь вышла за местного парня, учителя и кинемеханика из красной яранги, Вячеслава Ивановича Тнагьбергина, здесь детей родила, сыновей, имеющих чукотские имена — Тевлянто и Тынескин и «паспортные» — Вадик и Слава... Отсюда и направили ее, молодую коммунистку, на партийную работу.

Настойчиво просил ее о каждой встрече. И даже после того, как был принят в доме, в семейном ее кругу, в окружении товарищей по работе, ее нежелание быть «предметом исследования»

не ушло. Она иногда увлекалась, забывала, что рассказывает журналисту, но и в эти минуты ее откровенность вызвана была тем, что рассказывала она все же не о себе, а о близких, уважаемых людях.

В Доме культуры она долго разговаривала с киномехаником Владимиром Александровичем Грабовским, расспрашивала о репертуаре последних месяцев, о планах и тематических подборках:

Когда мы шли к вездеходу, она сказала:

— Очень грамотный работник, в нашем районе работает больше пятнадцати лет, всегда перевыполняет годовые планы. Сибиряк, материковский, а вот у нас живет не временно! Очень это ценно — постоянство.

Она задумалась, взгляд притух, лицо стало непроницаемым. О чем она думала? Вспомнила ли мужа, ведь Вячеслав Иванович тоже был киномехаником, вспомнила ли свое недолгое семейное счастье, свое долгое вдовство — и о детях подумала тут же: много их, разные они, что их ждет в жизни?

Двумя вездеходами вышли в тундру. Теперь нас много — пожилые и молодые оленеводы, совхозные специалисты. Вездеходы шли на северо-восток, по льду лагуны Гэтлянгэн, по снежной искристой пустыне.

Мороз был крепенький, но через час езды все угрелись в грочущем нутре крытых машин. Только Галина Александровна, по-прежнему сидящая на правом переднем месте, полуобернувшись, о чем-то говорила с Петряниным, о чем — не услышишь, да и они понимали друг друга, вероятно, по артикуляции. Громкая машина — вездеход. Но привычные оленеводы дремали, совсем молодой Володя Кымыёчкин просто спал, даже сон видел веселый — улыбался, сладостно щурил закрытые глаза. Он сделал свой выбор: сразу же после выпускных экзаменов стал оленеводом в бригаде тезки — Туккая... Член бюро окружкома комсомола. Ишь, улыбается опять... Почему-то товарищи зовут его Васей, а он отзывается.

Знакомая еще в Провидения, он тоже назвался Васей, но тут же добавил, что по паспорту Владимир... О нем хорошо рассказывала Галина Александровна — с гордостью, как о сыне. Володя с Вадиком однолетки, одну и ту же школу кончали — Провиденскую. Когда Володю уговаривали поступать учиться дальше, он отмалчивался, потом спросил: «Что, оленеводство упраздняется? Или оленей роботы выпасать будут? Или, может, с материка молодежь придет по комсомольским путевкам? Буду оленеводом, как отец, как дед»...

В бригаде Владимира Туккая много молодых, почти все со средним образованием. С молодости бригадирует Туккай, за

стариками ходил как тень, выспрашивал, высматривал, всю литературу по оленеводству прочитал, специальные научные труды — и вот теперь к нему старики за советом ходят, из других бригад тоже. Вернулся Владимир Туккай с пленума обкома, выступал там.

Перед выездом из Янракыннота Галина Александровна мне рассказывала о многих, и не только о коммунистах. Слушая ее, я понимал, что это знание людей отдаленного совхоза свойственно ей как старожилу района. И только теперь, в дороге, вглядываясь в лица, подумал: нет, не по-соседски она их знает, и характеристики дает емкие, и судьбы знает не по житейским пересудам...

Остановились у домиков, здесь живут пастухи, две женщины с ними, тундровички-хозяйки. Раскалилась докрасна чугунная плита, клокотали полуведерные чайники. Шутки, смех, розыгрыши — и музыка, естественно, ведь кассетный магнитофон сегодня такой же спутник верный, как десять лет назад была «Спидола». И еще у кого-то оказалась гитара, и, заглушая Владимира Высоцкого в кассетной записи, паренек в камлейке, откинув капюшон с потного лба, пел хриловато «Ой, что за кони мне попались привередливые...». И был чай необыкновенной густоты с обильным сахаром и нежнейшая свежати́на-оленина. Все это в большой комнате, где мужчины, а в маленькой расположились женщины-тундровички и с ними Галина Александровна — для нее принесли запасной кукуль.

Вышел подышать перед сном. В вездеходах — там тоже ночевали — все еще слышались негромкие разговоры. У соседнего домика на насте свернулись калачиками ездовые собаки Туккая, нарты, поставленные стоймя, отбрасывали ажурную черную тень: небо вызвездилось, висела над сопками сторожевым фонарем добела накаленная морозами луна.

Уходя в дом, слышал, как кто-то в вездеходе сказал, зевая:

— Завтра погода будет что надо... Ох, спим, братцы, «Часы остановились в полночь»...

В доме все спали. Не раздеваясь, прилег на кукуль. Завтра, то есть уже сегодня, — корализация. Все будут заниматься делом: оленеводы — в корале, женщины — по дому. А что будет делать Галина Александровна?

...Долго добивался встречи в домашней обстановке. И — неожиданно:

— Приходите завтра, к трем. Угощу домашним обедом.

— Так завтра же праздник, Галина Александровна, завтра — Восьмое марта!

— Вы разучились говорить женщинам слова поздравления?

Я пришел к трем — без цветов. Другие гости пришли попозже — и с цветами. Когда я их увидел, эти лиловые с желтым, мелкие, незнакомые мне цветы, связанные в пушистые букетики, когда увидел, как радостно вспыхнуло лицо Галины Александровны, как она прижала их мимолетно к лицу, как живого птенца — легонько, мне стало так стыдно, места себе найти не мог. А она не считала необходимым меня пожалеть, простить, громко говорила Валентине Голубевой, сотруднице:

— Очень люблю цветы. Только музыку люблю больше, особенно виолончель... Рада, что у нас теперь есть оранжереи, возможны стали цветы к празднику... — легко двигалась, подавала обед товарищам, посверкивая глазами, улыбаясь.

А до прихода гостей я сидел в необычно просторной кухне, заинтересованно рассматривал нехитрое, со вкусом убранство, а она возилась у кухонного стола, лепила пельмени и держалась просто, естественно, без недавней отчужденности.

— Здесь была маленькая кухня, а за стенкой — маленькая комната. Вот и додумалась, пригласила мастера, стенку убрали — мило получилось, правда? И эту вертикаль с полочками я сама придумала. И цветы на полки хорошо вместились... Люблю зелень: на Чукотке — десять месяцев в году все белым-бело. И на кухне люблю повозиться, приготовить нечто хитренькое, сложное, а в другие дни заниматься домашними делами не имею возможности. Почти всю неделю питаюсь в нашей столовой, дети — в школьной, в интернате. Мы очень любим наши воскресные обеды, все собираемся — как на праздник! Сегодня мои ребята готовятся к школьному вечеру, я их раньше покормила, мы уж с вами — во вторую очередь. Потерпите?

В пятьдесят втором году я поступила в Анадырское педагогическое училище. Большая часть чукотской интеллигенции начинала свое образование в его стенах. Многие ведут отсчет своей самостоятельной жизни со дня получения диплома об окончании нашего училища. При мне выделялись уже из общего числа учащихся Борис Плакин, Антонина Кымытваль, Николай Макотрик. В числе наших учителей была молоденькая Лина Григорьевна Тынель, теперь она старший редактор в Магаданском книжном издательстве, депутат Верховного Совета СССР. И совершенным, непрекаемым авторитетом пользовалась мама-Франтова, Вероника Сергеевна, наш директор. Она для нас была как... бог! — не смейтесь, так оно и было. Быть вызванной к директору — за проступок ли, за поступок ли — это было событием!

Я жила как все: пела в хоре, занималась художественной гимнастикой, вышивала — тогда модны были вышивки болгар-

ским крестом, вязала. И читала, как и в школе, много. Курс наш был сильный: Клавдия Зорина — сейчас заслуженный деятель культуры РСФСР, Антонина Кымытваль — наша прославленная поэтесса, Дмитрий Коравье — он сейчас заведует Беринговским районом, Рая Рагтываль — научный сотрудник областного музея... Честно признаться, я была лидером на курсе. Почему? Вероятно, потому, что была сиротой. Понимаете, я не раз это подчеркиваю, у нас отношение к сироте особое, жалеть сироту мало, в раннем детстве нужно ему помочь выжить, в отрочестве — стать человеком, в юности — сирота авторитетен для выросших в нормальных семьях потому, что сверстники понимают: человек, умеющий не быть лишним, научившийся постоянно не надеяться на помощь со стороны, становится человеком твердым, взрослее одноклассников. Я жила скромно, это точно. Как все, я ходила на танцы, все эти чарльстоны, буги-вуги — все это было. Но в нашей комнате было десять девушек, и все десять с танцев возвращались рано. А ведь в других комнатах опаздывали многие!.. В нашей комнате не случилось ни одного нравственного срыва, ни одной девичьей драмы. Сейчас мы не часто встречаемся: все взрослые, все в делах, живем в разных районах области, но с Клавой Зориной — теперь она Клавдия Николаевна, естественно — навсегда сохранились самые сердечные отношения. А Рая — мы недавно встречались в Магадане, — та прямо мне напомнила: «Мы слушались тебя, порой ворчали в тряпочку, но слушались. И только попозже, когда стали старше, поняли все, как ты была права». Вот, видите? Убеждать — этому я научилась у Ухсимы Ивановны.

Мы насыщенно жили. Очень жалею, что не приняла участие в «Великом походе» нашего училища: в пятьдесят седьмом году учащиеся и преподаватели были направлены в районы Чукотки для борьбы с неграмотностью. Нашу группу — двадцать пять человек — повезли в Москву и Ленинград. Я заболела, пропустила год и закончила училище только в пятьдесят восьмом году... В год болезни я очень увлеклась музыкой, полюбила классику, заслушивалась записями знаменитых исполнителей. Наверно, потому, что выпала из коллектива, тосковала.

Поступила в Ленинградский педагогический институт имени Герцена — еще одно обжитое учебное заведение для народностей Севера. К Ленинграду припала жадно! Мы с Ириной Ранаунаут — теперь она Ирина Ивановна Бондаренко, преподаватель в нашем училище, — мы бегали в театры, в концертные залы... Но Ленинград мне не дался. Очень я тосковала, да и здоровье опять подвело, так что со второго курса вернулась на Чукотку.

...Поднялись рано. Женщины встали еще раньше — уже ва-

рилось мясо, клокотали чайники. Оленеводы одевались тщательно, Тевлягиргин обувался дважды: вот уже подвязал было мягкие крепезные ремешки на торбасах — снизу и под коленом, встал, прошелся по комнате, вдруг присел резко, еще раз и снял, бормоча что-то, обувь, заново натянул чижы, торбаса. Неудивительно, человеку предстоял тяжелый, полный беготни день. Корализация!

И молодые были сдержанны, внутренне подтянулись. Молчали магнитофоны. В углу сиротливо стыла гитара. Переговариваясь вполголоса, без суеты собирались, ели, пили чай.

Выходили вместе, снимали с изгороди свитки чаатов. Утро выдалось ясное. Соседняя сопка, далеко видный с высоты берега морской простор — без тумана и теней.

Ушедшие раньше пастухи сгоняли к коралю олени стада. Широко распахнутые крылья коралю — брезенты на шестах-растяжках — должны принять стадо, часть его, и сомкнуться. Если смотреть на коралю сверху, то это гигантская восьмерка. В точке пересечения есть дощатый тамбур с двумя выходами: на волю и в малый отсек коралю. В тамбуре накапливают полтора-два десятка животных, выпускают, считая по отдельности быков, молодняк и кастратов, и важенок — их отбивают отдельно, это продуктивное стадо, которое скоро отгонят на специально подобранное пастбище между сопки — на отел. Требования к таким пастбищам особые — там должно быть много кормов, не глубокий снег, желателно без прослоек льда.

Мы растянулись цепочкой, охватив стадо. Медленно, синхронно, без криков и резких движений сходились, сокращая интервалы. Вот стадо в крыльях коралю. Кто-то подал команду, пастухи подняли переносные щиты-ленты, пронесли, соединили. Тут же закрепили шесты — вбили накрепко в снежный наст.

В корале волновался лес рогов. Негромко хоркая, олени кружились, колыхалось сизоватое облако дыхания, скрипел снег, как палки, друг о друга стукались рога.

— Сколько их тут? — спросил я у Туккай.

— Больше восьмисот... И там еще — всего больше полутора тысяч...

Меня научили считать важенок по старой системе: четыре точки карандашом — это четыре оленя. Четыре черточки соединяют точки в квадрат, две черты с угла на угол через центральную точку — еще шесть оленей. В перечеркнутом квадрате — десяток, начиная следующий. Очень экономно: на листке блокнота можно записать пятьсот оленей. Конечно, японская машинка, похожая на велосипедный спидометр, гораздо удобней — знай кнопку нажимаешь, потом на шкале прочтешь сумму.

И вот стою на рабочем месте — у калитки в малый отсек коралю, считаю важенок. Темп взяли лихой! У тамбура коренным был Василий Тевлягиргин, самый опытный и могучий. С ним молодые парни. Распахивая двери тамбура то в одну сторону, то в другую, Василий и его помощники выпускали ошалевших самцов, свирепеющих кастратов, пугливых важенок. Остальные оленеводы загоняли животных в тамбур, чаатами выхватывая то травмированного оленя, то беспокойного заводилу, сеятеля паники.

Владимир Туккай, зоотехники, сам Петрянин — все были при деле.

Выпуская из тамбура оленя, Тевлягиргин кричал:

— Слабый! Эй! — и парни перехватывали его на выходе, умело валили, запрокидывали голову, и зоотехник вливал в рот кружку нерпичьего жира, отпущенный олень отлетал, как выстреленный, облизывая замшевые губы. Им давали нерпичий жир, как ослабленным детям — рыбий.

Облачка разогнал высотный ветер, стало солнечно. Час за часом пролетал, а я все перечеркивал квадратиками 500... 700... 800...

— Очень хорошо, — радовался Туккай, — важенок значительно больше половины поголовья!

Только теперь заметил: молча, сосредоточенно считала Галина Александровна другую часть стада, пользовалась японским приборчиком. Вот записывает что-то, снова считает...

Парни валили лихим приемом возбужденных оленей, подбегал с кружкой зоотехник, опустела одна фляга, вторая.

— Много слабых, — сетовал Туккай, — много слабых. Перегоним ближе к Мечигменской губе, там у гор всегда хорошие корма, мы на весну оставили.

Только смеркаться начало, кончили работу.

— Ну, бригада у нас — ух! — порадовался Петрянин. — Что ж, сносно все, я думал — хуже...

— Всегда думай хуже — чаще будешь доволен! — улыбался уставший Тевлягиргин.

В тот вечер не было музыки. Все собрались в большой комнате, чайные кружки пошли по рукам. Туккай вернулся с областного пленума, его начали расспрашивать, он рассказал о работе пленума, о докладе первого секретаря обкома Н. И. Малькова. «Комплексная программа созидания» — так озаглавлен был этот доклад. Владимир Иванович рассказывал об атмосфере пленума, о выступлениях товарищей. Слово за слово, в разговор вступила Тегрет. Она, как все, сидела с кружкой чая, говорила вступом, с паузами, дающими возможность продумать сказанное. Свет

фонаря «Летучая мышь» мягко подсвечивал ее лицо, в углах комнаты роились беспорядочные тени, было тепло, и ныли натруженные ноги.

— Вы помните, совсем недавно, в прошлой пятилетке, страна развернула огромные работы по экономическому развитию Нечерноземья — и эти области достигли высоких результатов — не конечных! — нет предела развитию экономики и социального прогресса в социалистическом обществе. Но большие сдвиги есть, работа успешно подвигается. Наступила наша очередь — теперь страна может значительную часть средств дать нам, Магаданской области... Естественно, теперь у нас начнутся преобразования, в дважды орденоносном Чукотском автономном округе — производственные, культурные и бытовые... Мне хочется, чтобы высота этих задач стала понятна каждому коммунисту, комсомольцу, каждому беспартийному товарищу, чтобы каждый мог определить свое место в этой общенародной большой работе.

Утром, когда Березкин на холостом ходу гонял двигатель, собираясь в обратный путь, я увидел на горизонте, за узким белым лезвием мыса и черными разводьями, далекие темные, почти отвесные думы.

— Что это? — спросил я, стараясь перекричать двигатель. Березкин через плечо глянул коротко, ответил криком:

— Лорино! Мы почти на границе Чукотского района. «Далеко от Москвы», правда?

Обратная дорога могла бы показаться кинолентой, запущенной в проектор обратным ходом, если бы не менялось время: утром, а не ночью, спустились мы от Янракыннота на лед пролива, высадили на острове Аракамчечен оленеводов второй бригады, они остались готовить кораль, а наш вездеход прокладывал новый след вдоль вех, оставленных службами гидробазы, спрямляя путь, пересек в низинном месте остров Ыттыгран...

Все люди, так или иначе знающие Галину Александровну, заявляли: «Тегрет живет прямо, никогда ни к кому не приспособливается. Для многих она человек неудобный»...

Вернувшись из Ленинграда, учительствовала в маленьком селе. Став женой и матерью в те же годы — стала партийным работником. Восприняла партийную работу, как она сама выражается, «продолжением педагогической, но со взрослыми и на другом уровне». Была инструктором отдела пропаганды райкома, потом работала в окружке, в Доме политпроса (маленький Славик говорил: «Мама в Доме политвопроса»). Вот уже шестой год Галина Александровна Тегрет секретарь Провиденского райкома партии... Осталась вдовой, с двумя детьми на руках. Приняла в семью детей-сирот.

— Их родители — наши дальние родственники, из Анадырского района. Они умерли, детей разбросало... Я поехала, разыскала. Сначала Сашу Эттувье, Наташу Эттувье, Юру Эттувье. Потом Витю Рахтына, потом его сестричку, Свету Анкалину...

Саша Эттувье окончил Ольский сельхозтехникум, там и работает. После второго курса чуть не бросил учебу... Наташа — студентка Ленинградского педагогического института имени Герцена. Было хотела поступать в Магаданский, но позволила себя убедить — ведь Ленинград же! Там и живет сейчас...

Юра Эттувье учится сейчас в десятом классе Провиденской школы.

Витя Рахтын сейчас служит в армии.

Вадик служит в армии.

Славик и Света (Анкалина) — в девятом классе...

— У Вадика и Славки сначала бывали «ревнивчики», попытки утвердиться: «Это моя мама!»... Девочки сейчас зовут меня мамой, а поначалу Света почему-то называла бабушкой... Слава возмутился: «Какая еще бабушка, ты что, не видишь, она ведь и не похожа на бабушку! Выдумала...» С девочками вообще сложнее. Наташа — собранная, начитанная, Светланка — та другая, энергичная и эксцентричная, смешливая, но сейчас, с возрастом, стала серьезней. Людочка, простите, Людмила Ивановна Айнана, школьная моя подруга и ученый-эскимолог, меня часто прорабатывала: «Ты деспотична со своими детьми!» Со стороны, может быть, и видней, но — что поделать, уж такая я мать... Наташа на каникулы ездила из Ленинграда домой. В этом году каникулы провела на Украине. И такой опыт тоже надо иметь чукчанке, поездить по белу свету. Как-то меня командировали из округа в Венгрию, назначили комиссаром нашего ансамбля «Эргырон» на время гастролей. Честно говоря, второй раз, если добровольно, не поехала бы... Двадцать человек — артистов! Еще тринадцать — обслуживающих, техсостав. У всех, естественно, свои представления об искусстве, о жизни, о бытии. Гастроли прошли с огромным успехом, прекрасные отзывы прессы были — и венгерской, и нашей. Но хлопот комиссару хватало.

Уважаемая Ухсима меня раньше поругивала: «надо быть категоричней, требовательней!» Потом покаяла: за последние десять лет резко возрос уровень самосознания и культуры людей, сегодняшний партийный работник в первую очередь — очень культурный человек, а волонтеризм просто не совместим с подлинной культурой. Ко мне приходят посоветоваться. «Так вы же из другой епархии, там у вас свои советчики есть!» — «Нет уж, давай лучше с тобой, как-то привычней...» — такое воспринимаю как награду.

Уже смеркалось. Уже проехали Новое Чаплино. Подходил к концу погожий морозный день, насыщенный предчувствиями скорой весны — апрель. В январьнотской тундре оставили мы конец марта. Меня разбудил Коля Березкин: в ту ночь я расположился в его вездеходе, не раздеваясь, забрался в спальный мешок, долго не мог уснуть, раздражала недельная щетина на щеках и подбородке, не додумался взять с собой пружинную бритву «Спутник», потом промерз, потом угрелся и уснул к утру — и будит меня Березкин. Черт, физиономия у него служебная, деловая: «Вставайте, «Время, вперед!» — баню натопили!» И я вскочил, сознание затмилось волной стихийной радости, засуетился, стал в вещевом мешке полотенце искать. А Березкин меленько так, ехидненько хихикает. «Что-о?» — оу. «Ничего, — отвечает, — первое апреля сегодня, примите поздравления!..»

— Я у многих училась, и меня учили, воспитывали. Учителя мои, и Ухсима Ивановна, и мама-Франтова, и Лина Григорьевна Тынель — и прямо воспитывали, и косвенно, тем, что были рядом. Во многом помогла мне сформироваться Юлия Федоровна Прокопенко — секретарь нашего райкома по идеологии. Конечно, с годами накопился свой опыт, нажитое... Приходит молодежь — отличная, грамотная, образованная, сложная. Возвращаются с учебы, приносят свои планы. Как правило, все комсомольцы, многие коммунисты. Вот только в Сиреники за последние годы вернулись с высшим образованием Галина Етхеут — это ее девичья фамилия, Идея Унканаут, Костя Тальпуки!.. По совхозу «Маяк Севера» — Анна Эйненкеу, окончила Ольский техникум, прекрасный зверовод, уже награждена орденом Трудовой Славы двух степеней, коммунистка... Екатерина Рэхтырина — преподаватель в Провиденской музыкальной школе, муж ее Юрий Калянтограу главный зоотехник районного сельхозуправления... Наш зампредрайисполкома по сельскому хозяйству Петр Константинович Омрынто... И в тот же совхоз «Ударник», в Сиреники, после Ольского техникума вернулась Наташа Рахтылина — зверовод, член парткома, кандидат в члены окружкома партии. В совхоз «Заря коммунизма» прибыл специалист с высшим образованием Александр Корауге, вы знакомы с ним — главный зоотехник. Он не январьнотский родом, из другого района... Тут у меня тема для размышлений: раньше я совершенно была уверена, что специалисту вовсе и не надо возвращаться на работу именно в свое село. Сколько раз мне плакались молодые специалисты: «Как ни стараюсь, а для своих всегда останешься Манькой-Ванькой. В другое место приедешь — сразу Мария Ивановна!» Теперь, размышляя, поняла: да, в своем селе стать Марией Ивановной сложней.

Ущелье сужалось, вот сейчас должна появиться надпись на скале: «Маша, помни наши встречи!» — и в минуту все изменилось. В ясный вечер, когда до Провидения оставалось 17—18 километров, на ущелье пала пурга — могучим ударом ветра и ослепившего снега. Свет фар вездехода тут же растворился в белесой круговерти. Березкин остановил машину.

— Что, брат Березкин, сели?

— Сейчас поедем...

— Но сегодня не первое апреля!

— На глаз — тридцать первое июля», но — поедем.

— Так не видно же ничего, мы в горах, опасно...

А я и обещал вначале — «Путешествие будет опасным».

И мы поехали. Березкин привставал, вглядываясь в едва различимые признаки дороги, часто тормозил машину, распахивал дверцу, выбирался наружу, и потом мы снова медленно ползли, и казалось, что ослепшая машина ощупывает путь стальными ладошками траков.

Вскоре Галина Александровна вылетела в Хабаровск на партийную учебу. Перед ее отъездом был разговор. Я заполнял страницы блокнота, спешил.

— Остановитесь, — сказала она, улыбаясь, — помолчим и поговорим о главном.

Главное — люди. За те годы, что секретарствует в Провиденском райкоме Галина Александровна, особенно за последние пять лет, значительно изменился контингент района. В послевоенные годы сюда приезжали немногие — бывалые и умелые. Медленно развивалось хозяйство района, в основном восстанавливали запущенное в годы войны. На Чукотку добирались на парходах, как на острова. Тогда и появились эти выражения — «с материка», «на материк». В 60-е годы прибывала в основном молодежь, выпускники вузов и техникумов, там, на материке, дома, они уже познали цену хлеба и трудового рубля. Здесь еще не было арктических коэффициентов. Из этих людей сложилась гвардия работников Чукотки. Только расправляли крылья работы Ан-2, только-только по тундре проложили рубчатый след первые вездеходы, налаживалась радиосвязь, огромным трудом давались успехи тех лет. Но что интересно в этом анализе: «договорники-материковцы» 60-х годов, принявшие участие в самом трудном времени преобразования народного хозяйства районов советской Чукотки, жили и работали здесь подолгу, десятками лет.

Здесь складывались их семьи, вырастали дети, здесь памятниками многократных продлений срочных договоров выросли дома, предприятия, клубы, школы... Уезжали на материк, выхо-

дя на пенсию, многие вскоре возвращались, затосковав, в села и поселки у подножий лысых сопок, на берега стылых бухт и рек, где не растут березы и не клонится к ласковой воде плакучая ива... Они возвращались в молодость, к перевалам будничной героики, к кострам Севера.

Теперь приезжали семьями. На материке оставались забронированные квартиры. «Материк» — это слово потеряло смысл, его говорили по привычке. Приезжие работали, получали должное, продляли срочные договора. Но из приехавших в начале 70-х до начала 80-х доработали немногие...

Часто приходилось слышать от здешних пожилых людей слова: «Я временный»... Приходишь к такому в гости, квартира отличная, ковры, неизменный хрусталь, отличная библиотека. А под коврами топчан. Спрашиваю:

— Почему мебель не приобрел?

— Так я же временно!

— Позволь, ты сколько лет здесь?

— А подсчитаем: кой-какие двухэтажные бревенчатые — я ладил, потом кирпичной кладки — полдесятка я ладил, на бетонных пятиэтажках, на «Арктике», сколько их есть, тоже работал. Ну, лет двадцать семь тут живу... Я ведь на пенсии...

— Но работаешь?

— Конечно, молодежи наставником...

И это временный! Да его теперь на родине под Винницей вишневым садочком не удержать. Он — северянин, дети его — северяне, им отдых на Горячих Ключах или на Талой слаще Мацесты и горнолыжная трасса на сопке у родного поселка привлекательней кавказских — как же, ведь тросовый подъемник сам налаживал!..

Договорники 70-х годов, естественно, не однородная масса. Есть те, что стали северянами. Есть временные, связанные с родными местами крепкими корнями, но живущие и работающие по принципам высокой гражданственности, с заботой дать Северу. Есть бравые, улыбочные, старательные — в пределах рабочего дня. Есть и не скрывающие своих «чемоданных» настроений — отработать договорные годы и вернуться к родным пенатам. Всякие есть. Кончат срок — всем облегчение — уехал нерадивый. Получил свое, а что дал Северу?

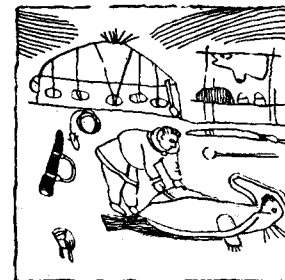
— Я пронаблюдала, проанализировала три основных пути формирования работников. Большинство людей — сложившихся — делают свое дело честно и старательно. Идеологическая работа должна помочь этому большинству пробудить творческое отношение к труду... Есть и приспособленцы, их немало. У них деловая активность к концу рабочего дня кончается не потому,

что человек выложился, вовсе нет. Кончилась суточная порция приспособляемости, надо идти домой. Кончилось время урока. Хороший был день — к доске не вызвали... Работа на «троечку», отдал восемь часов, осталось шестнадцать — жить... Да, как в школе, таких подтягивают, прорабатывают, к ним привлекают внимание, помогают понять: сегодняшние задачи — частички завтрашних, годовых, пятилетних. Никаких «троечек» — инерций быть не должно, от трудовой отдачи каждого зависит будущее всей страны... Третий путь — ох уж эти «третьи»... Знаете, есть люди, согласившиеся на роль второстепенных, второсортных. Да, такой покорно и спокойно согласен — он не может. Временами хитрит, временами изворачивается, изобретает, но ум его направлен на то, чтобы взять, и нет стремления дать хоть что-нибудь обществу... Иудушки Головлевы новой формации — со школьным аттестатом, с институтским дипломом. Как доказать им, что их бытие отвратительно, внеколлективно, тлетворно — ведь знают на память все тексты, произносят лозунги и девизы... Как мало в нашем искусстве уделено им внимания! А ведь только инженерам человеческих душ доступно создание образа сегодняшнего Иудушки во всей его отвратительности — и обнажить перед людьми, проанализировать и выявить зримые приметы, особые «родимые пятна». Чтобы увидели их люди, чтобы женщины не обманывались — и не рожали от них детей!.. Мы их тоже выявляем и выявим и будем с ними бороться...

Теперь все чаще я мысленно возвращаюсь к тому разговору с Галиной Александровной. Проходят месяцы, мои остановки уже на других географических точках, встречаюсь, беседую со многими и разными людьми — и все чаще возвращаюсь к тому памяtnому разговору, вижу ее лицо, слышу голос — негромкий, напряженный до звона. Тема — вот она. Нужная, наблевшая. Есть социальный заказ, есть «объекты исследования»...

Надо бороться...

Провидения, 1982 г.

Днем и ночью в благородной панике,
отложив насущные дела,
честные зоологи, ботаники
повсеместно бьют в колокола...

Александр Червченко

Берег Марины

Ясными солнечными ночами по двору разгуливали большие, как куры, чайки. Кудлатый щенок молча бросался на них из-под крыльца, птицы, щадя его детскость, без драки молча взлетали, делали ленивый круг над двором и усаживались на крыше дома. И все в тишине — тихи были щенок и чайки, только томно и угрожающе близко звенели крупные комары, атакующие время от времени спящих поселенцев совхозной гостиницы.

Низкое солнце сверкало белым накалом.

Утро отличалось от ночи теплом и обилием комарья. Село Рыткучи, его еще называют Усть-Чаун, усадьба совхоза «Певек», вольно раскинулось тремя десятками двухэтажных и россыпью одноэтажных домов на плоскости наносной галечной косы. На севере — блеклая гладь Чаунской губы, на западе — близкий остров Айопечан, на востоке и на юге — низкая тундра в запутанном междуречье Паляваама, Чауна, Пучевеема, Орелькая с их бесчисленными протоками, поименованными и безымянными. Там птичьи становища и рыбацьи бригады, там тундры западной Чукотки.

От дома к дому пешеходными дорожками возвышаются дощатые короба, в них трубы от котельной, а питьевую воду развозит машина-водовозка, разливая ее в железные бочки.

Екатерина Григорьевна Тимченко, молодая чукчанка-учительница, вот уже семь лет возглавляющая Усть-Чаунский сельский Совет, настойчиво предлагала побывать на стационаре Института биологических проблем Севера.

— Это наша гордость! И там вы познакомитесь с Мариной, она нам совсем своя — она тундровичка сердцем. Добираться туда несложно, особенно если Акулов свободен и не... хворает. Пожалуйста, пригласите Акулова!..

Благодать: на реке при ветре и скорости нет комарья. «Казанка» стремительна. Берега низкие и плоские, то травянистые, то поросшие ивняком и карликовой березкой. Куртины ивы копьевидной, серой, полярной, между ними фиолетовые поляны кипрея — иван-чая и белые — пушицы.

Гладь реки кажется мне наезженной дорогой, а Акулов то и дело меняет направление, маневрирует между только ему известными мелями и скоплениями топляков.

— Тружусь на реках Чаун-Чукотки тридцать лет — и не сам приехал сюда... Пришло время — стал каюром, а каюр, он за всегда каюр, хучь на собаках, хучь на ездовых рогачах, хучь на «казанке»... Она-то транспорт строгий, нуждается в твердой руке. Ты мне доверился — и не сумлевайся... К Марине доставлю на ее берег, она мне за всегда доверяет, у нас налаженный контакт по реке, а как же!

Он непрерывно курит и разговаривает, встречный ветер относит едкий дым его самокруток и слова. Акулов поджар, черен, как армейский сухарь, голубоглаз и морщинист, но не по-стариковски морщинист — он дубленый, этот Акулов.

— Не без корысти иду: Марина за всегда мне за гостя бачок залет, горючее, оно ноне в цене...

На ультрамариновой глади заводи — семейство лебедей, словно из снега. Над рекой парят чайки и вдруг пикируют, вскинув крылья перед броском на воду, затем взмывают ввысь и вновь парят, переключаясь резкими вскриками-стопами.

Шипит и пенится Пучевеем за низким дюралевым бортом «казанки», льдисто-холодный даже на взгляд. Впереди и справа синее далекая гора.

— Вот тебе и берег Марины. Глянь на свои «пуле-влагонепроницаемые» — за сорок пять минут домчал, как и говорил... Акулов — такой, фамилия моя от хищной рыбы, а сам-то я смиренный, мне доверяться можно...

А вон и Марина на берегу — она за всегда на мой мотор выходит, по-над рекой слышно издаля...

На плоском травянистом берегу расположилось одиннадцать строений, похожих на снимки в красочном проспекте «Сельские дома будущего». Деревянные, не крашенные, а проолифенные и залакированные, они разбросаны по изумрудному бархату тундры, и между ними вписались озера, словно голубые зеркала. Каждый дом — целевого назначения, задуман и создан людьми творческими, практичными и, безусловно, мастерами...

И вот сижу в кают-компании, убранством и камином напоминающей швейцарский зал-шалле. Научные работники предложили мне вкусный обед, а потом чай щедрой заварки.

Странно и неловко среди занятых людей. Ходил из лаборатории в лабораторию, старался не мешать, рассчитывал на извечную тягу к общению с новым человеком, и завязывались беседы.

Молодой ученый Иван Обушенков, выпускник МГУ, старший лаборант, ныне в полевом сезоне исполняющий обязанности начальника отряда, — складный, жилистый, с лицом крестьянского парня, рассказывал.

— Лучший охотник-промысловик в этих местах Эдуард Ляковский, вылавливая за сезон в среднем по пятьдесят песцов, разбрасывал раньше по тундре для привады к капканам по две тонны рыбы, и какой — гольца. Сейчас совхоз разрешает тратить на приваду триста килограммов. А голец здесь нагулянный... И в путину что тут делается: вездеходы, вертолеты, хищники всех пород! Больно. Я в этих тундрах пять лет брожу — насмотрелся. Голец — тема не моя, им занимается Игорь Черешнев из Владивостокского биолого-почвенного института Дальневосточного научного центра, вы бы с ним поговорили... Теперь, кстати, на этом берегу хищничества нет, здесь наши Поспеховы бдят!.. Вы уже познакомились с Мариной и Вилли?

Сказать о Марине Поспеховой, что она красивая женщина, — это ничего не сказать. Да и красивая ли она? Роста невысокого, коренастенькая, загорелая, вычерненная чукотским солнцем. Большие темные глаза — от грека-деда: она по паспорту гречанка, отец — поляк. А по бабушке она шведско-финских кровей.

Марина приветлива и наглухо защищена иронией. Рассказывает о себе легко и глядя в глаза.

— Отец мой погиб во время войны, я рождения сорокового года, стало быть, и не помню его. Из-за гестаповцев у нас и фотографий его не сохранилось. Для меня всем была мама, я была у нее одна, братья появились потом... В Риге мы жили на улице Ленина, училась в школе номер девять в Юрмале вместе с Виллимом Поспеховым, мы одноклассники, его отец тоже погиб на фронте. Кончили школу в пятьдесят седьмом году и сразу же поженились. Работали, учились, Вилли ходил в море на рыбачьих судах, я работала сначала с мамой на шелкоткацком комбинате «Ригас аудумс», потом на ВЭФе, в отделе снабжения, в группе по цветным и драгоценным металлам. Жили мы скудно и суетно, хотелось приволья... И Вилли поехал первым, в семидесятом вылетел в Магадан, получил назначение в Певек, в поселок Западный — сварщиком. Через три месяца я с сыном — Виталик был совсем крошка — приехала к нему.

На побережье Восточно-Сибирского моря Северного Ледовитого океана июнь — еще не лето, июль — уже не лето. Марина с ребенком, да и Вилли, теплой одежды не имели, первую зиму обходились спецовой. Они не «переживали трудности», они просто жили. Марина работала заместителем директора ремонтно-механического завода. Завязались знакомства, увлеклись любительской охотой, охотоведением.

— Наткнулась я в телефонном справочнике на любопытное: группа ВНИИ МОРГЕО, и у нас в Риге была такая группа. Заинтересовалась. И в тот же день пришел к нам их представитель

с заказом — и латыш! Разговорились, и вскоре они меня перетянули на работу.

Переехали мы в Певек, и отдала я морской геологоразведке шесть лет. Вилли работал в Певекстрое, мы охотились, мы учились на курсах водителей — теперь оба водим машины, вездеходы, моторные лодки... Еще в Западном меня избрали председателем первичной организации общества охотников, а потом председателем Чукотского межрайонного общества. Очень я увлекалась охотой, Вилли имел меньше свободного времени, но и он старался не отставать. У нас появились друзья, местные охотники-чукчи. Особенно подружились с промысловиком Трофимом Тынарахтыргиним — его угодя на острове Айон. Мудрый, как Дерсу Узала. Он учил меня терпеливо и многому — учил не бороться с природой, а жить в ней, учил быть рачительной, а не азартной: «Охотник тот, кто может добыть много, а добывает в меру, и то, что нужно для жизни»...

Трофим приезжал с Айона не часто. Жил он там с дочерью-малышкой: жену потерял и больше не женился. Дверь в квартире Поспеховых никогда не запиралась, появлялся Трофим в дверном проеме, говорил негромко: «Етти!» И не любил, когда ему помогали стаскивать с себя амуницию, сам расстегивал хитрые застёжки, вырезанные из моржового клыка, скидывал опояску с ножом, торбаса, оставался в мягких заячьих чизах, в ситцевой рубашке-косоворотке, — потом Марина к его приездам готовила новые рубашки, именно такого кроя... Старик вставал рано и кипятил чай — хороший чай присылала в посылках из Риги Маринына мама. Особенно нравился Трофиму чай в пакетиках, с лимоном. А когда Марина и Вилли приезжали к Трофиму на Айон, старик добывал нерпу и готовил ее печень. И с дальних угодий приходили охотники, подолгу гостевали.

В семьдесят третьем году Марина Болеславовна Поспехова была делегирована от Магаданской области на Пятый Всероссийский съезд общества охотников.

— Даже речь говорила! Потом расписали в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в статье «И женщины хотят охотиться»... Там выступали писатель Волков, космонавт Андриан Николаев — и я. От него подарок получила: сервис хохломской работы. А ему подарила чукотские сувениры с острова Айон. И Королькову, председателю Всероссийского общества, — тоже... Жизнь на Чукотке полная, понимаете? Мы работали, нас уважали, сын рос здоровым и закаленным. Много читали мы, приобрели замечательные ружья — у меня штучный ТОЗ-34 двенадцатого калибра, у Вилли — штучный МУ21-12. Когда подрост Виталий, и у него появилось свое ружье. Оружие — это ответствен-

ность, дисциплина. Вот что удивительно: когда жили в Певеке, чаще охотились, выезжали в тундру. Теперь живем в тундре, а охотимся реже. Правда, для научных целей отстреливаем, тут нужна работа снайперская. Мы каждую осень имеем разрешения на любительскую охоту, но вот времени маловато, весь год у нас рабочий сезон!..

Сын Поспеховых Виталий учился в Певекской школе-интернате, дружил с местными ребятами, а двое — Коля Тинагиргин и Витя Котгиргин были больше чем друзья. Марина заказывала маме в Ригу не один комплект одежды, а три одинаковых. Витя родом с мыса Шелагского, Коля — с острова Айон, не ближний свет, и с четвертого по восьмой класс домом им стала квартира Поспеховых.

— Витя был сложным мальчиком, малоcontactным, преданный друг, он не проявлял свои чувства. Что-то не так у них в семье было, не любил ездить домой, даже на летние каникулы оставался у нас. Честно говоря, он заботил меня больше, чем Виталька и Коля.

Мальчики поступили в Провиденское СПТУ, стали механиками широкого профиля. И там, в Провидения, без постоянного контакта с Поспеховыми, Витя сорвался: начал выпивать, стал нелюдимым. Марина испугалась за него, встречалась с педагогами, осторожно и подолгу разговаривала с Виктором и поняла: паренек тосковал. Овладев техникой, он не стал человеком техники, он был сыном тундры. И Марина отвезла Виктора к старому Трофиму, Виктор стал помогать опытному охотнику. Дочь Трофима стала невестой, молодые люди полюбили друг друга и поженились, и, когда Трофим в свой час «ушел к верхним людям», совхоз по праву передал его охотничье угодье молодому промысловнику.

Коля, окончив СПТУ, был призван в армию, часто писал, советовался с Поспеховыми, делился планами. Отслужив, он остался в Хабаровске, работает на заводе «Промсвязь», отличный спортсмен, не курит, не пьет.

Виталий какое-то время работал в Риге помощником бурового мастера, потом в Певеке работал в группе НИИ МОРГЕО.

— А в семьдесят восьмом году к нам пришел директор Института биопроблем Севера, член-корр. Академии наук СССР Витаутас Леонович Контримавичус и предложил работу на стационаре. Он был откровенен, золотых гор не сулил, рассказал, что многие брались за эту работу — круглогодично хозяйничать в тундре, но не получалось... И мы согласились. Первым, как у нас всегда, поехал в тундру Вилли...

Иван Обушенков, начальник экспедиции:

— Вилли как будто всегда был с нами, не спрашивал, где что лежит, что делать и как. Мы его зауважали, еще не зная, какой он человек и мастер. И когда в ноябре по зимнику приехала Марина, то тоже все сразу поняли — приехала хозяйка!

Директор Института биологических проблем Севера, тогда кандидат, а ныне доктор биологии, **Георгий Петрович Красношеев**:

— Для ясности: что есть наш стационар? Больше десяти лет в этой тундре каждое лето — с конца мая по середину сентября, по октябрь, — работали наши экспедиции, полевые отряды. Собирали материал, а исследовательские стационарные работы производили уже в Магадане, в лабораториях. Не сохранив материал поля, теряли результаты года. Назревала необходимость создания лабораторной базы в тундре. Здесь на берегу была избушка с ледником — рыбацья пристань, она и сейчас отмечена на старых картах. Все началось с этой избушки — там ютились, в леднике хранили материалы.

Доктор биологических наук, заведующий лабораторией молекулярной генетики Института общей генетики АН СССР **Николай Георгиевич Шуппе**:

— Вы видели где-нибудь, чтобы полевики жили в таких условиях? То-то. Говорили канадцы, что на мысе Барроу есть отличный стационар, но он в ведении вооруженных сил США, а наш — академический!.. Строили мы его долго, с любовью, с выдумкой и — сами. Академия дала пятнадцать тысяч — и мы построили первый дом у реки. Работало трое строителей и все сотрудники. Коллектив лаборатории гельминтологии — он вообще главный инициатор строительства — доставлял своими силами строительные материалы...

Нина Станиславовна Томиловская, кандидат биологических наук:

— Теперь молодые специалисты принимают здесь все как должное, а мы обласкали в руках каждый гвоздь, каждую доску — и по дороге из Магадана сюда, и на стройке — особо. Работали все — мужчины и женщины, научные и прочие сотрудники...

— И, естественно, боролись за экономичность — берегли каждый гвоздь и каждую доску! — взгляд доктора Шуппе добрее, разглаживаются крупные складки на лбу. — Строили старую дизельную и дом Песпеховых, он тогда был раза в четыре меньше — это в семьдесят третьем... Потом построили лабораторный дом, двухэтажный, мансардный, и дом, в котором кают-компания и кабинеты, тоже с мансардой... В семьдесят четвертом приняли ориентировку на приезд иностранных ученых — они

потом работали здесь шесть лет подряд — и начали строить дом-«вигвам», тоже мансардный. Их было пятеро, они трудились на стройке вместе с нами, с тем же энтузиазмом: как раз привезли материалы для «вигвама», они таскали. Был переводчик, но вскоре отпала нужда, мы быстро залопотали по-английски, а они по-русски. Были дружные научные, человеческие отношения. «Вигвам» и баня — семьдесят шестой... Завоз дизелей, становление электростанции — семьдесят шестой — семьдесят восьмой. Новая дизельная, и Дом над озером, и оранжерея — семьдесят девятый. Настелили переходные мостики — отныне никто не ступал на покров тундры нашей территории. Мерзлота, оттайка — у нас все на сваях, завалинки — декоративны, а в Доме над озером — без них, все на продув... Нравится форма и конструкция сооружений? То-то. В непогоду садились вчетвером: член-корр. Витас, Жора, Миша Толстых и я, рисовали проекты сооружений, придумывали способы строительства, привязку материалов к форме... Имели два станочка: пилу и строгальник, из тех, которые для школьного производственного обучения, и все делали сами. Я участвовал в строительстве четырех домов: кают-компания, «вигвама», бани и «центрального дома» — где мы сейчас живем. Делали по принципу: удобство, комфорт, высшая научная производительность впоследствии — и все не стандартно! В результате сейчас здесь можно производить самые сложные современные исследования!

Георгий Петрович Красношеев:

— Здесь плодотворно работают орнитологи и ихтиологи, гидробиологи и наши гельминтологи. Только по нашей лаборатории защищено четыре кандидатские диссертации, одна готова к защите. Подготовлена к защите моя докторская. Большое количество статей, рефератов, тезисов. Затраты на строительство и содержание стационара окупались быстро. Ориентировочно он обошелся в сто пятьдесят тысяч рублей, это ведь и материал, и завоз, и стройка! Сравним: один двухэтажный сборный дом в поселке Марково, да и повсюду здесь, обходился в двести пятьдесят тысяч — и это давние цифры, до подъема оптовых цен на строительные материалы и конструкции. И ни один дом, скажем, в селе Рыткучи, не может сравниться с нашим: культура, гигиена, максимум удобств. Можем поделиться опытом!.. И еще одно. Сейчас здесь двадцать семь человек, а мы можем принять с удобствами и обеспечением научной работой сорок — сорок пять.

Георгий Петрович стал директором Института биологических проблем Севера, когда член-корр. АН СССР Витас Леонович Контримавичус был переведен на повышение. Витас — так его зовут друзья — был инициатором создания центра в тундре,

и Георгий Петрович продолжает наращивать темпы благоустройства стационара, чтобы удовлетворить заявки на «рабочие места» от ученых Москвы, Свердловска, Владивостока и из-за рубежа. Георгий Петрович чем-то похож на доктора Шуппе, он немного понижает ростом, кряжист, по-крестьянски основателен. Они оба интеллигентны, сдержанны, сосредоточенны.

Трудно уснуть в пору полярного длинного дня, когда ослепительно сверкает низкое незакатное солнце. В мансарде, в комнате мне выделенной, пахнет скипидаром и лаком свежей постройки, за окном без шторы — тундра, озерко и Дом над озером и дальше — тундра, черная от контражурного света. В три часа ночи фотографирую, до предела зажав диафрагму аппарата. Слышу фанфарные звуки — близко и низко в небе лебеди.

У крыльца дремал могучий угольно-черный Граф, добрый пес редкой породы мастиф, преданный друг Марины и ее мамы, Ирэны Микелевны.

— Мама зачастила к нам, ей на Чукотке нравится. Приезжала в Певек, а теперь сюда. Виталик быстро сделал меня бабушкой, а маму — прабабушкой, для нас Андрейка — свет в окошке!.. Сын с Наташей, теперь тоже Поспеховой, привезли его к нам первый раз совсем крохой — Наташа готовилась к защите диплома. Это было в феврале, они уехали по зимнику. А в марте Андрей заболел — ангина и бронхит... Пурга. Я по рации предупредила сельсовет Усть-Чауна, Катю Тимченко, о том, что Вилли выехал на вездеходе за врачом. Он за час домчался, потом за час — сюда. Врач Тамара Мякушко повозилась с Андреем; все сделала как надо, а когда выехала в обратную дорогу, вездеход сломался у самого стационара. А ведь врач нужен не только нам! И Вилли решил ехать на колесной автомашине «Газ-66». Стали мы ее выкапывать из снега, четыре часа махали лопатами — выехали они, и... машина сломалась! По рации сообщила в сельсовет. Катюша приняла меры: как раз в село приехал из бригад вездеходчик Валентин Жуйко, наш хороший друг, пурговал в тундре много дней, но Катя попросила, и он приехал к нам... Потом в течение суток шли от Тамары к нам радиоконсультации — и Андрейка оклемался, молодец!.. Теперь моя мама приезжает сюда каждое лето, ведь Андрей летом у нас, и очень нам помогает.

О Ирэне Микелевне хочется рассказать поподробней. Думаю, читатель через рассказ о ней увидит нечто важное и в дочери — ведь яблочко от яблони не далеко катится!

Ирэна Микелевна Мурнова до серебряистой голубизны седая, волосы волнистые, глаза карие и лучистые, совсем юные. Она маленькая, полная, но величавая и подвижная.

Мы сидели в доме Поспеховых, среди ковров, книг и ружей, пили отличный кофе со взбитыми сливками. Ирэна Микелевна показывала фотографии, вырезки из газет, семейные реликвии.

Дочь Мике Монокандилоса с острова Калимонос Греческого архипелага и мадам Лагер — шведско-финского происхождения, Ирэна родилась в Петрограде в июле 1917 года. Кстати, ее шестидесятилетие отпраздновали в чаунской тундре.

Она овдовела в первый год Великой Отечественной, оставшись с малышкой Мариночкой. Двадцать пять лет проработала на «Ригас аудумс», как она выразилась — «просидела на одном стуле», начальником отдела снабжения этого прославленного шелкоткацкого комбината. Награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и вышла на пенсию в 72-м.

...Оккупированная Рига. Весна 1942 года. Повестка из гестапо. «Где ваш муж?» А кто его знает? Ушел бойцом рабочей гвардии. И где воюет — в осажденном ли Ленинграде или под Москвой? И жив ли... Успела эвакуироваться сестра, а Ирэна не смогла — болела мать, и Марине годик от роду.

...Люди узнали, что в женский монастырь снова привезут из лагеря смерти Саласпилса детей. И мама сказала Ирэне: «Там сироты, надо ехать и взять к нам сироту. Кусок хлеба найдем, и если останемся в живых, то и он будет жить».

Ирэна поехала в монастырь. В лабораториях Саласпилса у детей брали кровь раненым фашистам, обескровленных детей передавали в монастырь, оттуда их разбирали люди — кто мог...

В каменном дворе — детишки шести — двенадцати лет, бледные до синевы, худющие — тени детей. Ирэна замерла. Подковылял малыш: «Я — Коля, тетя. Возьмите меня!»

Прошло сорок лет, но и сегодня Ирэна Микелевна замолкает, переживает спазм, старается не расплакаться.

...Молча подошел еще один, темненький, взял Колю за руку, потупился. «Я беру их!» И тут к ней бросились дети: «Меня, тетя, меня тоже!» И она, задохнувшись, показала надзирательнице три пальца — «беру трех», но тут подошли два мальчика постарше, и один сказал: «Пожалуйста, возьмите Илью, я знаю, его никто не возьмет, он оглушен бомбой и совсем плохо слышит. А я могу работать, меня возьмут крестьяне». Взяла и Илью. И уже на выходе в углу увидела скорченную фигурку. «Это Веннадий, у него всех родных сожгли в сарае, на глазах».

Шла по улице Риги молодая красивая женщина с гордой головой и вела за собой гуськом пять оборвышей. И под душем они стояли все пятеро, прижимаясь друг к другу — дети войны.

— Что вам сказать? Сегодняшнему человеку даже не вооб-

разить, что значила еда в оккупированной Риге — три долгих года! И шесть детей... Конечно, мне помогали родственники, мама, но дети были со мной. Оказалось, что они и имен своих не знали: Коля оказался Леонидом, а Веннадий — Геннадием... Фома — скромный, застенчивый, Илья — замкнутый и привязчивый одновременно. Саша — черный, как уголек, чистюля и аккуратист, Коля-Леня — прилежный, работающий. Геннадий, живой, подвижный и приветливый, очень умел ладить с людьми. И Марина, младшая, перенимала от братьев самое лучшее: общительность, вдумчивость, веселость и трудолюбие; и аккуратность с чистоплотностью — самое главное в ней! Да, душевная чистоплотность... Три года жила наша семья, и были частые вызовы в гестапо: «Есть ли известия о вашем муже?» А потом этот случай — уже в конце войны. Примчалась машина зондеркоманды: «Квартал будем взрывать, уходите куда хотите!» И начали таскать ящики. «Лос, лос!» Но тут налетели наши самолеты, посыпались бомбы, шофер стал разворачивать машину и наехал на их офицера! Фашисты забегали, потащили куда-то раненого, машина умчалась. А потом в Ригу вошла Красная Армия... Я узнала, что муж погиб в боях. И наступила пора расставаний. Нашел нас отец Леонида, партизан из Белоруссии. За Геннадием приехала мама, за Илей и Сашей — сестра, за Фомой — брат... К нам зачастили почтальоны... — Ирэна Микелевна перебирала фотографии. «На память от Коли-Леонида и его жены Маруси. Калининград, 1962 г.» — Никогда бы не подумала, что из Лени мог вымахать такой громадный мужчина, Марусино счастье!..

Вновь разлит кофе из чеканных латвийских джезв, налит в крохотные рюмочки рижский бальзам... Седая элегантная женщина в пушистой гарусной кофте, с камеей на черной бархотке. А я вижу ту, молодую красавицу, ведущую по улицам опустевшей Риги спасенных детей.

Контримавичус умеет разбираться в людях: долго искал и нашел, кому поручить хозяйство стационара. Завести все необходимое для научной и жизненной деятельности по зимнику, жить зимой в тундре только вдвоем, поддерживая сооружения и технику стационара в постоянной готовности, встретить весной отряд и обеспечить научную работу сразу, без организационной раскачки, — вот круг обязанностей Поспеховых.

— Конечно, нужна расторопность. Очень помогают друзья, а их у нас много и в сельсовете, и в совхозе, и в районе. Крепко помогает районная Сельхозтехника, друг охотник Владимир Дмитриевич Козырев выделяет технику на зимник. Председатель сельсовета Усть-Чауна Екатерина Тимченко — душевная подруга. И — главный человек — мой Вилли. С каждым годом он

становится все ближе. Я всегда знала, что мой Вилли большой мастер, что руки у него золотые, теперь же совершенно уверена: Вилли может сотворить все! — и горжусь им.

Жилье в тундре зимой, в поземку, предвещающую скорую и долгую пургу, — как ждет его человек, один ли, в группе ли бредущий, едущий ли в вездеходе, бегущий ли рядом с упряжкой. Жилье предупреждает о себе дымком очага, теплом освещенного окна. И ты уже не одинок в белом безмолвии!..

— Мы всю зиму здесь вдвоем. Часто подходят волки — крупные, серебристые, гривастые. Мы по утрам читаем на снегу их следы. Мы не стреляем в волков: они не вредят нам, а в экологии тундры у них есть свое место. Волк — совершенный житель тундры, украшать его шкурой стенку — безнравственно. Проходят рядом олени-дикари, мы ведем их учет — любительски, но эти данные нам нужны. И нередко к нам заезжают люди — оленеводы, охотники, геологи: у нас тепло, светло, баня и еда, радио и магнитофон. А когда мы вдвоем уезжаем в село Рыткучи или в район, то на незапертой двери оставляем записку: «Дизель работает, пейте чай!» и «Граф не кусает!». Возвращаемся — находим на столе кус оленины, вязку копченого гольца. Значит, у нас были гости.

Доктор Шуппе:

— Она все делает так, чтобы у ученых ни в чем не было нужды. И ей охотно подчиняются — хорошей хозяйке. Когда я в Москве думаю о стационаре в Усть-Чауне, то думаю о Марине, она хозяйка этого берега!

Георгий Петрович Красношеев:

— Наш стационар стал таким, что ученые приезжают сюда на сезон с детьми. Мой Петька десятилетний шесть раз был здесь, хвостиком ходит за Вилли, когда тот мастерит, за Мариной, когда она в оранжерее...

Доктор Шуппе:

— И мои пацаны Алешка и Егор, семи и одиннадцати лет, — тоже. Егор и походку Вилли копирует, заметили? Не спеша ходит, спина ровная, руки чем-то заняты...

Кандидат биологических наук Нина Станиславовна Томиловская:

— Марина и Вилли очень надежные люди, товарищи, о каких только мечтать можно. Они есть — и есть электроэнергия, стабильная, как в городах, а это все: термостаты, термокамеры, микроскопы. Раньше мы здесь топили печи. Теперь Вилли сделал: нажми кнопку — тепло пошло. Мы заложили оранжерею, Марина расширила ее. Теперь в течение всего сезона у нас на столе помидоры, салат, огурцы!..

Начальник экспедиции Иван Обушенков:

— В Усть-Чауне школа-интернат выбросила при ремонте трубы, Вилли перевез их сюда на лодке, помудрил и создал отопительную систему. У Марины так заведено: летом мы передвигаемся только по реке, на вездеходах — только зимой и по одной колее. Извне к нам летом прибывают или по реке, или вертолетом, никаких гусениц!.. Было однажды: таскали торф носилками и промесили тропу, и там начался процесс термокарстовой эрозии. Теперь мы подтянем к месту мостки и восстановим все. Но, понимаете, как ранима тундра!.. У нас здесь постоянный резерв мышей и евражек, когда нужно — под ногами ловлю! У нас тундра цельная — совхозам пример землепользования.

Дни шли. Я научился не ахать, не восторгаться — все, что делалось на стационаре, было запланировано, продумано, вложено в четкие графики научной и хозяйственной деятельности. Я научился не бросаться, как Граф, к каждой евражке с «объятиями», не вспугивать шумным восторгом пролетающих птиц, стал меньше спрашивать и пристальней смотреть — вошел в колею, в ритм здешней целенаправленной жизни. Но, грешен, любил посидеть часок с Ирэнной Микелевной и Андрейкой за чашкой кофе или удивительного морса из тундровых ягод.

— Когда я впервые собралась на Чукотку, еще в Певек, то родственники-рижане меня пугали: «Ты что, собралась лечь там в мерзлоту?» И я ответила им: «Нет, я собралась ее прогреть»... Конечно, есть более изысканные места для отдыха. Чем плохо летом взморье? Но езжу сюда. Нужно помочь Марине с Андрейкой. Никак не привыкну быть прабабушкой! Но главное в другом. Меня здесь согревает отношение людей к моим детям, к Марине и Вилли. Доброе и уважительное отношение к моим детям соседей-тундровиков и ученых, создавших этот стационар.

...Неожиданно на спецплощадку у кают-компании садится вертолет. Это противопожарный патруль явился засвидетельствовать свое почтение Марине, высказать благодарность — на этом участке тундры никогда ничего не случается! Пока экипаж общается с коллективом стационара, есть время собраться и улететь с оказией. Рюкзак собран. Иван Николаевич Обушенков, за все дни впервые выбритый до глянца, остановил меня.

— Видите голубую гору? Вон, к западу от нас? Это гордая гора Нетиней. Клянусь ею, говорю искренне. Как-никак, я начальник экспедиции и очень завишу — по результатам работ — от обеспечивающего труда нашей Марины. Этот берег живет ею. И я очень боюсь результатов ваших публикаций.

— То есть?

— Марину и так знают слишком многие. В Певеке был слу-

чай: пришло письмо с Сеймчана: «Марине, которая была на съезде», и его принесли Поспеховой. Понимаете, у нее в голове и в сердце есть гораздо больше, чем нужно для руководства нашим стационаром. Мы боимся, что кто-то, кто над нами, узнает это тоже — и ее заберут от нас... Уведут ее, понимаете? А она нам нужна, она своя!

Вся колония высыпала на проводы — и дети, и Граф. Они оставались внизу, на малахитово-бархатной скатерти тундры, на ими обжитом берегу величавой реки.

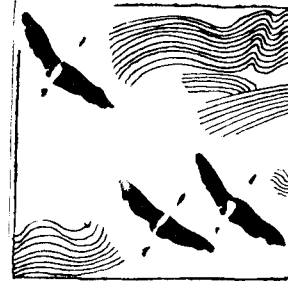
* * *

Перед отлетом из Усть-Чауна был еще один разговор с председателем исполкома сельского совета Екатериной Григорьевной Тимченко.

— Я была права? Марина — прелесть. Я верю, настанет время, и я смогу сказать приехавшему с материка к нам на работу человеку: «Вот вам работа, вот вам жилье, а теперь оглянитесь — какая у нас тундра! Вот и живите в ней, а не проживайте, вот и относитесь к ней — как к клумбе у своего дома!..»

Летел я на Певек, потом на Билибино, потом на Омолон — и далее. И под стрекозиной тенью винтокрыла растилалась тундра: исхлестанная шрамами гусеничных трасс, со ржаво-рыжей россыпью старых железных бочек, с багровыми дугами и дымами частых в то сухое лето пожаров — и зеленая, испещренная голубыми пятнами озер, причудливыми извивами рек. Тундра вечная, дающая жизнь, тундра летняя, спешащая цвести, зреть и лечь под глухие снега, под копыта оленьих стад. Тундра людей.

Усть-Чаун, 1982 г.

*Мы верили,
что дальняя звезда
горит для нас
и охранять нас будет,
пока она над нами —
никогда
случайный снег
нам чувства не остудит...*

Владимир Тынескин

С героями этого очерка я познакомился в селе Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа.

Иван Михайлович Процкий рассказывал:

— Я, как видите, не молодой, но и не старый, хоть и сивый, седой то есть. Рождения восемнадцатого года, с Брянщины, сельский человек и крестьянского происхождения. Парнем я был не рослым, но из себя коренастым, и силенка была, но гонору было больше, чем силы и... разума. Так и случилось, была у меня, кавалера, драка — и не первая, да еще и с приезжими комсомольскими активистами, — по тридцать девятому году дело осложнилось этим. Ну, а дальше, как положено: «Встать, суд идет!» И попал я, мальчишечка, куда Макар телят не гонял...

Иван Михайлович расслабленно сидел на диване, отдыхая от дневных трудов. Его седина отликает металлом. Посадка головы гордая, чеканный профиль на фоне пестрого ковра. Рассказывал свободно, память прошлого его не гнетет.

— Работал на приисках Колымы, в шахтах. Назначили даже завхозом на трассе... Но вот настала война, обратился я по начальству, просился на фронт. «Нет, — сказали, — дочаливай срок!» И вот это была обида... Кончил срок в сорок третьем, Брянщина моя еще под фашистом была, поехал вольным на строительство аэродрома «подскока» — делали это тогда для обеспечения перегонки американских самолетов на запад, к фронту, — это которые по ленд-лизу нам давались, «помощь»... за большие наши деньги: отсюда большое золото за океан шло, а уж как давалось оно, вспомнить страшно!.. Добирались до места стройки на гидросамолете, сели на Щербаковское озеро, это отсюда недалеко. Приводнились — пустоши, тайга хилая, тундра, и нас собралась толпа, человек триста. Местное комарье и не мечтало о таком харче! Но аэродром мы построили... Вышел я на Омолон, добрался до военкомата. Покорно прошу, отправьте на войну! Там старший лейтенант командовал, протез у него в черной перчатке, молодой парень, из грузин. Он мне стал объяснять, что и тут люди нужны, поработай, а разнарядка поступит — возьмем.

Семейная история

А при нем сидел гражданский, румяный, в пиджаке и в кубанке, только без красной партизанской ленты поперек, так он мне бодренько так заявил: «И здесь фронт! Тундра — важный участок фронта, здесь и дерись!» А старлей однорукий посмотрел на него, раза два кадык по тощему горлу сгонял и сказал: «В тундре драться не надо, кацо, в тундре надо жить... Правда, Иван, поживи в тундре, надо!»

И еще была в Омолоне русская учительница, звали ее Вера Ивановна Лобода, она сейчас в Москве проживает, виделась мы... И она посоветовала пойти в оленеводы, очень это было нужное дело — Колыму, Крайний Север мясом снабжать, продукты с запада не оттягивать, фронт же там был!

...Метеостанция на реке Олой. Значит, радиосвязь. Там собиралось стадо оленей, выделенных колхозами Колымы для организации оленеводческого совхоза на Омолоне. Иван Процкий учился управлять с оленями, пришлось ему вести упряжки магаданской геологической экспедиции — по реке Аянке, до Пенжинской губы.

— Зарождался наш совхоз. Набиралось стадо. И встретил я в каеттынной тундре Марию, их яранга была там. Молоденькая она была, тростиночка тальниковая. Стали мы жить по-семейному, жили в палатке, хоть Мария и кулацкая была дочь. А, Мария, — слышь, чего рассказываю?

Мария вошла в комнату, пряча руки под цветастым передником. Села рядом с мужем, повела взглядом, усмехнулась.

— Раз хозяин говорит — значит, так. Да, мой отец был хозяином большого стада, больше двух тысяч в нем. Сто человек на пальцах стадо считали. Отец крещеный был, его в тундре знали. Карауге — «Дыханье оленя» — так имя его переводится... Но вот когда это было — не при мне, я родилась в двадцать шестом году, нас у мамы было шестеро, а оленей не было — собственности не было, мы все в колхозном оленеводстве выросли. Старшая сестра, Кергынаут — «Дневной свет», она состарилась у колхозного стада, брат Буквугве — «Камень» — оленевод в совхозе «Омолон»... Сестра Тэнекэв — «Рассвет» — она в тундре жила и умерла, сестра Котгыргын — «Поднимающаяся» — и сейчас в пятнадцатой бригаде, тундровичка. Еще одна сестра — совхозная пенсионерка... Я всю жизнь кочевала, только недавно стали на центральной усадьбе жить, как на пенсию вышли. Мы все за жизнь выходили десять таких стад, как у отца было. Конечно, богатеи.

— Пошутил я, Маша... В палатке начинали мы жизнь, ни чоттагина, ни полога путевого не было, зато была дочурка первенькая, Валюша, а кочевали за сямьсот километров на оленях —

до Омсукчана, в совхоз Буксунда, там выделили для нас, нового хозяйства, все необходимое. Знаете, климат в тундре сильно помягчел, раньше морозы были лютее.

Сложное это дело — оленеводство. Научиться ему можно, но — за жизнь. А Иван Михайлович научился за два года, и был поставлен бригадиром, и на три десятка лет. В тундре пришлого человека принимают как дорогого гостя, но не более того. Гость — он всегда гость, поживет и уедет... Может быть, так бы и сложилось, если бы не Мария. Это она учила его говорить почукотски не с брянским акцентом, а как говорят уроженцы омолонских тундр. Это она гордилась каждым его успехом и хвалила, хвалила и — любила его.

Мария помогала Ивану научиться извечному, не бороться с природой, а жить в тундре. Он и сам не знал, что значит в его жизни Север, до той самой поры, пока не решил расстаться с ним.

От Брянска ехали по залитой солнцем лесной дороге. Автобус был переполнен — люди возвращались с воскресного городского базара. Поглядывали на Марию, на ее детей — они заняли три сиденья, а Ивану Михайловичу с ними места не нашлось. Рослый кудрявый парень с ящиком тульской гармонии на коленях, благоухающий одеколоном и традиционным по тем временам «Агдамом», сидел с Марией бок о бок и, вывернув до отказа шею, рассматривал ее, диковинную, усмешливо, нагло. Иван Михайлович положил ему руку на плечо — не по-дружески, прямо скажем, предложил вполголоса поменяться местами. Видно, на Брянщине не вывелись гонористые парни — этот стал громко выяснять отношения, явно дурачился, привлекая внимание... Иван Михайлович молча и крепко взял в короткопалую ладонь его подбородок, повернул к себе, глубоко и долго глянул в глаза... Парень вдруг хныкнул по-мальчишески и уступил Ивану Михайловичу место. Тот сел рядом с женой, положил ей руку на плечо. Деревенские женщины, не привычные выражать свои чувства шепотом, одобрили его действия, не удержались, попеняли своим мужикам — дескать, глядите, учитесь, эта женщина действительно замужем, за мужем — как за надежной стеной...

...На хутор приехали засветло. К автобусной остановке вышел весь род Процких, от мала до велика, да и многие хуторяне, не родня, вышли встречать Ивана с семьей — как же, не вчера уехал, не с курорта едет.

— Отец мой, маманя, братья, сестры — все отродясь колхозники, крестьяне. Места наши лесные, бортнические, смолокурные и хлебобобовые, а по суровым временам — партизанские. Помните, «Шумел сурово Брянский лес...»?

Далеко от Брянщины сидели мы — в омолонской квартире

городского типа, на втором этаже, среди ковров и в креслах, и доверчиво притулилась ко мне младшенькая из семьи Процких, Людмилочка, пятиклассница. Благо теперь в Омолоне своя школа-десятилетка, не надо возить детишек в районный интернат... Иван да Марья сидели рядком, в обрамлении детей и внуков — и шла тихая беседа, доверительная, как случается в вагонных купе да у костра в пути. Кто-то поставил на проигрыватель пластинку, и зазвучал тот самый «Брянский лес», и мы, переговариваясь, слушали старую партизанскую песню, а за окном был совхозный поселок Омолон, расположенный неподалеку от речной протоки, а прошлым вечером в окраинных мусорных ящиках рылись медведи, выгнанные из тундры сушью и пожарами, и всю ночь голосили по селу собаки... А ночь была ясно-светлая, августовская, ходили на окраинах неба тяжелые и темные кудлатые тучи, и громыхало даже, а вот не дошло до дождя — и горела тундра, раскодились дугами свирепые палы по стланикам, по пересошим кочкарникам...

Звучала старая партизанская песня, и мне припомнилось, как шел наш военный эшелон с востока на Брест, пересекал лунной ночью Брянские леса, и сколько часов ритмами своими отбили вагонные колеса, столько и виднелись в ночи, поблескивали под ясной луной застылым металлом танки, пушки, грузовики, снова танки и пушки, — то трофейные команды повытаскивали вражью битую технику из лесов к дороге. И ведь не вся тут она была! И поывезли уже толику на заводы Урала для переплавки, и кой-чего залатали и наладили наши техники — для ратного дела, а еще сколько загрузило в лесах, на просеках, у партизанских завалов... Это ж сколько наколошматили!.. «Шумел сурово Брянский лес!..»

Прожила семья Процких на хуторе под Брянском, под родным кровом Ивана Михайловича, почти полтора года.

— Только сошла с автобуса, так меня и приняли. Знаете, мне ведь разное в дороге думалось, а дорога долгая, было время... Чего уж тут, я не красавица и по чукотскому вкусу, а по русскому и подавно. Но ведь не на смотр художественной самодеятельности ехала, так? Ехала с мужем, с детьми — к его родне... Выделили нам в родительском доме комнату, детей разместили с другими детьми (с братьями и сестричками). А через день я уже пошла на ферму.

И как ни удивительно, инициатива вернуться на Чукотку исходила не от Марии, а от Ивана Михайловича.

— Не скоро понял. Тянет и тянет в Омолон, днями — мысли, ночами — сны. Раздумывал, причины искал и понял: я там себя нашел, уважение людей заработал. И там оленеводы меня

уважают, и здесь земляки и родичи уважают, а почему? Да потому, что сын и брат их овладел непривычным делом, в нашем роду небывалым!.. Останься я на хуторе — и буду таким, как все: лучшим не успею стать, крестьянскую сноровку когда еще наживешь? Не лучшим быть, так жена родная уважать перестанет!.. И кинул я клич: «Собираемся домой, хватит, погостевали!» Ну, Маше — что? Муж сказал, значит, едем!..

Вернулось семейство в тундру. Иван Михайлович принял бригадирство в своей 9-й бригаде. Совхоз «Омолон» прочно держал трудами завоеванные первые места в социалистическом соревновании на Чукотке и в области, вышел — и надолго! — в число передовых. В одном строю с прославленными бригадирами Константином и Дмитрием Ходьяло, Спиридоном Слепцовым, Михаилом Пананто, Степаном Евтынки — чукчами, юкагирами — шел русский человек, оленевод-бригадир Иван Процкий.

— Особенно хорошо поработали в девятой пятилетке. Директорствовал у нас Геннадий Михайлович Шишков, он теперь начальник областного производственного управления сельского хозяйства, так он нашей младшей, Людочке, — первейший друг, так и называл ее — «дружок» и еще — «работница моторная»... Бригада наша была со званием коммунистического труда. Получил я тогда серебряную медаль ВДНХ, знак «Ударник девятой пятилетки», а совхоз наш был награжден орденом «Знак Почета»...

Вспомнилась беседа с секретарем Билибинского райкома партии, молодым человеком Германом Станкевичем. Говорили об особенностях демографического характера.

— Вот в чем особенность, оленеводческая бригада — семья пастуха, тундра — дом, и дом этот покидают пастухи редко и не очень охотно, разве что на время отпусков или для учебы. Пастух-олeneвод формируется в профессионала от рождения, от опыта предков, а современная наука только изучает и понемногу корректирует этот опыт. Профессионал-олeneвод возникает, понимаете? Если не было от рождения желания впитывать мудрость отцов, то хоть учи пастуха, хоть не учи — квалификация у него будет низкая, значит, для общего дела негодная, а для оленьего стада — опасная. Вот почему такой дефицит кадров в оленеводстве, вот в чем причина отставаний в развитии этой важнейшей для Чукотки отрасли сельского хозяйства...

Встречаясь с людьми совхоза, все больше начинал понимать вот эту самую «демографическую ячейку» — семью пастуха-олeneвода. В оленеводстве гораздо значительней, чем, к примеру, у овцеводов Киргизии на отгонных пастбищах-джайлоо, высока роль женщины-тундровички. На перечисления обязанностей

женщины в тундре не хватило бы и двух страниц текста.

Показатели работы пастуха: сохранность, прирост и нагульность стада — раз, сохранность телят приплода в расчете от тысячи важенок — два. Вот пример из документа-представления на областную доску Почета (1975 год): «Совхоз «Омолон» (директор Г. М. Шишков, секретарь парторганизации А. С. Дьячков, пред. профкома Ф. И. Минченко, секретарь комитета ВЛКСМ М. И. Курилов)... Оленеводческая бригада (бригадир Иван Михайлович Процкий), сохранившая взрослое поголовье оленей на 96,5% и получившая по 892 теленка от тысячи маток...»

Как видите, имени Марии Процкой нет в приказе, как нет в официальных документах имен жен бригадиров-орденоносцев Щербакова, Пананто, Ходьяло, Евтынки, Етынкева, Курилова.

В зиму того года Мария, мать восьмерых детей, с пятилетней малышкой Людочкой жила в тундре, при муже. Она пастушила, она обшивала меховой одеждой нескольких пастухов, кормила их, собирала по тундре топливо (в этой таежной зоне щедрый стланик, но достань его из-под сугробов!), таскала снег для натайки воды либо льду нарубала с речки. Она непрестанно поддерживала огонь в чоттагине, чтоб всегда был кипяток.

Женщина-тундровичка много шьет, и все на руках. Это занятие забирает весь день, часть ночи: меховая одежда не выдерживает тех жестких перегрузок, которые испытывают пастухи, и у каждого, как правило, не один комплект одежды, переоделся в сухое и целое и — к стаду, и бегом.

В старых подшивках районной газеты «Золотая Чукотка» мне встретился отчет одного из районных совещаний оленеводов и выступление Александры Николаевны Слепцовой, тундровички из 1-й бригады совхоза «Омолон», комсомолки, депутата областного Совета народных депутатов. «Пользуясь присутствием на этом собрании ответственных работников обкома КПСС, секретаря райкома партии, хочу поднять острую проблему оплаты труда женщин в оленеводстве, которая наравне с мужчинами выполняет и будет выполнять Продовольственную программу. Система оплаты труда требует пересмотра в сторону увеличения количества ставок для работниц яранги. Так, например, у нас в бригадах совхоза по штату положены тридцать единиц — на пятнадцать бригад, а живут и трудятся в тундре фактически девяносто трудоспособных женщин. И я знаю, что такое положение не только в нашем совхозе!»

Выступление этой девушки из отделения Кегали — государственного человека! — несет в себе горькую мысль: устаревшее планирование не учитывает труд каждых двух работниц из трех, работающих в тундре.

Горечь не только в том, что не учитывается (и не оплачивается) труд женщин, но и в социальном плане такого быть не должно!

Женщины в тундре нередко подменяют мужчин на выпасах, на сложных работах при отеле, на корализациях, при химической обработке стад, помогают мужьям.

Много дел у женщин-тундровичек. Детей вырастить — сколько трудов!

Детьми своими Иван да Марья очень горды.

Старшая, Валентина, осуществляя связь с материковской родней, после десятого класса окончила Брянское железнодорожное училище, ездила проводницей вагона, по многу раз бывала по работе в Польше, освоила маршруты на Трускавец, на Львов... Но потянуло ее на родину, приехала с семьей в Омолон, работает в детском садике воспитательницей, поваром, все умеет!

Рая живет на Брянщине, там замуж вышла, работает в мехколонне.

Лариса — врач-терапевт в Билибино, замужем.

Светлана окончила Анадырское педучилище, работала в Омолоне воспитателем в детсаде, теперь — уж три года! — секретарь совхозного комитета комсомола.

Володя, как и сестры, родился, рос и воспитывался в тундре, при оленях. Поступил в Ольский сельхозтехникум, будет зоотехником. В оленеводстве это не кабинетный работник, он тундровик. А по сегодняшним условиям, бригадиром может стать, как правило, только зоотехник. Естественно, если он тундровик настолько, чтобы ему доверяли товарищи и руководство...

Катюша окончила Магаданское торгово-кулинарное училище, хороший повар, она с мужем работает в совхозе.

Виктор выпасает оленей 3-й бригады.

Людочка — школьница, но и она уже умеет многое, любит шить, готовить семейные обеды, лихо командует многочисленными младшими племянниками и племянницами...

— У нас очень хорошие зятья: у Валюши и у Катюши — оба Вити, механизаторы, добросовестные парни, и люди их уважают. У Ларисы — Миша, он врач-рентгенолог, «крылатый доктор» — на вертолете у него смонтирована рентгенустановка, уважаемый специалист — и в райздраве, и в тундре его чтят... Наш с Иваном Михайловичем дом — всегда дом наших детей. Они охотно приходят, приезжают, не только в гости. Для меня, матери, это большая радость, — Мария на мгновение склонила голову к плечу мужа, только коснулась, — мы с Иваном Михайловичем за всю жизнь ни разу не ссорились громко. И дети наши, и зятья — такие же: ни между собой, ни с нами ссор не заводят. А когда

возникает необходимость кому-нибудь помочь, то все собираются у нас...

Иван Михайлович рассмеялся:

— Да, такие вопросы у нас решаются без прений сторон. Мы вот с Марией давно на пенсии, но работаем посильно — на совхозном складе горюче-смазочных материалов, благодарности имеем по службе...

В Омолоне много новостроек. И у новых домов, как и у старых, быстро возводятся личные теплицы, каждая со своим «лицом», они украшают село. Под пленкой, под стеклом (это реже) и при печном отоплении здесь вызревают огурцы и помидоры, травы и корни, даже арбузы! — они зреют, наливаются, висят в... «авоськах», чтобы весом не оборвать плеть растения.

В Омолоне нет дефицита в овощах, в витаминной зелени.

Омолонцы много лет соревнуются с другим совхозом своего района — с сельчанами из Островного — это старинный казачий пост на берегу Малого Анюя. Здесь, на высоком берегу, открытом всем ветрам, в центральной усадьбе совхоза «Турваургин», тоже много теплиц, устроенных по типу и подобию омолонских. Инициативу создателей личных теплиц поддерживает Евдокия Михайловна Овчинникова — председатель сельского Совета, коренная северянка. Сельский Совет, возглавляемый Евдокией Михайловной, по итогам соревнования 1981 года удостоен переходящего Красного знамени Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

По-моему, назрела необходимость на научной основе обобщить опыт омолонцев и турваургинцев, создать специальную брошюру — с чертежами и расчетами наиболее рациональных конструкций и устройств теплиц, с материально-инженерными выкладками и агрохимическими наставлениями. Хорошо бы в такой брошюре осмыслить опыт хозяйств Билибинского района с позиций возможностей других районов Чукотки, безлесных, экстремальных, — для сел Мыс Шмидта, Провидения, Лаврентия. В тех местах не только предельно мало тепла, там, по-моему, нет и почв, необходимых для устройства закрытых плантаций. Но есть скотные дворы, поголовье крупного рогатого скота с их отходами, есть, в конце концов, опыт использования гидропоники.

В ту ночь я долго бродил по селу...

Думалось о личном. Потом вспомнилась Агния Никитична Девицкая, пожилая женщина, вдова из Воронежской области. Мне довелось работать над очерком о ней, матери восьми детей, мудром человеке. Вспомнились ее размышления, ее невольные сентенции: «Семья — это в первую голову мать с детьми. Есть в семье муж и отец — то бабье счастье. Нет его — то несчастье, но семья все равно есть! А вот без матери, даже при отце, — дети

сироты, семьи нет!..» Любовь, достаток — все это надстройка, вашим ученым словом говоря. А главное в семье — уважительный лад и дети, больше трех или три, по крайней мере. Это — базис... Семья — она колхоз, да-да! — коллективное хозяйство. Дети — богатство, настоящее и будущее!.. Дети — дело государственное, а не личное. Не смейтесь, я школу не кончала, меня читать-писать дети научили, пока я их до институтов довела и дипломы их отпраздновала. Потому я теперь грамотная... В наших местах сколько школ позакрывали — новых, благоустроенных! Как в тридцатые годы было — вывозили на лошадаках детишек в дальние школы, — так теперь возим, разве что автобусами. А почему — нет их, детей! С трех сел один первый класс набирают!.. К чему же государство тратилось, десятками лет школы строили, обихаживали? У нас ведь все для счастья детей!.. Как же это не волноваться, о народе не думать? С кем коммунизм будем строить, если детей мало?»

Мудрая Агния Никитична, она удостоена за труд своей жизни, за восьмерых детей, уже взрослых, образованных, работающих в сельском хозяйстве, премии Ленинского комсомола. И вот в Омолоне встретила мне ее чукотская сестра с прекрасным именем Мария — достойная мать многих достойных детей.

В совхозе «Омолон» не редки многодетные семьи чукотские и юкагирские. Это семьи потомственных оленеводов. На них годами держится трудовая слава совхоза: мощный род Ходьяло, родовой разветвленный корень Куриловых, семейство Слепцовых, семейства Пананто и Евтынки, Щербаковых...

Семья детьми красна. Больше детей в семье — выше ответственность родителей перед обществом...

Вот такие мысли пришли в раздумьях о личном, о семейном. Прощаясь с Марией, с Иваном Михайловичем, их детьми, решил написать эту семейную историю — рассказать об омолонском корне Прощих, росинке в море России.

Омолон, 1982 г.

Главные дни Шуры Кергинто

Необъятная тундра наша
 Вся покрыта цветами летом.
 Пусть мне скажут, есть место краше,
 Я отвечу:
 — Неправда это!

Виктор Кеулькунт

Легкая поземка струится по льдистой корочке наста. Белым-белы тундра и небо, и только голубеют склоны холмов, сереют ломаные зигзаги застрогов да буреет в низинах тощая поросль ивняка.

Стремительно несет черные воды вздувшийся Анадырь, но чернота воды кажущаяся — по контрасту с белизной берегов. Если всмотреться в пенные потоки, то они разные — и кофейные, и сизо-белесые, и с синевою, местами они плоские, выглаженные, и взбугренно-перевитые, и пузырящиеся от напряжения скорости протоков. Анадырь уже сорвал с себя ледяной панцирь, разве что еще в верховьях, за селом Ламутским, до притока Пеледона и Анютвы, скован льдом, а здесь, у лодочных причалов села Снежное, он уже свободен и по-весеннему страстно полноводен и яр.

Село раскинулось на высоком берегу, и что ни дом, то сугроб до крыши. Здесь природа соорудила как бы естественный отстойник наносных снегов: восточные ветры, преодолев Усть-Бельские горы, теряют силу, и снега, ими принесенные, остаются на западных склонах. И ветры тундры, с запада штурмующие вершины Щучьего хребта, приносят с пургой свои снежные дары. И с севера, с мертвых просторов Анадырского плоскогорья, и с юга, с Алганского края, — отовсюду несет зимняя роза ветров снег, снег, снег.

От прибрежного холма со знаками вертолетной посадки село начинается сразу двухэтажными домами. На потемневшем снежном целике уже разостланы для проветривания и починки рыжеватые капроновые сети. Там сидят на корточках неуклюжие от меховщины совхозные рыбаки, часто взмахивая руками, натягивают мотки, вяжут узлы.

Слева улица продолжается одноэтажными домами-бараками, справа — двухэтажками с голубыми нарядными наличниками. И как всюду в чукотских селах, улицу перегораживают коробка парового отопления, а на них уложены пешеходные мостики, и транспорт объездами подруливает к правлению совхоза, к сельсовету, над которым уж совсем по-весеннему ярко плещется красный флаг.

В Снежном был праздник: прошли выборы в местные Советы

народных депутатов. У сельсовета толпились детишки в распахнутых шубейках, в наглаженных красных галстуках, они пришли поздравить избранных.

Депутатом Анадырского районного Совета была избрана пастушка и профорг 4-й бригады совхоза «Анадырский» комсомолка Александра Кергинто. Нас познакомил председатель Совета Михаил Викторович Попов, уступил для первой беседы свой кабинет. Сюда доносилась бравурная музыка из клуба, девичий смех, нарочитый хохот парней, Александра сидела напряженно, старалась казаться независимой, искоса поглядывала на меня. Ей хотелось быть там, где танцуют и веселятся сверстники, но и любопытно было очень: Михаил Викторович представил ей меня гостем из столицы! Я не начинал разговор, хотел дать девушке время освоиться. Александра не выдержала:

— Вы вправду из самой Москвы?

— Да, из самой... А вы уже бывали в Москве?

— Нет, еще не пришлось... Вообще, из городов я побывала только в Анадыре и Хабаровске, а Москву представляю только по книгам, по открыткам, больше по фильмам. Но, вы сами понимаете, эти представления — они как сны... Например, Кремль мне казался высоченным, как горы, а потом мне рассказали, что многие жилые дома в Москве выше Кремля... В Хабаровске я видела девятиэтажные дома и запомнила, как на верхнем балконе пританцовывала на одной ножке девочка с белыми бантами, я тогда подумала, что и выйти-то на такой балкон побоялась бы — высоко ведь, голова закружится!..

— И я, когда около пяти часов проехал на вездеходе по амгуэмской тундре, тоже долго ходил как пьяный, качало меня... А вас на вездеходе не укачивает, ведь правда?

Мы заговорили легко и непринужденно, Александра ожидалась.

— Пожалуйста, не говорите мне «вы» и «Александра»... Я — Шура, и вы — старшие... Вам нравится Снежное?

— Очень милое село, вот только мусора много, снег скоро совсем сойдет — как тогда?

— Что вы, до этого не дойдет! Уже начали вывозить, два трактора выделены, короба прицеппные, рабочие назначены — через день-другой чисто будет! К выборам не успели, тут пурга хозяйничала, хоть из дома не выходи!.. А я очень люблю наше село, оно — первое в моей жизни, я в тундре родилась, в яранге, и когда очутилась в селе — пугалась, людей было непривычно много!.. Клуб старенький и тесноватый — построим новый, просторный! И жильё построим новое, у меня в депутатском наказе записано: построить два двенадцатиквартирных дома... Скоро

мне ехать на первую сессию! Представляете себе? Эти выборы, этот день — главный день моей жизни! Мне такое доверили!.. Анадырский районный Совет — это ж как ревком Мандрикова, понимаете? Они, первые, были особенными людьми и отдали жизнь за Советы. И прошло шестьдесят лет — одна человеческая жизнь, даже без старости! — и вот в Совет избрали меня... Нам часто говорили взрослые еще в школе: «Вы — наша смена!» Не знаю, как у других, но до меня как-то не доходил смысл этих слов, а теперь я все поняла: пришло время и мне встать в строй тех, кто создавал и создает все! Боязно, уж очень ответственно, слов и размышлений много, но нужна решимость и работа!..

— Ты права, Шура. Значит, не ошиблись в тебе избиратели-земляки. Согласен, день избрания — самый главный в жизни. Но ведь были и не самые главные, просто главные дни — как у каждого человека. У меня они свои, их много, но я и старше тебя в два с половиной раза!..

— Вам — легче, у вас был день Победы в сорок пятом, был день вручения диплома, была свадьба, был день рождения сына, выход первого фильма, первый фестиваль...

— И у тебя, Шурочка! Я уж не говорю о тех главных днях, которые еще будут — предрекаю тебе большую и счастливую жизнь! Мы сейчас поговорим о тех главных событиях твоей жизни, которые определили тебя как личность, из них выткалась красная ткань уважения людей к тебе!.. Итак, первый главный день — ты родилась!..

— Родилась я здесь и росла в тундре при отце, Василие Кергинто, врожденном оленевод, и при маме, исконной тундровичке. Я была у них четвертой дочерью. Люба, Рая, Вера — старшие, они и сейчас в тундре: Люба работает в бригаде своего мужа Дудкина, Рая — радистка в нашей бригаде, Вера — швея в первой бригаде... Есть у меня младшая сестренка, она окончила школу, работает пастухом и поваром, готовится поступить в Ольский сельхозтехникум... Мама умерла, когда мне было три года, и к нам пришла мачеха, ее звали Мария — очень хорошая, добрая, ласковая... Когда мне было десять лет, она тоже умерла, в один год с папой... Старшие сестры в то время уже работали, я жила в интернате и не чувствовала себя сиротой.

С первого по четвертый класс я училась здесь, в Снежном, и как-то не запомнились мне эти годы, жила как все, вот в школе-интернате села Усть-Белая был учитель, Василий Васильевич Камалдинов, преподаватель географии, фронтовик, наш классный руководитель, он возился с нами от подъема до отбоя и если вдруг не приходил в вечерние часы самоподготовки, то мы знали: он на партийном собрании. Понимаете, он не ждал прось-

бы о помощи, а все время был рядом и сам знал, когда и кому надо помочь, объяснить, посоветовать, с кем просто посидеть рядом. Ходил он в обычном костюме, в рубашке с галстуком, но я почему-то всегда представляла его в военной форме. У нас в классе висел портрет Михаила Васильевича Фрунзе, его Василий Васильевич принес, а когда уезжал на материк — я уже кончала школу, — оставил портрет в классе навсегда.

Наш Василий Васильевич никогда с нами не сюсюкал, не гладил по головке. Он был внешне суровым и — очень нам всем нужным. Его жена, Нина Савельевна, тоже была нашей учительницей, вела русский и литературу, и тоже была к нам очень внимательной. Но нам был ближе и родней Василий Васильевич!.. Когда в седьмом классе нас принимали в комсомол, накануне вечером мы готовили уроки, и с нами сидел Василий Васильевич, но был он необычным: молчал и всматривался в наши лица, как будто что-то искал!

«Василий Васильевич, что случилось? Мы что-то делаем не так?» Он выключил свет, открыл дверцу печки, присел сбоку, лицом к нам. Мы быстренько расселись вокруг, внутренне готовые к чему-то значительному. Тихо стало. Трещали в печке дрова. Отсветы живого огня золотились на лицах.

«Завтра вы станете комсомольцами... Не все скопом, а каждый в отдельности! Вот ты получишь в руки комсомольский билет. Очень прошу вас всегда помнить — не от случая к случаю, а всегда! — такие билеты были у Павла Корчагина, строителей Магнитки и Новокузнецка, у шахтеров-стахановцев. Комсомолькой была партизанка Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, и герои-краснодонцы, и старшина-гвардеец Кантария... И многие такие же билеты, пробитые пулями врагов, хранятся в музеях городов и сел страны...

Он говорил с нами тихо, пристально глядя в глаза то одному, то другому, и я почувствовала себя совсем маленькой и никудашной — ведь действительно не думала ни о чем таком! Да, нас принимали всех вместе, в один день. Но я после такой беседы принимала комсомольский билет особо! Василий Васильевич так и сказал нам в тот вечер: «Завтра вы получите мандатное право приобщения к великому делу нашей партии, получите, как и коммунисты, единственную привилегию: быть там, где трудней, работать со всеми, но чуточку лучше, идти вместе со всеми, но чуточку впереди!» Это был очень значимый день в моей жизни.

В совхозной гостинице соседом по комнате был у меня молодой парень Рамазан Шамшиев, мы в Снежное прилетели одним вертолетом. Рамазан показался мне чем-то встревоженным, рас-

терянным. Мы разговорились, и оказалось, что не такой он и юнец — успел отслужить воинскую службу на кораблях Тихоокеанского флота, походить на рыболовецких сейнерах. Мне так и осталась непонятной причина его перелета из Владивостока сюда, на Чукотку, но подкупила искренность молодого человека. Рамазан решил себя попробовать в труде пастуха-оленовода. И я в его годы, молодой и неженатый, пробовал «на вкус» многие специальности — найти себя не легко, в молодости многие дела кажутся по плечу.

Меня познакомили с опытным бригадиром Константином Александровичем Омрытом, сменившим свою передовую 5-ю бригаду на отстающую 4-ю, ту, кстати, в которой работает Шура. Я представил бригадиру Рамазана и оставил их вдвоем в нашей комнате, а когда я через некоторое время вернулся, они как олени-кырымынты, быки-трехлетки, молча и упорно склонились лоб в лоб над шахматной доской.

Константин Александрович рассеянно глянул на меня, протяжно вздохнул и взмахом смешал фигуры на доске.

— Крепко играешь!

— Кандидат в мастера.

— Честно говори, что еще умеешь делать как мастер?

— Все, что умею, к оленеводству не имеет отношения. Плотник я приличный... Среднее общее образование, специальное морское...

— Хороший шахматист — нужный в бригаде человек. А оленеводом станешь, если очень захочешь и если характер позволит. Упорство нужно!

— Упорство во всяком деле нужно! — улыбнулся Рамазан.

— У нас — очень нужно. Скажи в конторе: беру тебя на испытательный срок. Собирайся, завтра выезжать будем! — и бригадир натянул малахай на коротко стриженную, с сильной проседью, крупную голову.

— Что надо с собой брать? — Бригадир уже вышел, и Рамазан совсем растерялся.

И я пригласил Шуру. Познакомил молодых людей. Наша гостья все поняла, подробно перечислила список необходимого в тундре.

Рамазан убежал в магазин, а Шура продолжала рассказывать о себе, о деле, которому служит.

— Кончила школу без больших успехов, аттестат был «четверочный». Дело в том, что я тогда еще не выбрала дорогу. Учителя уговорили меня поступать в медицинский институт. Ну, они старше, умней, послушалась, поехала в Хабаровск, поступила на подготовительное отделение медицинского института...

Я впервые оставила свое село, впервые летела на большом самолете, впервые попала в большой город, а тут приемные экзамены — жила как во сне. А когда оформили документы, выпало несколько свободных дней. Вокруг меня были компании, группы, а я одна, так уж получилось. Бродила по городу, удивлялась. К высоким деревьям боялась подходить, вдруг свалится от порыва ветра! Поначалу не решалась далеко отходить от общежития, боялась заблудиться, потом освоилась. Ходила по улицам и думала, думала... Мне бы радоваться: зачислена в институт, на целых шесть лет стану жительницей большого города, буду в театры ходить, буду много читать. Но я не видела горизонта из-за домов и высоких деревьев и вспоминала тундру, ее простор, и воздух без пыли, и запахи цветов, и как спалось мне крепко на солнышке у нагретых солнцем зарослей стланика, и вспоминался аромат преющих игл и молоденькие шишки, сочащиеся смолой. Вышла к Амуру, он был широк, до горизонта, как озеро. «А на Анадыре скоро начнется осенний рыбоход, — думалось мне, — и Анадырь уже, и хорошо виден противоположный берег, и поэтому не так одиноко». Много вспоминалось. И вот пришел день, когда я поняла себя: врачом надо быть по призванию, а у меня его нет. Люблю тундру, оленей, родное свое место и родное дело, и ведь не всем же быть врачами, кто-то ж должен и оленей пасти, воспитывать детей — настоящих чаучу... И мне стало так легко, так весело! — я нашла решение сама, без подсказок и даже вопреки подсказкам... И легок был мой чемодан, и легок обратный путь! И с января семьдесят восьмого года я была зачислена в нашу четвертую бригаду. Честное слово, тот день в Хабаровске, когда я приняла это решение, — тоже главный день!

...Совхоз «Анадырский» — специализированный, оленеводческий, как многие на Чукотке. Так уж складывается, в последние годы это отстающее хозяйство. Причин тому много, самая же главная, на мой взгляд, заключается в нехватке квалифицированных кадров. И в руководстве. В совхозе «Анадырский» за восемь лет сменилось тринадцать директоров, восемь заместителей!

Вот уже три года совхозом руководит опытный специалист Элеонора Станиславовна Большакова. И у нее в течение года не было главного механика хозяйства, менялись заместители. Долго не работала дизельная энергоустановка. Спасибо соседям-горнякам прииска «Отрожный», они помогли — теперь работают в хозяйстве два дизеля по 200 киловатт...

Кадровый вопрос серьезен. С одной стороны, работник должен удовлетворять руководство совхоза, с другой стороны, руководство да и сама жизнь данного хозяйства должны удовлетво-

рять запросы работника: попробуй-ка привлеки на работу в отстающее хозяйство опытного специалиста!

Вот строки из письма Шурочки Кергинто, взволновавшие меня, заставившие задуматься о многом: «...вступила кандидатом в члены КПСС. Вопросов было мало, в основном о работе. Хорошо, что данные по бригаде были с собой, да и знала я их, как таблицу умножения. Жаль, что ни одного вопроса по теории мне не задали... Не понимаю, это мне скидку сделали — тундровичке?»

Теперь Шура не только в составе районного органа Советской власти, наследника Первого Ревкома Чукотки, но и скоро станет коммунисткой — как Берзин, как Мандриков, как Отке! — и не надо ей скидок на «тундровое происхождение», и она прекрасно понимает, что наказания избирателей выработаны ее товарищами из списка первостатейных проблем совхоза!

Хорошо помню ее лицо, ее манеру говорить — без мимики, без жестикюляции, — она такая, как многие женщины тундры, эта Шурочка Кергинто. Волнения, страсти — все под контролем, все глубоко, без внешних вылесков.

Лето было сухим и знойным. Олени давно привыкли к громоздкому и шумному трактору, сопровождающему бригаду, привыкли к треску движка «Дружбы», больше того, услышав этот звук, сами собираются плотным стадом — условный рефлекс: шум движка сопровождает душ специальной жидкости, спасающей оленей от оводов. Очень боятся олени оводов, как рассказывала Шура, даже «щекотки звука» его полета — сбиваются в плотное ядро, бегут, возбужденные, куда глаза глядят, стараются оторваться от беспощадных крылатых преследователей. Так летчик бросает истребитель, охваченный огнем, в крутое пикирование, скоростью сбивая пламя с фюзеляжа и плоскостей...

Олени и уколы с фентионом теперь принимают спокойно — привыкли, «поняли», что лекарство это, впрыснутое с легкой болью, помогает спастись от паразитов — личинок овода, живущих под кожей.

Шура рассказывала:

— У молодежи нашей бригады замечательный наставник, самый опытный оленевод наших тундр, Иван Иванович Рольтыргин. Иван Иванович имеет множество правительственных наград, почетных грамот, дипломов. Десятки лет его портрет бессменно был на доске Почета. Сейчас Иван Иванович пенсионер, он очень стар, но подолгу живет с нами в тундре, подсказывает, учит. Он и меня наставлял, куда надо гнать стадо в пургу, куда и как кочевать в поисках обильных пастбищ, и когда совершать перекочевки, и учитывать наличие хорошей воды на но-

вых местах, и как выбрать пастбище для отела важенок — чтобы был защитный распадок в холмах, чтобы снег был не очень глубоким. Он научил меня прибавлять к важенкам ездовых оленей: они спокойней, привычны к людям, помогают важенкам копытить, ведь они с малыми телятами — кеюкэями, да и у годовалого теленка — печвака немного сил... Кеюкэй начинает подкармливаться ягелем — если важенка накопытит — уже в четырехдневном возрасте! Правда, от материнского молока они отказываются до глубокой осени...

— Шурочка, а многие ли девушки-одноклассницы из интерната работают в тундре?

— Сразу не могу сказать, не со всеми имею связь. Вот моя подружка по школе, Ира Вуквухтына, — она в соседней бригаде, ее муж сейчас служит в армии. Ира — повариха, швея... Часто пишет Ивану письма — он славный парень, ветеринар, механизатор... Не все наши молодые люди сразу идут в тундру. Многие долго «ищут» себя, поступают в разные учебные заведения, не все продуманно, а потом слоняются, дурашничают и — все-таки приходят к нам, но... из-за них текучесть кадров.

Не раз в беседах с Константином Александровичем, с Элеонорой Станиславовной, с Михаилом Викторовичем Поповым, председателем сельсовета, высказывалась необходимость иметь в селе Снежном свою школу-восьмилетку. Сейчас в родном селе дети учатся четыре года, потом их вывозят в интернат в Усть-Белую или в Марково. Конечно, и там ребят приучают к оленеводству, прививают любовь к родной земле. Но после восьмого и десятого класса ребята редко возвращаются в родной совхоз, даже если и получают специальность в ПТУ в Провидения.

— Будь у нас своя школа, ребятки получали бы конкретные навыки в конкретном хозяйстве — дома, под руководством родителей. Вот мы бы и рассчитывали на пополнение конкретными парнями и девушками — они бы от нас ездили на учебу, к нам бы и возвращались!

Коренастый, седеющий человек, Константин Алексеевич Омрыт обладает удивительным даром рассказчика, ему бы учителем быть. За часы недолгого нашего общения он сжато и образно рассказывал о бригадном стаде — в нем около трех тысяч семисот оленей, и он многих животных знает по характерным повадкам, как говорится, «в лицо». Он рассказывал о хитростях медведей — они особенно опасны весной и в начале лета — в брачную пору: «супружеская пара» подкрадывается к стаду с двух сторон, один зверь залегает в засаде, второй, выждав нужное время, бросается в открытую, гонит оленей под могучие лапы и клыки засадного, так они могут убить сразу двух-трех оле-

ней. Пастухи вооружены карабинами, и если люди при стаде достаточно опытные и бдительные, то они расстраивают тактические замыслы медвежьей пары заранее, не допускают паники и кровопролития, для этого используют ракетницы: выстрелы и вспышки ракет отпугивают медведей...

— Понимаете, пастух-оленевода — он многоборец. Многие профессии требуют большого здоровья, выносливости, высокой самодисциплины. Ведь правда? Оленевод — он и спринтер, и стайер, и альпинист, и спортсмен-охотник. Со слабым сердцем, с нетренированным телом в тундре не поработаешь. Естественно, нужна выдержка и в соблюдении «сухого закона». В тундре легче его соблюдать, а вот в селе, в поселках — трудно. Только самодисциплина, только высокая сознательность; тут у нас воспитательной работы много, но она часто формальная. Нужно крепить дисциплину, нужны более жесткие рамки, одними увещаниями уже не обойтись — много разболтанных молодых людей!

И еще строки из писем Шуры.

«Получила Ваше письмо, мне привезли его в бригаду. Держала конверт в руках, и мне подумалось: «Какой путь проделало оно — на самолетах, на вертолетах, на вездеходах... Многие люди передавали его из рук в руки, пока пришло это письмо из Москвы сюда, в тундру!»

А у нас сейчас идет корализация — пересчет оленей, заодно вводим им фентион. И к нам приехала агиткультбригада, после работы будет концерт, и фильмы привезли новые. Идет снег, а на вершинах сопок курится зарождающаяся пурга. Вы спрашиваете о Рамазане Шамшиеве. Ничего доброго написать о нем не могу. Он не выдержал испытательный срок, оказался слабым человеком. Константин Александрович сказал так: «Он слабый не мускулами, а душой. Мускулы можно укрепить и взрослому. Душу надо крепить смолоду» Я попыталась защитить Рамазана, говорила, что он киргиз и ему непривычна наша работа. Тогда бригадир сказал мне: «А если б тебе пришлось поработать в долинах Киргизии пастухом при овечьей отаре, тебе было бы легко?» — «Конечно же, нелегко!» — «Но ты позволила бы себе бросить отару, уехать?» Я молчала. А что сказать бригадиру, он ведь и сам знает, что не бросила бы, как бы ни было трудно... Я кончаю письмо, но не потому, что мне нечего вам написать. Времени в обрез. Надо варить еду тем, кто на обходе стада. И еще я обещала помочь нашему зоотехнику брать кровь у оленей для исследования в лаборатории. И пурга может разыгаться, наш вездеходчик спешит...»

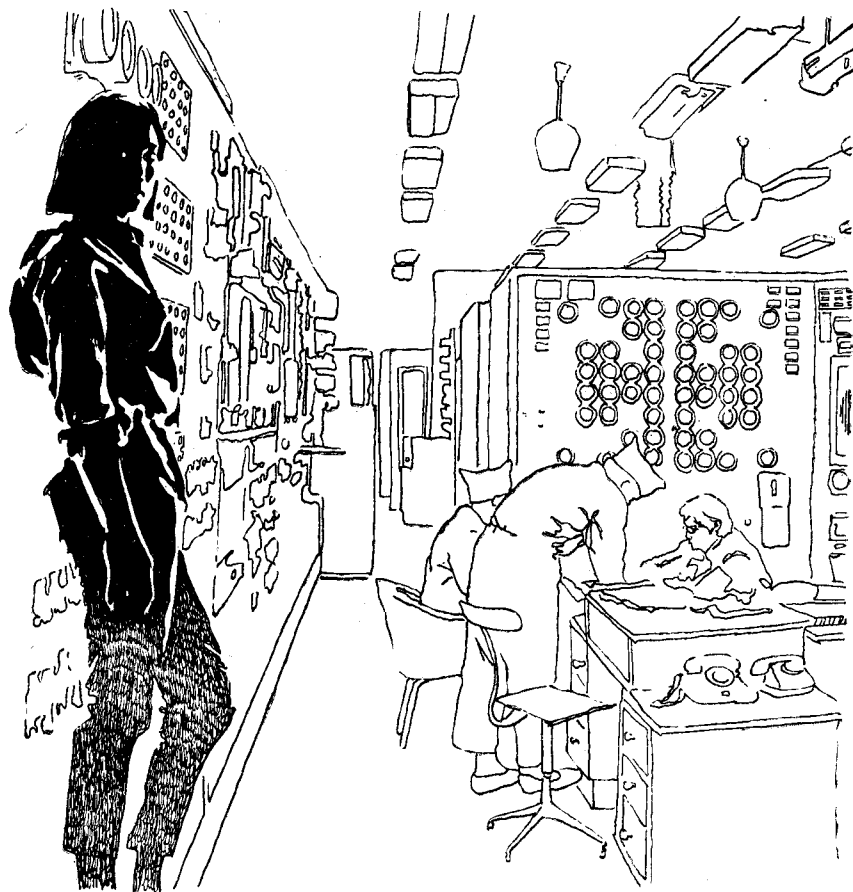
Читаю эти строки и ясно представляю ее в чоттагине с пись-

мом на дощечке, на коленках. Привиделось ее милое лицо, ее раскосые глаза, затененные густыми ресницами... В смуглых пальцах зажата школьная ручка. Вот подняла глаза, засмотрелась на огонь под котлом, задумалась...

Она — настоящая и по-современному добра и принципиальна. Пока еще не часты вежи ее «главных» дней, ей двадцать лет. Но она уже состоялась как личность, как оленевод, как член партии, как народный депутат. А еще сколько предстоит сделать...

Многих тебе главных дней, Шура Кергинто из села Снежное!

Снежное, 1982—1983 гг.

Житейские хроники

«АТОМКИ»

Билибино пока еще по статусу поселок городского типа, но, на мой взгляд, это самый «городской» город на Чукотке: выстроен продуманно, компактно и — разом, у Билибино нет окраин. Поселок начинается сразу кварталами многоэтажных домов, защищающими друг друга от свирепых пург. Он весь бетонный, красивый и удобный.

Сопки, поросшие лиственницами, огородили распадок на берегу Большого Кепервеема — реки Росомашей. В распадке — Билибино. Пока в поселке два памятника: Владимиру Ильичу и Билибину.

Центр золотоносного района (столица центрально-тундровых горняков), Билибино за последнее десятилетие нажил славу места рождения удивительного эксперимента: здесь создана и работает первая в Арктике уникальная атомная электростанция.

Если собрать все публикации журналистов и писателей, рассказывающие о Билибинской АЭС имени «Комсомольской правды», то получился бы солидный том. И мне хотелось написать о коллективе «атомки», но лишь о прекрасной его половине — о женщинах, а точнее, об одной женщине, о той, что приехала сюда в самом начале стройки, в августе 1966 года, и ныне работающей уже не на строительстве, а на эксплуатации.

Так мечталось. В окрисполкоме меня заверили: «Это уж безусловно — есть такая женщина! Вы только приедете в Билибино — вам порекомендуют!»

В Билибинском райкоме партии сказали: «Конечно же, есть такая женщина! Мы посоветуемся с руководством АЭС, и будет вам самая-самая».

Над сопками, над серебристой чашей «Орбиты» проносятся гонимые южным ветром облака. На улицах в дневную пору мало мужчин — это рабочий поселок, а гуляют по монолитному бетону мамы с яркими колясками, снуют мальчишки, занятые делами последних недель летних каникул, улыбается с афиш белозубый певец и композитор Мигуля, он недавно выступал в Билибино.

В редакции районной газеты «Золотая Чукотка» опытные местные журналисты обнадеживали: «Есть, есть героиня, вот хотя бы инженер Пьянкова! Уж она и умна, и общительна» (было сказано по-современному: контактабельна).

В райкоме партии сказали: «Есть очень интересная женщи-

на на «атомке», товарищ Пьянкова. Партком организует встречу, а пока предлагаем познакомиться с другими славными труженицами коллектива. Вас ждет парторг Николай Николаевич Смирнов!»

Моложавый, элегантный, вежливо-деловитый — такой Николай Николаевич.

— Пьянкова будет попозже. Предлагаю встретиться с ветераном АЭС Валентиной Герасимовной Жереховой. Вас проведут в ремонтный цех, к крановщикам...

Бетон, стекло, панельный алюминий. Белые кубы, вписанные в склон зеленой сопки. Промышленное предприятие без дымных черных шлейфов. Тишина и безлюдье. И нет железнодорожных подъездных путей, нет ни черных гор угля, ни резервуаров жидкого топлива. Здесь работает атом. Не мог тут же не вспомнить Воронежскую ТЭЦ и те эшелоны угля, какие она потребляет в сутки, и те черные многокилометровые полосы сажки на заснеженном льду Воронежского моря. Первой увиденной мной атомной станцией была Ново-Воронежская. На строительстве и монтаже пятого блока — «миллионника» наша съемочная группа провела больше года. Воронежские атомщики-«миллиончики» создавали головное сооружение советской атомной энергетики, но и они уважительно говорили о коллегах-билибинцах.

Воронежская ТЭЦ расположена на крупнейшей железнодорожной магистрали юга страны и использует в топках не первосортный уголь, идут и идут эшелоны с топливом. А Ново-Воронежский пятый блок работает на урановой смеси в ТВЭЛах. Уран редок и дорог, очень дорог — при прямом соотношении стоимости угля. Но ведь и перевозки этих эшелонов по нагруженным до предела дорогам страны чего-то стоят, и вывоз, и утилизация отходов, и неисправимый вред выброса гари в атмосферу — это тоже деньги.

Но все это о Воронеже. А представьте себе ТЭЦ в Билибино — той же энергетической и тепловой мощности, что и действующая АТЭЦ, представьте караваны судов в суровых морях Ледовитого океана, идущих к причалам Зеленого Мыса, и тысячи тонн топлива, перегружаемого портом с судов на тракторный транспорт, и бездорожье, и болота на пути к Билибино. Представьте себестоимость такой энергии!

...Гудит сам воздух — близок машинный зал. Из уютного закутка слесарей-ремонтников ушли все, деликатно предоставив нам возможность разговаривать. Валентина Герасимовна невысокая, ладная, в подогнанной по фигуре рабочей спецовке. Она смущалась, ее явно стесняло нечто более важное, чем встреча с новым человеком. Поэтому и говорили мы поначалу о воронеж-

ских местах да о воронежцах, ведь Валентина Герасимовна уроженка Лискинского района (сейчас город Георгиу-Деж) и работать училась на Ново-Воронежской АЭС, но и эти сведения о себе она сообщила не сразу.

— Родилась я двадцать второго июня, и в четыре часа, но не в сорок первом, в сорок шестом, уже после Победы. Родители мои жили в деревне Березово, в совхозе «Вторая пятилетка». Отец участник трех войн — гражданской, финской и Отечественной, работал уже только сторожем, а вот в коллективизацию он, беспартийный, был первым председателем колхоза в нашей деревне и навсегда остался общественником, живым, подвижным человеком и очень любил печатное слово — книги, брошюры, газеты. И был он красивым даже в семьдесят четыре года, перед самой смертью, невысокий, коренастый, волосы — черный перец с солью. Семью нашу, Корчагиных, уважали в деревне. Мама, Марфа Степановна, на пятнадцать лет моложе моего отца, в войну была бригадиром-огородницей, а уж потом совхозная рабочая — «куда пошлют». Отец наш родом из соседней деревни, Второго Сторожевого, оттуда его корень, Корчагиных. Нас, детей, у них было пятеро, я старшая, за мной Сережа пошел, электрик в совхозе, СПТУ кончил, Аня в Воронеже живет, маляр-штукатур. Николай летчик на Ан-2 в Воронеже. Павел в армии служит. Досталось-то ему как: Павел Корчагин!..

Видно, отбросила Валентина смущающие ее мысли, увлеклась рассказами, раздумянулась.

— Бегала я за три километра в школу, в совхозе с седьмого класса помимо того работала птичницей, пока десятилетку не окончила. Поехала в Ново-Воронеж, стала крановщицей в литейном цехе завода горного оборудования. И в техникуме училась, в энергетическом, по специальности «Электростанции, сети и системы». Директором была Юлия Мирошниченко, для всех нас, девочек, пример подражания: и красавица, и умница, и модница, замечательная жена и мать! Закончила техникум, я уж была к тому времени замужем. Геннадий мой был студентом Томского политехнического института, а у нас практиковался. Второго апреля шестьдесят девятого я защитилась, а девятнадцатого июня родила дочку, Ирину. Геннадия распределили в Иркутск, в трест «Востокэнерго-монтаж». Поехала с дочкой, не долго ждали, дали нам в городе Шелехове квартиру — представляете? — со всеми удобствами, это ж счастье какое! И стала я второго ребенка ждать, а тут посылают Геннадия в Билибино, начальником ПТО монтажного участка. Он мне доказывает: «Я теплофизик, работа по моему профилю, я мечтал о такой!» А у меня страхи, я-то мать, а тут квартира. Родила в декабре

семидесятого Танечку, малость окрепла и тронулась в большую дорогу: двое детей со мной. Прибыли в Билибино апрельским днем, поселок в снегах, но радостный какой-то, солнечный! Знаете, очень трудной была дорога — из Иркутска через Хабаровск и Магадан на Кемерове, спасибо людям, помогли! Потом все пошло как по писаному: стала работать на кране, сначала на колхозном при монтажной площадке, важный был участок, потом, как монтаж первого контура начался, перешла на монтажный мостовой с двумя тележками — в пятьдесят и десять тонн, с контроллерным управлением — для «мягкой посадки» ответственных деталей реактора. Начинали с нуля — устанавливали оборудование на нижнюю плиту. Приехала мама с Пашей, младшим своим, побывала только полтора года: не было в поселке ей сверстниц, общаться не с кем, поселок наш был совсем молодежным! Павлик остался, учился в пятом, шестом и седьмом классах и очень мне помогал.

Первый блок пустили — он мой от начала до конца монтажа, потом второй и третий, и они мои. До семьдесят шестого работала только на монтаже реакторов, потом стали посылать и в машинный зал — мало было опытных крановщиков. На всех четырех реакторах работа требует такой точности, что по сравнению с нашей общее понятие «ювелирная» — это попросту топорная работа!

...Вспомнился вне монтаж одного реактора на Ново-Воронежской АЭС (5-й блок). Все монтажники одеты были в белоснежные костюмы без пуговиц, только с завязками, на головах шапочки, как у хирургов. Все детали — элементы СУЗ (систем управления и защиты) и ТВЭЛ (теплотворные элементы) омывались спиртом, потому даже запах на монтажной площадке стоял, как в операционной!

— И вот я двенадцать лет в Билибино. Конечно, хочется на родину, в Воронеж, но и здесь — родина, здесь дети выросли, да и сама что-то дала Чукотке, а она — мне. К примеру, климат очень помягчел, это точно; когда работала на открытом воздухе, на монтажной площадке, морозы были страшные, металл не держал, уменьшалась грузоподъемность крана... И пурги шли, одна за другой всю зиму. Мы очищали от снега площадку — и на полдня хватало. В кабине крана стоял «козлик» — электронагреватель, — не выключался, чуть заминка — все тепло выдувало из кабины.

Газета «Восточно-Сибирская правда» (корреспондент П. Лосев) писала в то время: «...бригадир монтажников — он дирижер предпусковой симфонии, а первая солирующая скрипка — пусть и на одной струне! — крановщица Валя Жерехова».

— Это газетчик упустил: бригадиром был Евгений Вишняков, большой знаток своего дела! А я — так ведь должность такая... Потом работала крановщицей цеха централизованного ремонта реакторного зала...

— А сейчас? Ведь монтаж завершен давно, ремонтные работы в реакторном зале — дело не частое, сейчас чем занимаетесь?

И вот тут-то Валентина совсем смутилась. И уж чего стоило допытаться истины! А она была проста: начальство не пояснило Валентине, для чего потребовалась заезжему журналисту, иди, дескать, ему крановщица нужна, а ты ветеранша! И она все время боялась вопроса о сегодняшнем дне, ибо не хотела подвести начальство, пославшее ее, уже не крановщицу, а секретаря директора Билибинской АЭС, боялась, что откроется «подлог»!

— Да, работы по моей квалификации давно уже нет, а от коллектива отрываться не хотелось, вот и согласилась, но и теперь иногда вызывают на краны, когда случается надобность, и вот совсем недавно муж пришел с оперативки, сказал, что обо мне отзывались с похвалой — именно как о крановщице, понимаете?

И еще рассказывала Валентина, что намечается скоро расширение АЭС, новые монтажные работы, она «держит порох сухим»... Успокаивал ее, рассказывал, что у директора Ново-Воронежской АЭС сидит в приемной отличная крановщица-монтажница, и у начальника пятого блока — тоже крановщица, так сохраняют они опытные кадры. Ведь это мужчину-монтажника можно просто порекомендовать на новую стройку — в западных районах нашей страны сейчас смонтированы и монтируются несколько АЭС! А монтажницу — женщину, жену и мать — куда откомандируешь?

В следующий раз встретил Валентину Герасимовну в приемной. Была она не в комбинезоне и рабочей косыночке, а модно причесанная и в элегантном костюме.

— Метаморфоза...

— Нет, тоже спецовка, только другая! — ответила она, смеясь. — Разыскиваю для встречи с вами Любовь Алексеевну Пьянкову, она-то — настоящая кандидатура для вашего очерка: общественница, пропагандист школы коммунистического труда, депутат поселкового Совета!..

Обдумывая предстоящую встречу с Любовью Алексеевной, вновь побывал у секретаря партийной организации Николая Николаевича. Он посоветовал до встречи с Пьянковой побеседовать с Ниной Федоровной Немченко, машинистом воздухораспределительных установок в цехе централизованного ремонта.

— На этих аппаратах мы выделяем из воздуха атмосферы

азот, он идет на охлаждение кладки реакторов — графитных блоков. И жидкий азот получаем, для своих нужд и для поставок. Нравится вам у нас?

Нина Федоровна родилась в селе Чернава у слияния двух исконно русских рек — Сосны и Чернавки, в придонских лесах Орловщины. Мать крестьянка, отчим шахтер, фронтовик.

Алексей Родионович перевез семейство в угольную Кадиевку (ныне город Стаханов). Семья была трудовой, все были заняты делом, и малышка Ниночка сама ходила в детский сад — как на службу... И училась потом в школе без особой опеки родителей, самостоятельной росла. Кончила одиннадцатилетку и вышла замуж. В 69-м поступила на коксохимическое отделение Днепропетровского механо-металлургического техникума, когда Наташка родилась.

Сейчас Нина Федоровна уверяет, что и мужа выбрала себе самостоятельно, сама и решила все...

— А он-то, Геннадий Борисович, не ковал кольца к цепи Гименея?

— А чего ему было ковать? Он уж знал меня достаточно, раз я решила, то ему и оставалось только в загс меня вести!..

Геннадий в то время окончил курс наук в Стахановском РУ-9, был выпущен оператором химико-технологических установок и работал на заводе «Коксохим».

— На Чукотку мы попали, можно сказать, случайно: в Билибино работали наши родичи, они и пригласили. Геннадий приехал в ноябре семьдесят второго, за ним и я с Наташенькой прикатила — в апреле семьдесят второго... Светочку-Рыжика, вторую дочку, мы уже здесь «нашли», на чукотской земле. Геннадий сразу начал работать на «атомке» в химцехе, а у меня складывалась своя «одиссея»: начинала на пищекомбинате — делала простоквашу, сметану из порошкового молока, потом колбасы делала. Даже воду очищала... Потом, чтобы к «атомке» поближе, работала стрелком военизированной охраны и только с сентября семьдесят восьмого года получила долгожданное место в цехе ПР и там работаю! Очень дружная, деловая у нас партийная организация!

Коммунисткой Нина Федоровна стала еще в Стаханове, рекомендовал ее в ряды партии начальник заводской лаборатории Михаил Михайлович Соколов.

— Он был на редкость мудрым и добрым, светлым! Он с Владимиром Ильичем встречался!.. И Александра Васильевна Дорофеева меня рекомендовала, тоже из нашей лаборатории заводской, инженер. Всю сознательную жизнь стремлюсь быть на них похожей.

Еще на пищекомбинате Нину Федоровну впервые избрали делегатом на районную партийную конференцию (1975—1976 годы), а с 78-го по 80-й год — она член райкома КПСС, работала в оргкомиссии. С 1980 года — член комиссии по эффективности и качеству Чукотского окружного комитета КПСС.

— Вы знаете, жизнь моя до Чукотки была какой-то суетной. С утра до вечера замотанная, а оглянуться — и доброго слова нет прожитый день отметить. А здесь загруженность побольше: детей двое, своя работа, цеховое партбюро, поручения райкома, раз в квартал — полеты в Анадырь на пленумы, на актив окружкома, а ведь знаете, как здесь Аэрофлот работает, особенно зимой: что ни поездка, то путешествие. Загружена крепко, но есть большое удовлетворение, потому что живу изо всех сил!

— А как сложились ваши отношения с климатом Чукотки?
— Замечательный климат! Уж если зима, то зима высшей пробы: мороз — настоящий, пурга — от души. Холодно? Вот мое мнение: холодно тому, кто ничего не делает. Если человек сыт, и одет по погоде, и делом занят нужным, то ему и не холодно! Мы с Геннадием Борисовичем работаем от души и отдыхаем деятельно. Ему-то, охотнику и рыбаку, Чукотка — край милый. Есть у «атомки» своя база спортивного рыболовства, там наша лодка, мотор есть, хорошее ружье, есть природное раздолье и красота. И я с ним охотно езжу, сама наловчилась линьков, хариусов — «харитонов» ловить... В этом году охоты не было, а так дичь нередко на столе. На материк ездим в отпуск раз в два года — родичей повидать, себя показать, путевки бывают... Светочка-Рыжик совсем чукотчанка-билибинка, школьница. Наташа мечтает поступить на океанологический факультет, тоже собирается связать свою жизнь с побережьем и морями Крайнего Севера. А мы надеемся принять участие в модернизации, в расширении нашей «атомки» — есть у руководства такие планы, — значит предстоит «возмущение спокойствия», время высокой активности!

Билибинская атомная — первенец Севера. Она обеспечивает электроэнергией Чаун-Билибинский горнопромышленный район и теплом — предприятия и жилые дома поселка. Естественно, значение ее в развитии производительных сил, экономики советской Чукотки трудно переоценить. Велика ее роль и в социальном развитии региона.

Здесь, на границе таежной и горнотундровой зон, климат резко континентальный: зима суровая, с шестидесятиградусными морозами, продолжается 7—8 месяцев. Лето короткое, прохладное и нередко дождливое. Как уже говорилось, этот район крайне удален от энергетических центров, крайне дорого доставлять сю-

да органическое топливо — нефтепродукты и уголь. Вот почему правительством было принято решение о строительстве здесь атомной электростанции. Оно было начато в 1967 году и завершено в 1976-м. Над строительством шефствовал Ленинский комсомол.

Разработчики и проектанты учли специфику района, локальность, изолированность энергосистемы, диктуемые этими факторами требования.

До этого проекта все действующие в нашей стране АЭС размещались у водных артерий. Примером может служить все та же Ново-Воронежская АЭС, расположенная в излучине Дона — вода нужна для охлаждения энергетического оборудования; при АЭС сооружались мощные градирни — на первых четырех блоках, пятый блок-«миллионник» получил искусственный пруд-охладитель с водным зеркалом в пять квадратных километров.

БАЭС проектировалась в районе вечной мерзлоты и долгой зимы — и ученые создали особую систему воздушно-радиаторных охладителей.

Вечная мерзлота была перекрыта мощной фундаментной плитой. Не нуждается в подробных объяснениях ценность тепла в Арктике. Билибинская атомная была задумана для комбинированной выработки электрической и тепловой энергии. Конечно же, проект отвечал и другим не менее важным требованиям региона: простота и надежность технологической схемы, минимум агрегатов, требующих сложных ремонтов, блочное исполнение элементов оборудования с учетом трудностей транспортировки и с целью сокращения объемов монтажных работ на месте.

Все было продуманно, выверено, немало было и переосмыслений, доработок уже в ходе строительства и монтажа. Молодые строители и монтажники совершали чудеса героизма.

«Комсомольская правда» писала: «...неповторима была пора, когда Павел Корчагин и его друзья уезжали строить крохотную узкоколейку, когда наши отцы возводили Магнитку, когда старшие братья отправлялись в Братск... Сегодня в числе всесоюзных ударных строев, доверенных молодым, есть Билибинская атомная электростанция! Идет эстафета поколений...» (1968 г.)

12 января 1974 года Билибинская атомная дала первый промышленный ток на предприятия Чукотки. Был пущен первый из четырех реакторов. В первый день работы он выработал шестьдесят мегаватт-часов.

А в ночь с 19 на 20 марта 1979 года четыре блока «атомки» выработали свой первый миллиард.

Конечно, в масштабах атомной энергетики нашей страны это малость. Но на Чукотке атомный миллиард равен неизрасходо-

ваным — и не транспортированным сюда! — 40 000 тоннам дизельного топлива!

Билибинский эксперимент удался. Но не прошло еще и десяти лет, а уж мощности БАЭС не хватает, «атомка» должна развиваться, становиться мощней, эффективней.

Мне рассказывали на 5-м блоке Ново-Воронежской АЭС забавные случаи, почти анекдоты. Приехал, например, на НВАЭС крупный специалист-теплотехник, без ропота пошел — в сопровождении специалистов-ядерщиков — туда, куда пригласили, не струсил. Но предварительно спросил конфиденциально и шепотом у сопровождающего товарища: «Ответьте, не бойтесь меня напугать, — я много схвачу?» — «Вы имеете в виду бэры (биологический эквивалент радиации — бэр)? — уточнил сопровождающий товарищ. — Не больше, чем на улице Горького!»

И второй случай. Колхозникам соседнего хозяйства радостно заявили: «Теперь к нам пришел ток атомной станции!», а поздно вечером доярка-бригадир пришла в коровник, там горел только ночной свет, попросту было полутемно, и вошла она в стойло коровы-рекордистки из своей группы и вдруг видит — на рогах мирной Буренки тревожно и холодающе светятся зеленоватые, как рисунок на экране осциллографа, страшные огни!.. Конечно, уж был шум, обморок: «вот она, ента атомная энергия самая, теперь дождись рекордных удоев!» Оказалось, что Буренка днем ковыряла рогами бревно у водопоя, вот гнилушка и дала в полутьме «атомное» свечение на концах рогов...

Оленеводы-чукотчане приняли «атомку» сразу, без страхов и сомнений. «Большой камелек» дал в соседние села дешевую электроэнергию, стабильное, не как при дизелях, напряжение.

В семье инженеров Владимира и Татьяны Софиюк потчевали свежими жареными хариусами. И других даров щедрой чукотской природы на столе было в досталь. И разговоры, начатые еще на станции, здесь, в их уютной квартире с множеством книг и декоративной зелени, текли задушевно. Владимир Софиюк участвовал в монтаже 3-го блока Ново-Воронежской, приезжал на практику студентом Томского политехнического института имени С. М. Кирова, а после его окончания был направлен на строящуюся Билибинскую атомную, стажировался на Белоярской АЭС, участвовал — уже вместе с женой — в монтаже 1-го реактора, они были зачислены монтажниками по совместительству, инженерами-кураторами... Владимир Софиюк на Билибинской «атомке» стал коммунистом.

— Мы познакомились еще в вузе, я училась на факультете теплоэнергетики, поженились на четвертом курсе.

Татьяна родом из Бийска, оттуда начинается знаменитый

Чуйский тракт, песенные места, родина шоферского фольклора. Отец Татьяны, слесарь высокой квалификации Аркадий Григорьевич Скопинцев, числился на заводе «Электроречь», эвакуированном из Москвы в годы войны, в должности... «Левши» — он умел делать все! Учился до войны в Томском артиллерийском училище, но заболел и к военному делу стал непригоден. Позже он часто говаривал журналистам, пишущим о нем: «Я — что? Вот о жене моей напишите, вот это — да! Она в сорок втором окончила ШМАС (школу младших авиаспециалистов), выпущена была в действующий на фронте Оршанский авиаполк и всю войну прошла».

...Родители переехали в Якутию, на рудник «Эмельджак», Аркадий Григорьевич работал экскаваторщиком, потом мастером. Там Таня приучилась к суровому климату, к морозам. Сопки, засилье голубики — рай для Тани!

— Наша семья на редкость дружная, работающая и отдыхающая, и праздновали все вместе, семейно! Мне легко давалось черчение, наша учительница в школе, Нина Федоровна, предлагала мне пойти учиться в вуз по ее профилю. Но я выбрала теплоэнергетику. Окончила институт в семьдесят втором году, уже была мамой годовалой дочки Олечки, и поехали мы в Билибино. Здесь еще была дирекция строящейся станции, народу было мало, шел бетон на реактор-один, корпус был еще не покрыт, да и не все ограждающие конструкции смонтированы... Жили мы — две семьи в однокомнатной квартире, не ссорились! Меня направили работать в отдел оборудования, занималась комплектацией — неприметный, но очень важный в наших условиях участок работы. Дело в том, что оборудование завозилось по зимнему бездорожью, по системе «быстро-быстро», и частенько сваливалось грудями: ящики, контейнеры... Все это надо было учесть, укомплектовать, заскладировать по очередности сборки и монтажа. Но мне нравилось, я понимала смысл работы. А потом пошла на монтаж реактора, начинали с нуля... Потом пошли они, реакторы, один за другим. С января семьдесят четвертого я работала в ПТО, вот и оформляла документы сдачи блока в эксплуатацию — тот самый «Акт государственной приемки» блока номер один! Стройка была комсомольской, я четыре года была в комитете ВЛКСМ станции, секретарем ячейки управления. Теперь мы коренные билибинцы, чукотчане!

Информация из летописи Всесоюзной ударной комсомольской стройки БАЭС:

*«...1970. Ноябрь: введена в строй пусковая котельная.
Декабрь: введена первая на Чукотке телестанция «Орбита».*

1971. Март: уложен первый куб бетона в фундаменты радиаторных охладителей.

Апрель: пошел бетон биозащиты в боксы реакторов.

Август: начался монтаж металлоконструкций радиаторов.

Октябрь: установлена последняя колонна каркаса главного корпуса. Бригада монтажников Николая Ботина с оценкой «отлично» досрочно установила ограждающие алюминиевые панели на главном корпусе АЭС...»

...Вот-вот разыщут Любовь Алексеевну Пьянкову. Спешу до встречи с ней побеседовать со многими. Получил в парткоме листовки с биографиями кандидатов в депутаты Билибинского поселкового Совета народных депутатов: это Надежда Петровна Гормышева, кладовщица-табельщица цеха подземных тепловых коммуникаций БАЭС, член цехового комитета профсоюза, ударник коммунистического труда. На Билибинской атомной — с 1972 года... Зоя Николаевна Худолей, облицовщица-плиточница ремонтно-строительного цеха БАЭС, активистка-общественница, участница художественной самодеятельности. В Билибино приехала совсем девчужкой с родителями в 1959 году, после школы училась в строительном ПТУ Ворошиловграда, специалисткой вернулась в Билибино. Она депутат Билибинского райсовета...

Татьяна Федоровна Мезенцева, электрослесарь по ремонту контрольно-измерительных приборов, систематически выполняет производственные задания на 110—115 процентов, неоднократно была победительницей в соревновании «Лучший по профессии». Являлась депутатом Совета народных депутатов Чукотского автономного округа, членом группы народного контроля, комиссии по профилактике правонарушений, ведет большую общественную работу. На БАЭС работает с 1973 года... Депутат Совета народных депутатов Чукотского автономного округа...

Любовь Алексеевна Пьянкова, выпускница Свердловского политехнического института, теплоэнергетик, инженер планово-предупредительных ремонтов БАЭС, с 1977 года депутат Билибинского поселкового Совета...

Лаборант-дозиметрист Тамара Васильевна Овсянникова — человек очень ответственной службы, постоянно контролирующей безопасность АЭС для окружающей среды. Удивительная она женщина, вся как бы излучает женственность, лучится вся...

— Такое представление, как будто у вас, Тамара Васильевна, жизнь складывалась без сучка, без задоринки! Так ведь не бывает...

— А вот и бывает! Я совсем счастливая женщина, а все потому, что на личном и на чужом опыте научилась ценить счастье

ливые минуты, именно ими измерять прожитые дни и годы. Сумеете так — и убедитесь, что счастья и радостей в жизни гораздо больше, чем неприятного и горя.

...Вернулся с фронта рабочий человек Василий Дмитриевич Засыпкин, грудь в наградах. Жена, кочегар на ТЭЦ, оставалась в войну с двумя детьми, младшую дочку схоронила, набедоветалась, казалось, жить бы им да жить, но не сладилось.

— У отца — новая семья, семеро детей, но я была у него самой любимой, и я жила у них полтора года, и, конечно, осуждала его — глупой была. Теперь-то разобралась, поняла... Работать начала рано, была на целине в Кустанайской области, вернулась — на Белоярке шло строительство АЭС, стала разнорабочей на бетонном заводе... И тут повстречала Володю, он был механиком в гараже, мужчина из себя видный, солидный, хоть и молодой... Я весь его род знала, все они обстоятельные и положительные люди, а он меня и не замечал, и вообще... «другие нравились ему!» — как в песне. Но я упорная — и он женился на мне. Успела родить Овсянникову двоих детей, а уж потом только пошла в техникум энергетический на вечернее отделение. Конечно, работала, конечно, детей растила — это же счастье какое, иметь семью хорошую и детей! Работала дозиметристом внешней зоны Белоярской АЭС — она только начиналась тогда, я радовалась, очень уж ответственная работа! Не дамское рукоделие... И вот Володя в семьдесят втором поехал сюда, в Билибино, — друзья пригласили. И стали люди меня пугать: вернулся из Билибина один белоярский, Володя Редько, уж меня пугал — стращал этой Чукоткой!

Но муж велел приезжать. Он меня зовет, значит, все будет хорошо! И приехала, и природа эта чукотская меня покорила, полюбилось мне здесь все... И из-за жилья напрасно меня стращали: был тут чей-то домик брошенный, нам выдали квартирку в подселение, я обиходила это жилье, люди любили к нам приходиться вечерами... И все пошло как надо. Володя работает двадцать лет на СУЗах (система управления и защиты) — на Белоярке одиннадцать лет и здесь уже девять, очень он это дело понимает. Я по своему профилю — лаборантом, и все блоки при нас пущены. Здесь меня учил работать начальник цеха Виктор Алексеевич Иванов: как надо осмысливать каждый анализ, каждое измерение, что от чего зависит и что с чем связано... И я всегда на общественной работе: в народном контроле, в дружине... Ириша, дочка, вот уже и внука нам подарила, Оля в институт поступает... И в Володю своего я влюблена сегодня, как в первый день женитьбы, и... очень не хочется стареть. Надо же, уже бабушка! Это я-то!..

Коллектив Билибинской «атомки» не велик числом. Но это люди самых современных профессий, высоких квалификаций, культурные, много читающие, общественно активные. Они — костяк поселковой интеллигенции. А женщины «атомки» — их в коллективе не многим меньше мужчин, а на ряде служб и побольше — действенная и вдохновляющая сила. Интересны были мои встречи, беседы, знакомства — не уложить в материал одного очерка. А вот с Любовью Алексеевной Пьянковой я так и не встретился. Оказалось, что она сразу после выборов уехала на материк в очередной отпуск. Ждать ее я не мог, отпуск за два года — долг, не переждешь...

Билибино, 1982 г.

Большая «навигация»
Веры Федоровой

*Здесь нет дорог. Здесь все живое стынет:
Снега, пурга, ветра и вечный лед.
Но даже здесь, в заснеженной пустыне,
Родную землю сердце узнает!*

Владимир Тымнетувге

В ту ночь не давали спать ревуны ледоколов, хотя и были едва слышны вдаль. Пролив Средний, меж островами Айон и Большой Раутан, забит тяжелыми льдами, и ледоколы, проводящие караван грузовых теплоходов, пробивались к Певеку где-то на траверсе мыса Шелагского.

Ясной ночью вышел я на улицу. Певек ждал, начиналась навигация. У парапета набережной собрались десятки певекчан, и чайки, проносясь над головами, как самолеты на воздушном параде в Тушино, резко и гортанно кричали, но не было в их криках обычной тоски. Они стаями сидели на белесой воде у отдаленных льдин, подмытых и похожих на гигантские грибы.

— Уж скоро... К полуденным склянкам пробьются! — авторитетно заявил пожилой мужчина в черной штормовке. Ему заулыбались, ему верили...

...Духовой оркестр, многолюдный митинг, речи капитанов и портовиков, танцы на бетонных плитах городских улиц — в Певек пришли корабли новой навигации.

Весь заполярный город шумит. Только в поликлинике тихо. Будто весь детский смех и плач остался в разноцветных и разнотипных колясках, выстроившихся у подъезда, подобно автомобилям у Министерства иностранных дел.

Шел обычный прием у врачей педиатрического отделения.

Больных детей немного. Современные мамы приводят ребятшек на профилактический осмотр охотно, не ожидая напоминания патронажной сестры. Даже самые неугомонные сорванцы и капризницы в присутствии людей в белых халатах держат себя с достоинством.

Лицо Веры Михайловны потемнело от свежего загара. Глаза щурятся, и взгляд наполнен искорками-смешинками, — взгляд отдохнувшего человека.

— Вы были на курорте? Где? На южном берегу Крыма или на Кавказе?

— Да, на южном берегу, — со смехом отвечала она, — но Северного Ледовитого океана! И не на самом берегу, а чуть подальше... Была я на облете стойбищ, у пастухов. У нас бригада: рентгенолог — его аппаратура смонтирована в вертолете, зубной врач — и его кресло в вертолете, гинеколог, хирург и я. Осматриваем тундровое население. Работа большая, сложная, но тунд-

ра — моя родина, мой отчий дом, вот я и выгляжу отдохнувшей.

Солнце врывалось в зашторенное белыми занавесками окно кабинета, расположенного, как и вся поликлиника, в огромном и длинном многоэтажном доме. Вера Михайловна рассказывала о детстве и забывала обо мне.

— Маму звали Омрына. Знаете, я не могу вспомнить ее — она рано умерла... Восьмилетней я ушла из тундры в интернат, а в ранней памяти сохранились прикосновения маминых рук, ее голос, сухой и ломкий, она была тихой, незаметной... Потом от людей я узнала, что мама была третьей женой отца — его совсем не помню, он был богатым оленеводом, потом его раскулачили, он был отказчиком — не хотел вступать в колхоз и ушел от людей, пропал без вести. Знала, что у мамы было одиннадцать детей, я последняя. Старшие умирали, теперь нас трое сестер и брат, все они оленеводы, уже на пенсии... Брат Михаил Тыненькеу был бригадиром в совхозе «Певек», уважаемый человек, теперь тоже пенсионер и живет в Усть-Чауне... Мама меня назвала именем Тынатваль — «Цветущая», Верой меня называли в школе, а отчество дали от имени брата... Я родилась в канун войны, первого сентября сорокового года... Неможко помню Шундика, он тогда учительствовал, учил грамоте взрослых и еще не был известным писателем. Помню, как он пришел к нам, поздоровался по-чукотски: «Етти!», а я бросилась к маме: «Там человек пришел, у него глаза замороженные!» Так я восприняла непривычные голубые глаза... Много лет спустя, читая его роман «Белый шаман», я узнавала многих.

...Ходил по тундре высокий паренек-комсомолец Ваня Терских, собирал детишек в школу. Жил в ярангах, разъяснял оленеводам великую необходимость учить детей грамоте и новой жизни... Шел 1948 год. Шла пятилетка восстановления и развития, страна жила в крайнем напряжении, но уже пришла пора социалистических преобразований в тундре. Ваня был настойчив и понятен тундровикам. Собралась группа детей, в их числе маленькая Тынатваль — «Цветущая», и они пошли пешком. И на речных бродах Иван Терских переносил детей на своих плечах, согревал их у костров и кормил тем, что добывал ружьем и удочкой. И пел им Иван комсомольские песни, а они, дети тундры, малыши-несмысленши, слов не понимали, но улыбались и верили Ивану и шли за ним... Они пришли в село Рыткучи, их встретили люди, призванные открыть этим детям дверь в большую жизнь...

В кабинет неожиданно вошел высокий седой человек в белом халате, и Вера Михайловна поднялась ему навстречу, радостно улыбаясь:

— Как будто так было задумано! Знакомьтесь, наш врач-стоматолог Иван Дмитриевич Терских! Да-да, тот самый комсомолец Ваня...

Иван Дмитриевич пришел сообщить, что получил из Хабаровской киностудии посылку — фильм «Жизнь человека» и пакет фотографий.

— Это о нас снимали картину! — довольная Вера Михайловна зарумянилась.

— О тебе, если быть абсолютно точным, — рассмеялся Иван Дмитриевич, — а мы попали в фильм потому, что твои друзья и коллеги!..

Они с улыбками, с шутками рассматривали фотографии, с благодарностью отметили обязательность режиссера фильма Юрия Ананьевича Михлика — обещал и прислал, — обсуждали, где организовать просмотр картины. А я приглядывался к ним: вот уже и Вера Михайловна совсем взрослая женщина, заслуженный врач Российской Федерации, орденносец, многолетний депутат городского Совета, и Иван Дмитриевич как бы без возраста: по-юношески стройный, улыбочивый, оптимистичный. Он — комсомолец сороковых годов, то были люди особой закладки.

Они вспоминали о каких-то курьезах на съемках, о пикнике в тундре, о строганине «по-режиссерски». Они обсуждали сценарный строй эпизодов, над чем-то по-ребячьи хихикали. А я все смотрел на них и радовался, и завидовал по-доброму им, подружившим почти тридцать пять лет и ныне работающим и живущим рядом, бок о бок!

— Приняли меня в нулевой класс Усть-Чаунской школы-интерната. Была я совсем дичком-тундровичком, ни одного русского слова не знала, кроме «хлеб». Со второго класса меня «вела» Марья Александровна Безручкина, ее муж, Николай Алексеевич, тоже учительствовал. Так вот, нас было два десятка второклашек, а мне казалось, что я у Марьи Александровны одна. Что бы со мной ни случилось — обидел ли кто-то, ушиблась ли, не спалось ли, прихворнула ли, — тут как тут Марья Александровна с добрым словом. Она и сейчас работает в Певекской средней школе, ведет третий класс, и живем мы в одном доме, соседями.

Был новый день, новая встреча. Но по-прежнему у входа в поликлинику детские коляски. И по-прежнему Вера Михайловна лучезарно-улыбчивая, «отдохнувшая» в очередном полете в тундру.

— Только потом по рассказам старших я узнала, какими тяжелыми были в Певеке послевоенные годы. Нас, детей интерната, взрослые ограждали как могли от всех бед. Нас хорошо

кормили, а по воскресеньям, помнится, давали национальные блюда. — В голосе Веры Михайловны появились назидательные нотки: — Поймите, проблема питания ребятишек тундры очень важна! Наследственно и традиционно они настроены на определенный витаминный базис, получаемый из пищи, отбор ее компонентов велся веками. Из привнесенного извне не все полезно для нас... Естественно, купить в магазине картофель, лук, томат куда проще, чем выискивать и собирать в тундре зелень и коренья, содержащие те же витамины... Оказывается, те, но и не те!

Мне вспомнились долгие разговоры с другой женщиной Севера, Ухсимой, она ратовала за продажу в государственных и кооперативных магазинах оленины, мяса нерпы и моржа, свежей рыбы, организовывала ежегодные массовые выезды в тундру и на побережье для сбора зелени и корней...

Смысл этих рассуждений прост: освоение природных богатств Чукотки осуществлялось и осуществляется определяющим участием людей материковских. Приехав на Чукотку, они защищались от ее экстремальности. Чукчам и эскимосам не нужно защищаться от этого климата, он им родной...

Тан-Богораз, европейский человек, годами обитал в чукотских тундрах, трудился, не теряя жизненного тонуса, потому что жил жизнью тундровиков, питался их пищей, пользовался их навыками.

— Нас приучали к новой пище постепенно. Например, сметану я впервые попробовала в четырнадцать лет... Ведь мы, чукчи, не знали молочной пищи...

Почти каждое лето я работала в тундре. Набегаюсь, бывало, ног не чувствую. Запомнилось недавно прочитанное стихотворение Владимира Сергеева:

Здесь нужен все время глаз да глаз,
уж так в этом деле ведется:
оставишь оленей хотя бы на час —
полдня собирать придется.
Чертей вспоминая наперечет,
забыв про жару и про холод,
бежишь, а пот в три ручья течет,
а сердце стучит, как молот.
...И держишься на ногах едва —
спеши, не теряй мгновений...
Теперь вам ясно, что значат слова
«пойти посмотреть оленей».

Она отложила книжку, задумалась.

— В девятом и десятом классах я овладевала специальностью отделочницы на стройке. Строили мы первый двухэтажный дом в Певеке. Теперь его и не видно среди многоэтажек...

Получила диплом и разряд. На ТЭЦ ходила учиться токарному делу, но как-то не задалось мне. Я ведь и думать тогда не могла, что стану женой мастерового человека. Мои подружки ходили в больницу, работали санитарками, вот это меня интересовало... В пятьдесят шестом году, зимой, мне и сообщили о смерти мамы. Забилась я в уголок, наревелась почти до обморока. По-моему, тогда и решила стать врачом...

Летом 59-го года Вера впервые вылетела за пределы родного района. На шесть студенческих лет она стала хабаровчанкой, выезжала только на краткие каникулы и на практику...

— С дипломом врача-педиатра я прибыла по распределению в совхоз «Шелагский», и назначили меня заведовать амбулаторией в селе Янранай. Всего два года работала в сельской амбулатории, но какая это была школа! Вспоминались записки земских врачей, поняла многие рассказы Антона Павловича Чехова... Сельский врач — специалист широкого профиля, здесь опыт наживается не по дням, а по часам... Янранайцы избрали меня депутатом сельского Совета. Ну и личное: встретила с Вадимом Федоровым, полюбили друг друга, поженились. Мой Федоров человек на Чукотке не случайный, он служил здесь. Уроженец кавказского побережья, остался на моем берегу... Работал учителем в красной яранге, потом плавал в морях. Он быстро понял специфику моей профессии, прямо скажем, бродячей — ведь я дома мало бываю: кабинет в поликлинике — это только «вход» в круг обязанностей врача на Чукотке, основной же кабинет — тундра, там мои пациенты. Вадим Александрович решил проблему по-мужски: «Двух бродяг на одну семью — много!» Он окончил курсы крановщиков в морском порту, стал классным специалистом и принял на себя семью, детей. Он все умеет делать хорошо, а не как-нибудь... Забота мужа позволяла мне целиком отдаваться врачебному долгу, общественной работе. Была я членом райкома комсомола, три созыва была депутатом окружного Совета, занималась вопросами здравоохранения и образования. Третий созыв — депутат Певекского горсовета, два созыва была председателем комиссии по здравоохранению, физвоспитанию и спорту. Вот уже одиннадцать лет я член партии, многие годы член окружного комитета КПСС.

Сидела она передо мной, элегантная, в накрахмаленном халате, улыбаясь, рассказывала о себе, — кавалер ордена «Знак Почета», заслуженный врач РСФСР...

— Моя старшая, Валя, пятнадцатилетняя, пристрастилась к танцам, к сцене... Окончила двухгодичную балетную школу-студию, хорошо совмещает свое увлечение с общеобразовательной программой. Заметили ее, позвали в ансамбль современного

танца с романтическим названием «Солярис», — и часто выезжают на гастроли на прииски, к оленеводам... Ей это все очень нравится, и поскольку она к танцам относится всерьез, то и мне тоже... Главный же помощник в домашних делах — Вовка, младший. Ему тринадцать, а он уже готовит обеды, ходит в магазин, наводит порядок в доме. Все свободное время что-то мастерит, пилит. Мастеровитый человек, основательный мужичонка! И хорошо учится, и читает много... С детьми у нас — пока — все хорошо. Еще раз подчеркну: это все от Вадима Александровича, он главный воспитатель и очень правильный человек. Я — счастливая женщина!.. Тьфу, тьфу, — не сглазить бы...

Она рассмеялась заразительно, звонко.

Зазвонил телефон. Вера Михайловна договаривалась об очередном вылете в тундру.

— Завтра двинемся бригадой! До начала августа, как всегда, успеем осмотреть всех — и больших и малых, летний день длинный, работаем мы на выездах по десять — двенадцать часов. Гордимся тем, что ежегодно добиваемся стопроцентного охвата. Вы обратили внимание на «Доску личных обязательств» медперсонала нашей клиники? Каждый на память знает определяющие смысл нашего труда слова из главного документа времени — «Основные направления экономического и социального развития СССР»: усилить работу по предупреждению заболеваний, повысить эффективность диспансеризации и расширить охват ею населения, особенно детей. Это уж прямо мне и коллегам сказано...

Светлыми ночами работал порт. У его причалов менялись суда. Они швартовались к стенке, по их мачтам и надстройкам стекали капли осевшего морозного тумана Арктики, похожие на пот долгой трудной дороги. Хоботы порталных кранов то опускались к трюмам, то поднимались ввысь, вздымая грузы навигации 1982 года...

У Веры Михайловны, замечательного врача-педиатра, тоже идет своя навигация... Счастливых тебе дорог, доктор!

Певек, 1982 г.

Эскизы к портрету Рутьтынеут

*И вся-то она,
будто лучик сиянья,
исполнена света и ликования!*

*Ах, эта девчонка не знает предела!
Пронизано музыкой гибкое тело...*

Михаил Вальгиргин

Ветер казался упругой стеной, я продавливал эту стену, согнувшись под прямым углом, каждый шаг давался с трудом, ноги дрожали от напряжения. Толстый шарф покрывал лицо до глаз, меховая шапка до бровей. Ресницы заледенели, слезы намерзли дорожками. Шажок, еще шажок... Теперь отвернуть от ветра лицо, чтобы перевести дух. Еще шажок, другой... Давит ветер — без порывов, мощно и ровно. Они не очень морозны, эти свирепые анадырские ветры, но при их напоре каждая снежинка колет и сечет, и если б только снег, а то и мелкая галька с берега лимана, и крупницы шлака городских кочегарок. Анадырские сезонные ветры — напасть, бедствие. О них предупреждают по радио, в порту поднимают на мачтах черные шары штормового предупреждения. Дети и старики сидят дома, не ведутся работы «на верхах» у монтажников и строителей.

Хорошо в такой день в обжитой теплой квартире. От ветра тревожно звенят стекла, а на окнах гардины с «южным» рисунком — цветы и фрукты, на скатерти с крахмальными острыми складками синие чашки с цейлонским чаем, и движется по уютной кухне элегантная, гибкая женщина, артистичная в каждом движении, в каждом взгляде темных азиатских глаз. Казалось, не знай я до прихода, что она танцовщица, только понаблюдай, и само собой заполнились бы строки воображаемой анкеты: Екатерина Рутьтынеут, солистка ансамбля «Эргырон», кавалер ордена «Знак Почета», лауреат премии Магаданского комсомола...

— Я родилась в селе Хатырка Беринговского района, на юге Чукотки. Отец мой тундровик, оленевод, потом советский работник — звали его Паркэ, от чукотского «парас'ынын» — «Оленья лопатка». Маму звали Оккой — это междометие, выражающее испуг, удивление. Было у них семь детей, потом осталось пятеро, сейчас трое... Отец хорошо играл на гитаре, сестричка Зиночка у него переняла... Селение наше в те годы было небольшое: радиостанция, магазин — вот все достопримечательности. Жилые дома были почему-то круглыми, такие потом я видела в Уэлене: европеизированные подобию яранги. А вокруг холмы, поросшие высокой и сочной травой — мы играли в траве, прятались, бега-

ли, высоко подбрасывая ноги, как годовалые оленята. До сих пор на щеках прикосновения той шелковистой травы. Теперь ее нет — у нас стало много вездеходов и тракторов... Тогда все наши были оленеводами и рыбаками. Лахтаков добывали только из-за кож — ремни из них отличные. Моржей мало били. Море давало рыбу. Помню, в прибойной волне кишмя кишели юркие серебристые рыбки — мелкие, с ладошку, посверкивали в воде, как солнечные блики. Наши мужчины ходили собирать яйца кайр, мне они казались огромными. Но основным занятием даже у береговых людей было оленеводство. Праздник молодого оленя — первый праздник в моей жизни. Все пели и танцевали и казались счастливыми. Знаете, много лет сохранялось у меня такое ощущение: все — пора из гостей возвращаться домой!.. Но нет уже травы моего детства...

— Я слушал вас, а вспоминалась Малика Сабирова. Я познакомился с ней в тот год, когда она возвратилась с золотой медалью из Софии, с международного конкурса мастеров балета — двадцать лет назад... И понял, почему вспомнилась Малика — она мне открыла мир таджикского национального искусства, да, да, она, актриса классического балета! Вы похожи чем-то на Малику: броской азиатской красотой, восточной женственностью движений, артистичностью!..

Дрогнуло ее лицо, опустились на мгновение ресницы, Екатерина хотела мне что-то сказать, сжалась, но вот засветились улыбкой ее глаза, она поднялась, выпрямилась и — грациозно раскланялась.

И вот вновь разлит душистый чай, в розетках варенье из жимолости, и продолжался рассказ актрисы о детстве, юности, становлении.

— Наверное, у всех так: отец ярче, значительней — он глава семьи, мама — незаметней, обыденней, она всегда рядом, все каждодневное из ее рук. А то, что от отца, — это подарки, это дарения, как символ радостей и праздников... Моя мама была пекарем, на всю жизнь осталось — запах хлеба как запах мамы. А папа... Вот помнится: провели к нам в село радио. Вывесили огромные черные репродукторы. Люди их сразу назвали «Большое ухо». Все собрались на поляне — и заиграла музыка!.. Папа организовал праздничные соревнования среди мужчин и сам вышел бороться с признанным богатырем района Пилили. Папа был тоньше, ниже, я так испугалась — сейчас силач его сломает. Папа победил! Это было так неожиданно, так странно! И осталось в памяти символом преимущества ума и ловкости над грубой силой. Потом, изучая историю искусства, задумывалась над этой вечной темой. Помните прекрасный фильм Феллини «Доро-

га»? Там силач, рвущий цепи, гнувший железные брусья, грубый и невежественный человек, и клоун, паяц, всегда веселый и остроумный, и между ними — девочка, выросшая в нищете и мраке, и паяц для нее — свет и улыбка! Силач убил паяца — да, мрачная сила только и может, что убить! — но не победил. В этом фильме я впервые узнала артистку Джульетту Мазину... Вообще, кино сыграло в моей жизни особую роль. Самый памятный фильм детства — «Весна на Заречной улице». И фильмы Раджа Капура — я запоминала мелодии и танцы, впитывала их как губка... Мы забирались в клуб задолго до начала и прятались и смотрели все «взрослые» фильмы по многу раз! Бывали и курьезы — ведь мы не все понимали вообще и все не понимали в частности... Помню, услышала по радио песенку: «...и галстук новый в горошек белый я надел» — и бросилась к отцу и без ошибок повторила всю песенку. Отец молча потрепал меня по вихрам и вечером принес подарок необыкновенный — патефон с пластинками!.. Но и такое было: сразу после войны, еще была карточная система, мама работала уборщицей в сельсовете, хлеб в Хатырке был высшей ценностью, я, совсем малышка, знала: стограммовочка хлебная стоила рубль! И вот я нашла у общежития на тропинке бумажный рубль. «Пап, вот, я нашла! Можно, я куплю хлеба?» — «Где нашла, у общежития? Беги, дочка, обойди всех людей в общежитии, спроси, кто потерял!» И я ходила по комнатам, спрашивала и рубль мне казался куском хлеба... Такой был мой папа. Это он дал мне имя Рутьянеут — «Обходящая». Он так и объяснял: «Мужчина должен идти напролом, женщина пусть обходит преграды»... Семилетку окончила в родной Хатырке, восьмой класс — в райцентре и поступила в пятьдесят девятом году в Анадырское педагогическое училище, под руководящую руку мамы-Франтовой. Это было значительным событием в моей жизни, ведь до той осени я ни разу не покидала дом.

Привезли как-то зарубежный фильм «Путь в высшее общество». Нам, учащимся не «старше шестнадцати», не разрешили смотреть эту картину. Мы возмутились и выбрали депутацию к Веронике Сергеевне. «Я вам покажу высшее общество! На разгильдяев смотреть? Своих достаточно, без импортных обойдетесь!» — покричала на нас, потом вдруг пригорюнилась, в глазах — боль. Мы — к ней: «Что с вами, Вероника Сергеевна?» — «Больно и обидно, ребята. Я считала, что вы мне доверяете, учителям своим верите...» — «Доверяем, верим!» — «А депутация — к чему? Мы ведь думали, обсуждали, старались — для вас... Не нужна вам эта картина, ничего она вам путного не покажет, жизнь там отображена иллюзорная, вымышленная и — не наша!»

В училище был сильный коллектив художественной самодеятельности. Катя все свободное от занятий время отдавала танцам. Музыкально одаренная, она быстро осваивала специфику народных танцев — и в этом подспорьем были фильмы.

— Особенно легко давались по-своему сложные танцы народов Востока: у знаменитой индийской киноактрисы Наргис я научилась танцам Мадраса и Бенгалии, у великой Тамары Ханум — танцам Узбекистана, у талантливой Туфы Фазыловой — танцам Гиссара, Ходжента и Памира.

Собирались девушки, закончившие учебный день, и Рультинеут преобразалась, набрасывала белоснежную тунику, поднималась на котурны, вот уже ее роскошные смоляные волосы перехвачены нитями жемчугов. И звучал волшебный оркестр, и вскидывал дирижерскую палочку сам Штраус, улыбочивый и ироничный, и Катя — нет, уже не Катя из села Хатырка, а Екатерина и она же Карла Доннер! — кружилась и плыла в «Большом вальсе», и девушки, захваченные действием, распевным хором включались в игру. Звучала «Сказка Венского леса», и Катя-Доннер танцевала, откинувшись гибким станом на верную руку партнера, самого короля вальса — Штрауса, и это ей он говорил: «Я запутался в шлейфе вашего платья!» И она отвечала, вскинув ресницы: «Уже?» И разве суть в том, что белоснежной туникой было пикейное покрывало, а котурнами служили модные тогда босоножки на пробке, а жемчугами служили дешевенькие бусы? Главное то, что не только сама Катя верила в подлинность драгоценной диадемы, склеенной из картона и конфетного «серебра» — все девочки комнаты верили! — и Вероника Сергеевна, строгая и принципиальная директриса, верила и не бранила раскрасневшуюся «артистку», а прижимала к груди и улыбалась с грустинкой...

— На практику меня направили в Марково. Красиво там: тайга, заснеженная и заиндевелая, снега. Население своеобразное — потомки казаков-первопроходцев и кочевников-оленовдов — чуванцы. Очень хотелось проявить себя. Чтобы дети поскорей и крепче запомнили таблицу умножения, я за две лихорадочные ночи придумала... сказку о Таблице, построенную на нехитрых стихах в стиле раешника, но по-чукотски. И вот изложила ее детям: читала в лицах. Дети запомнили мою сказку, но о таблице умножения понятия не имели. Провал был полный! Я-то, конечно, не удержалась, накануне рассказала все учителям, пригласила на урок — как же без зрителей! — натура уж такая...

Попало мне тогда от мамы-Франтовой! «Это уж как пить дать, дети тарачились на твои платья, а об уроке не думали!» — вдруг очень похоже спародировала она четкую, с ехидцей, речь

Франтовой. Мы расхохотались, у Катерины даже слезы навернулись.

— Вероника Сергеевна не знала, что старшеклассники в Марково напропалую ухаживали за мной: от безобидного и неловкого старания подать пальто до попыток навязаться в провожатые!.. И их понять надо: они молоды и я молодая, да еще на их девушек не похожая, птичка залетная!..

После окончания Анадырского педагогического училища Екатерину направили в педагогический институт имени Герцена.

В институте работал самодеятельный ансамбль «Северное сияние», руководимый Татьяной Федоровной Петровой-Бытовой. Чукчи, эскимосы, нивхи, якуты, коряки — все приносили в ансамбль свои танцы и песни. Катя привезла с собой индусские, узбекские, таджикские, даже египетские...

— Своих танцев я не знала, они не привлекали меня, казались примитивными. И еще я любила наряжаться во все необычное, это еще мама-Франтова отмечала...

Так и пошло — Рультинеут исполняла танцы Востока, ее хвалили, ею гордились.

По традиции в зимние каникулы Герценовский институт обменивался студенческими делегациями с киевскими институтами. Киевляне приезжали в Ленинград, селились в общежитии северян — и были совместные вечера, сводные концерты. Украинцы показывали свое, северяне — свое... Катя танцевала восточные танцы — и ей хлопали. Потом она сидела в зале в окружении гостей. Зарокотали ярары. Дмитрий Коровье танцевал «Собачью упряжку».

— Понимаете, танец я раньше знала, видела в исполнении автора — нашего большого танцора Арычайвына из Лорино, но тогда я что-то не понимала. Дима Коровье танцевал великолепно! Это сейчас он, заведующий Беринговским районо, стал несколько полноватым, а тогда был блистательным танцором. Украинские студенты устроили ему овацию, меня, чукчанку, они обнимали и целовали. И пришло озарение: все зависит от танцора! И поняла: свое можно и нужно сотворять, еще не поздно. Спасибо Диме, в тот ленинградский вечер в окружении украинских друзей я и поняла очарование национальной хореографии, ее возможности.

На четвертом курсе нас, чукотчан, известили: в Ленинград прилетела председатель исполкома окружного Совета Анна Дмитриевна Нутэтэгринэ и ждет нас в гостинице «Астория». И мы пошли к ней... Беседовали с президентом Чукотки о будущем. «Разве только педагоги нужны сегодня нашему народу? — говорила Алла Кергинто. — Вот, к примеру, Катя Рультинеут —

она живет в мире танца!..» И округ направил меня в Дом народного творчества, стала методистом по национальному искусству, закружилась в вихре удивительной жизни! Август — сентябрь шестьдесят седьмого, подготовка к фестивалю... Съехались в Анадырь наши прославленные мастера: ансамбль «Уэлен», а с ним великий Нутетейн, Яша Тегъек, Спартак Теплилек, «Олененок» из Беринговского, а с ним создатель ансамбля Панато — прекрасный певец, мелодист и попросту талантливый человек, Виктор Аречайвун со своими «Лоринскими зорями», «Белый парус» Маргариты Глухих из Лаврентия, великолепный Умка со своим коллективом из Нунымо, чукотский ансамбль Таисья Тнегутдеут из Энурмино... Приехали уэлькальцы, провиденцы, рыркайпийцы, постановщица чукотских танцев Елена Нутэтэу — весь цвет Чукотки!.. Из Ленинграда пригласили Петрову-Бытову — она ставила программу. Репетировали в Магадане, нас так нарядили! Нутетейн выглядел импозантно, как профессор, его хорошо знали в Магадане и в Москве тоже, он уже выступал в Кремлевском дворце... Ах, эта пленительная неделя в Москве! Участвовали в большом концерте, потом на вечере в честь правительства... Я подарила цветы неподражаемому Эсамбаеву, великому мэтру, а вот Уланову не узнала: привыкла видеть ее в пачке, на пуантах — блистательной, а с нами мило беседовала простенькая и строго одетая женщина. И я поняла — подлинное величие не нуждается в мишуре и блеске...

Досугом нашей группы ведала я. Водила всех на ВДНХ, в музеи и в Третьяковку. А потом повела в... ресторан. Потребовала, чтобы все нарядно оделись, мужчины — идеально побрились. Расселись за столами, и я им скомандовала: «Смотрите на меня, будьте как дома, не смущайтесь!» И все было прекрасно, все были очень довольны, но удивлялись невероятному обилию посуды.

После большого успеха в Москве, в Анадыре началась будничная и напряженная работа. Методист Екатерина Рутьтынеут была командирована в районы Чукотки — то была первая ее поездка по глубинкам родного округа.

...Иультинский район, село Конергино. Екатерина привезла с собой московские фотографии. Собрались участники местной самодеятельности, смущались, как же — методист из округа! Рутьтынеут исполнила для них «Весна пришла» — народную песню-танец из села Алякватваам, из репертуара «Олененка», люди расшевелились, увлажнили ярары, стали танцевать и петь... Вот теперь можно было советовать, отбирать, показывать. Пожилые люди говорили Кате: «Мы стыдились показывать себя, понимаете? Теперь знаем — мы не хуже других, а в своей среде

увидели тех, кто умеет танцевать и петь лучше остальных...»

Через четыре дня Рутьтынеут провожали всем селом. А завклубом, русский паренек, сказал ей: «Я работаю здесь не первый год, но при мне еще никто не оказал нам такой практической помощи!..»

Зимой Екатерина поехала в родной Беринговский район, побывала в Алякватвааме у Елены Нутэтэу, записывала песни, знакомилась с местными танцами. В школе-интернате провела занятия по чукотскому искусству. Старшеклассники увлеклись...

— Старались, сопели, двигались все ритмичней, раскованней, затанцевали! Очень музыкальные дети. Вообще, наш народ музыкален и пластичен. Многие играют на слух на гитарах, на баянах. У нас ведь нет своего мелодического инструмента, только ритмический — ярар, у эскимосов — сягуюк... В то время мне рассказали такой случай. После войны, в конце сороковых годов, к нам на Чукотку приехал камерный оркестр и знаменитый виолончелист... Музыканты проехали по поселкам Чукотки и приводили наших людей в восторг. И вот одна женщина из прибрежного села смастерила струнный инструмент, чуть ли не из консервной банки, с деревянным грифом, со струнами из жил, со смычком, и научилась на нем играть. Люди собирались слушать ее и часами сидели тихо-тихо и напряженно — уж какой резонатор из консервной банки!

Русский паренек в клубе чукотского села, — я понимаю, тогда не было своих кадров. Но ведь и сегодня в большинстве районов Чукотки не только в клубах и Домах культпросветработы, не только в агиткультбригадах, обслуживающих тундровиков, но и в районных отделах культуры — люди приезжие, «материковские»!.. А ведь наша национальная культура, наше творчество очень самобытно, требует специализации изначальной, от роду...

Екатерина Александровна права. Я беседовал с руководителями районных отделов культуры на Мысе Шмидта и в Провидения, в Лаврентия и в Билибино, в Анадыре и в Певеке, и сложилось такое впечатление, что работа ведется только в тех селах, где живут и трудятся Парина, Клавдия Зорина, Елена Нутэтэу. Но уже ушла из жизни прекрасная Ольга Петровна Геунтонау из села Энмелен, не руководит ансамблем «Имля» Таисья Гухувье, собралась уехать из Усть-Чауна замечательная искусница Клавдия Геутваль... Омолодилось творческое руководство Дома культпросветработы в селе Сиреники (усадебный совхоз «Ударник»), но отходит от активного творчества Парина...

Из года в год на Чукотку возвращаются ее сыновья и дочери, получившие высшее и специальное среднее образование, — где они? Может быть, созрела необходимость организовать факультет

тет культуры на базе Анадырского педагогического училища? Руководящее и творческое ядро профессионального ансамбля «Эргырон» может составить ядро преподавателей-специалистов. Организовать бы еще вдобавок курс руководителей любительских и народных фото- и киностудий, и любительское кино станет накапливать народную фильмотеку образцов искусства Чукотки!..

— В шестьдесят восьмом году мы поехали в Якутск на молодежный фестиваль народов Севера, в том же «московском» составе. Я ездила руководителем, но танцевала и пела. Большой успех имел танец «Девушки Голубых Озер» в постановке Елены Нутэтэу. А осенью меня пригласили анадырские авиаторы, они готовились участвовать в большом празднике и просили поставить чукотские танцы. Я предложила сюиту «У яранги», поставила, сама танцевала, и русские девчата со мной. А потом Анна Дмитриевна Нутэтэгрэнь вызвала к себе для отчета. Говорили о том, что пришла пора организовать профессиональный коллектив. И председатель исполкома согласилась с нами.

Округ пригласил Татьяну Федоровну Петрову-Бытову и композитора из Хабаровска, Николая Николаевича Менцера. И втроем с Екатериной Александровной Рутьтынеут поехали по районам Чукотки — теперь уже отбирать исполнителей для окружного ансамбля.

Собрался коллектив поистине талантливых людей. Все они уже имели опыт сценического творчества, познали успех, но оставались самодеятельными исполнителями. Да и Петрова-Бытова до того занималась постановкой программ самодеятельных коллективов. Дисциплины не было никакой... Рытхэу рассказал в одной из повестей о замечательном артисте из народа, участвовавшем в работе профессионального ансамбля и вдруг исчезавшем надолго и возвращавшемся тогда, когда хотелось танцевать.

Первая программа профессионального коллектива держалась на давно отработанных танцах и песнях. Нужно было время и упорство, чтобы научить этих артистов строгому и возвышенному самоощущению профессионального искусства...

Седьмого ноября 1968 года состоялся первый концерт профессионального коллектива. Он произвел огромное впечатление на зрителей и на руководителей округа. В тот вечер родилось название «Эргырон», что по-чукотски означает «Рассвет».

— Пришла я в коллектив на год, чтобы наладить работу, и вот пятнадцать лет жизни отданы «Эргырону»!.. В шестьдесят девятом мы поехали в первую гастрольную экспедицию по Чукотке. Беринговский, Иульгинский, Чукотский, Провиденский — район за районом проезжали. Старики рассаживались на полу

у самой сцены и радовались до слез! Зрители восторгались нами, заранее готовили для ансамбля подарки — как же, наши приедут. Потом нам говорили, что гастролы превратились в триумфальное шествие, мы и сами видели.

В 70-м году «Эргырон» выступал в Магадане, поселках Колымы, в Иркутске. Екатерина Рутьтынеут в гастролях не принимала участия: получив отпуск за три года, улетела в Ленинград, сдала институтскую задолженность по старославянскому. Вернулась на Чукотку, купила билет до Хатырки, вылетела — но «Аннушка» пошла на вынужденную посадку в село Мейныпильгино и сломалась. В тех местах летное расписание — документ очень условный, а Катерине не терпелось попасть домой, к близким. И у причала не было ни одного хатырского вельбота. И она решила идти пешком: «Подумаешь, каких-нибудь сто пятьдесят — двести пятьдесят километров по родной земле родного района!» Нашелся попутчик-земляк, восемнадцатилетний пастух Сережа Эльэль.

В модном плащике, в резиновых ботах-сапожках — такова она, Катя. С буханкой хлеба и связкой вяленой рыбы юколы и без оружия, без палатки двое ринулись в сопки, через речки и хребты. Они были молоды, и был август, самый прекрасный месяц на юге Чукотки.

— Очень-очень стремилась к маме. Я и в детстве тянулась к ней больше, чем все остальные братишки и сестренки, я липла к ней. Мама меня называла Тытытыкай — «Сюсюканька»... Мне верилось: только бы добраться до дома, прильнуть к маме — и все мои бедушки отвалятся как отсохшие стружья на царапинах детства...

Сережа был пастухом, сыном и внуком пастухов-кочевников. Он переносил на плечах Катерину через речки, разжигал костры одной спичкой, старался облегчить дорогу спутнице, как сестренке. И родная природа хранила их. Обнаружив свежие медвежьи следы, Сережа оставил «хозяину» всю связку юколы — откупился, чтобы не ходил за ними. Питались хлебушком, и Сергей незаметно отдавал Катюше чуть большие кусочки, чем себе. На третьи сутки в сопках за клубился, загустел туман. Сережа понимал, останавливаться нельзя, и они набрели в непроглядном мареве на палатку геологов. Двое парней — русский и латыш — «куковали», ожидая каюра с продовольствием. Но гости — они всегда гости, и парни поделились с путешественниками тем, что имели — варевом из риса с грибами и полбуханки хлеба.

Шли дальше, питались морошкой, голубикой, шикшей, вновь ласкало путников ясное солнышко, и на бродах игривых речек у самых сапог Сергея сновали рыбы.

А потом зачастили дожди, мелкие, пронизывающие. Но вышли к яранге, оленеводы приютили путников, накормили. Была грибная пора — и в их стаде случился откол, и пожилой пастух с палкой мчался по кочкарнику, не бежал — летел!

— Это надо было видеть! Это прекрасно, это надо пережить тому, кто ставит наши танцы. То была абсолютная красота движений, красота крайней рациональности, многовековой завершенности... Бег с палкой — это эквилибр! Мы шли дальше, взяв у пастухов вяленое мясо. И не было дождя, и Сережа пел чукотские песенки, очень распространенные в Беринговском районе.

И вот уж есть совсем нечего, искали брод через забурлившую после дождей реку, километр за километром по береговому галечнику, а чайки шли рядом и хохотали. Сережа терпел, а я швыряла в них камни!.. Перебрались через реку, промокли, сушились у костра, а утром я проснулась от холода, зуб на зуб не попадал. Подбросила сучьев в костер, и о чем я думала тогда? А думала я с благодарностью об «Аэрофлоте», за этот отчаянный поход благодарила.

Вновь пришли к яранге. Здесь были только женщины — тундровички в керкерах. Они поили нас чаем, а мяса подали до смешного мало, нарезали тончайшими ленточками. Я подумала, пожадничали, а они пожалели нас: нельзя наголодавшемуся обильной пищи давать!.. Вечером мы хорошо поели, чайковали, и я перевела с русского на чукотский и рассказала несколько анекдотов — и как они хохотали! И утром я проснулась от их хохота — вспоминали анекдоты... На седьмые сутки мы вышли к морскому берегу к заброшенной избушке, натопили плавником железную печурку. Утром мы услышали стрекот мотора, выбежали на берег: и вот он, старинный, давно вросший в песок японский бот, вот проливчик, а за ним — Хатырка, и идет по зеркальной воде моторная лодка, раздвигая воду пенными усами, а за ней ширится над водой голубой шлейф дыма.

Первый дом на сельской улице — дом дяди. Брат матери слушал одиссею племянницы, поил ее чаем и бульоном, потом сказал: «Не всякий мужчина прошел бы этот путь. Я проходил — потому и знаю».

А вечером в дом матери пришли старики и старушки, хвалили Катю, называли ее настоящей чукчанкой.

— И сколько потом прошло лет, гастролей! Бывали мы в республиках Прибалтики, на Украине и в Белоруссии, в Закавказье, в Казахстане и в городах бескрайней Сибири. Столичная пресса писала: «Браво, «Эргырон»!»

К далеким берегам Дуная ансамбль уехал без нее. Она ждала ребенка. Дочку назвали Машенькой.

— А в январе семьдесят восьмого танцевала в Москве, «Эргырон» участвовал в смотре профессиональных коллективов. И жизнь была прекрасной, я была снова гибкой и легкой!.. Вернулась в Анадырь через две недели. С Машенькой оставался Борис... А что может мужчина, даже самый лучший? Маруся ползала по полу, одинешенька: Борис на кухне кашку варил... Уж я наревелась!..

В солнечные июньские дни ансамбль «Эргырон» после годичной подготовки в Ленинграде с новым руководителем-балетмейстером Георгием Анатольевичем Ковтуном напряженно репетировал программу перед гастролями по районам Чукотки, посвященными 60-летию образования Союза ССР. Мне не пришлось побывать на концертах в Анадыре. Прилетев из Провиденция, застал лишь афиши. Город взволнованно переживал явление обновленного «Эргырона».

С Георгием Ковтуном были соседями по гостинице. Молодой, энергичный, рослый и красивый человек, Георгий оказался земляком — черноморцем. Он лауреат Всесоюзного конкурса балетмейстеров, на нем представлял работу с ведущими танцовщиками Ленинградского академического Малого театра имени Кирова. А до конкурса Георгий был балетмейстером ансамбля военного округа в Хабаровске, методистом хореографии, работал в тувинском ансамбле «Саяны», принимал участие в создании спектаклей Академического театра оперы и балета в Улан-Удэ... Он производил впечатление человека очень творческого, ролевого, знающего, чего хочет.

— При постановке первых же танцев все решили, что традиционный стиль к этой танцевальной группе неприменим. Тогда уж и я завелся, решил доказать обратное, и в феврале восемьдесят первого принял на себя ансамбль. Работали мы в творческой мастерской Ленконцерта. Был запланирован год занятий, но ансамбль сложился за восемь месяцев. Добились многого, правда, не без потерь — некоторые маститые танцовщики не выдержали нагрузки. Да, дисциплина у нас жесткая. Жаль, не пришлось застать в ансамбле великого мастера Нутетеина, думаю, он понял бы меня, поддержал своим авторитетом. Люди, случайные в искусстве, не понимают простейшего: умения и энергии самодеятельного коллектива хватает на один концерт, профессионалы должны привлечь зрителей, выступая на сценической площадке вечер за вечером! Для профессионалов необходимы сценическое разнообразие и мастерство и огромная физическая тренированность. Есть в Японии прославленный ансамбль «Девушки из Такарацуки», он проехал по всем странам Европы и Америки. Так вот, на репетициях — ежедневных — танцовщики совершают

по 11 тысяч прыжков! Танцовщики не имеют права показывать зрителям пот искусства — только легкость, только улыбки, только задор и изящество!..

Мне довелось бывать на репетициях ансамбля. Георгий Ковтун требователен без скидок — и юные танцовщицы, и сравнительно немолодой Александр Тевлялькот — все они были мокрыми, как пловцы. Георгий Анатольевич находит все новые и новые пластические выражения, тут же показывает их танцору, советуется, позволяет с собой спорить и не соглашаться, но, как только движение принято в «прениях сторон», оно отрабатывается с возрастающим рвением — работой, потом.

— На основе чукотской народной музыки написано несколько больших симфонических произведений, и мы их воплощаем в танцах. Это работы ленинградских композиторов Геккера, Сапожникова, Владимира Бибергана из киностудии «Ленфильм»: десятиминутная сюита «Мужество» впервые звучит в исполнении симфонического оркестра с национальными инструментами; «Охотник и нерпа» — по сказке «Женщина-нерпа» — симфоническое произведение для танца, впервые решенное на основе классики и привнесенными элементами народной пластики; «Разговор» — танец создан на основе фольклорного «Пока не наговорятся — не разойдутся», происхождение его — село Энмелен Провиденского района. Нарботано много. Мы уже сейчас можем «держать» самую взыскательную публику в течение двух концертных часов...

Георгий Анатольевич высоко ценит результаты проделанной ансамблем работы и очень надеется, что в предстоящих гастролях по Чукотке найдет материал для дальнейшего обогащения репертуара, надеется и на специальные фольклорные экспедиции в глубины районов. Только на фольклорной основе должен развиваться ансамбль, совершенствоваться и обогащаться репертуарная копилка.

— Мы пришли к концерту-моноспектаклю. В прекрасную концертную феерию выстраивается «Сказ о Вороне и сотворении мира» — в нем сочетаются творения эскимосских и чукотских сказительниц, современный балет и песня!

Музыку для этой вещи написал композитор ансамбля Вячеслав Брусник. Оформление пренадлежит ленинградской художнице Алле Фроловой. Очень хотелось, чтоб ансамбль стал основой национального профессионального искусства — музыкального театра, потом — драматического, национального балета!

«...Артисты первого профессионального чукотско-эскимосского ансамбля прониклись чувством огромной ответственности за судьбу песенно-танцевального искусства своего народа. Тщатель-

но анализировался каждый номер прежних программ, отбиралось самое ценное, самобытное, извлекалось новое из кладовых фольклорного наследия, собирался по крупицам опыт лучших самодеятельных коллективов Чукотки... Таким я мечтал видеть ансамбль, — сказал Юрий Сергеевич Рытхэу, который входил в состав приемной комиссии новой программы там, в Ленинграде (Советская Чукотка, 1982, 17 июня). Из этой же статьи «Утро поет»: «Несколько танцев поставлены Екатериной Рультинеут. Именно она, прима-балерина «Эргырона», знаток национального искусства, этим как бы утвердила мысль: новая трактовка старых образов возможна. Знаменателен и сам факт творческого роста артистов. Мы знали раньше замечательную чукотскую танцовщицу Рультинеут. Теперь познакомились с Рультинеут — постановщиком танцев».

«Магаданская правда» (1982, 22 июня): «Северная песня» — так называется новая программа ансамбля. Некоторые танцы («Эскимосская сюита», «Праздничные игры») родились из элементов традиционных танцев. Другие явились обработкой мотивов народного творчества Дальнего Востока («Хейдже»). «Семейные разговоры» — один из лучших номеров программы, навеянный впечатлениями изумительного по самобытности и выразительности танца, созданного в энмеленском ансамбле «Ракушка». И тут же: «Отрадно, что в этой программе дебютировала как постановщик танцев солистка ансамбля Е. Рультинеут. Ее танец «Врачские игры», как и остальные — самостоятельные произведения, вобравшие в себя богатейшие национальные традиции.

Ансамбль состоялся! Об этом свидетельствуют и горячие отзывы людей Чукотки, принимавших «Эргырон» на гастролях летом 1982 года, и выступления ансамбля на Всероссийском смотре профессиональных эстрадных коллективов в Сочи осенью того же года, и вызов в Москву для участия в праздничных декабрьских концертах в честь 60-летия образования СССР.

Анадырь, 1982 г.

Уэленские чародейки

...Я думаю: а что вас кормит?
В какую глубину уходят корни
И там какую влагу пьют?

Геннадий Юров

Редкое сочетание благоприятных обстоятельств: летная погода по маршруту и в Лаврентия и место — единственное — в Ми-4, который с райкомовскими работниками вылетает в Уэлен.

Название это есть на любой географической карте, даже на школьном глобусе. А ведь всего-то: население 900 человек, центральная усадьба совхоза «Герой труда», средняя школа и интернат, полярная станция и косторезная мастерская.

Уэлен в память людей моего поколения врезан с тревожных месяцев челюскинской эпопеи. Волнение за судьбу экипажа и пассажиров «Челюскина», и малышки Карины, рожденной в Карском море, и спасателей — арктических летчиков было общенародным. Отто Юльевич Шмидт казался мне, ученику-первоклашке харьковской 105-й школы, всемогущим Дедом Морозом.

...Летим над побережьем Берингова пролива. Пилот показывает заснеженный гористый выступ мыса Литке, делает разворот у мыса Дежнева, чтобы был виден памятник первопроходцу... Эх, остановиться бы, стать на последнюю твердь материка, сходить к пустоши покинутого эскимосского селения Наукан! Но снега там, снега непроходимые, и снежные козырьки нависли, готовые обрушиться лавинами...

Намытая волнами галечная коса протянулась с востока на запад — от скалистого уступа над селением к узкому гирлу лагуны, отсеченной отмелью от прибойной черты Северного Ледовитого океана. На косе в одну улицу вытянулся поселок. Старые, потемневшие от ветров и времени дома и новые, многоэтажные. Дом культпросветработы, поселковый Совет, красный флаг над ним. Правление совхоза и причалы совхозных вельботов. Здание мастерской... За лагуной — строения совхозной зверофермы и, пока лед, к ней из селения прямая дорога. На западе на недалеком горизонте синеют сопки побережья, там селения Инчоун, Энурмино, там мыс Сердце-Камень, дальше — Нешкан и устье Колючинской губы.

У Уэлена Чукотское море забито льдами до горизонта. Но бывает, за ночь ветер очистит видимую акваторию, и тогда плывут по черной воде далекие ледышки стаями белых лебедей. На берегу лагуны, там, где проходит условная линия меридиана, полярная станция, ее ажурные антенны.

В Уэленской школе мне подарили фотокопию схемы расположения яранг в Уэлене 1930—1935 годов. Отмечены жилища Тимофея Елкова, летчика, погибшего в военном небе Ленинграда, семьи Отке — председателя Чукотского окрисполкома того времени, отца Надежды Павловны Отке, нынешнего председателя, вот яранга, где родился и рос Юрий Рытхэу. Вот старая школа, над ней первый советский «комендант Чукотки» Алексей Бычков и секретарь ревкома Гавриил Рудных 20 августа 20-го года подняли красный флаг Страны Советов. Есть на схеме яранга Вуквола, художника-гравера, автора композиций «Легенда о Ленине» и «Спасение Челюскинцев», росписи портала на выставке «Народное творчество» в Государственной Третьяковской галерее. Вуквол ушел добровольцем на фронт Великой Отечественной войны и пал смертью храбрых. Теперь Уэленская мастерская носит его имя. Эта мастерская, организованная в 1931 году, объединила умельцев традиционного художественного промысла чукчей и эскимосов нескольких селений побережья.

В череде домов единственной улицы Уэлена есть похожий на многие другие — одноэтажный, на два хозяина, с сенцами, обтянутыми досками и рубероидом. Живет в нем Вера Эмкуль. Теперь она на пенсии и часто болеет, плохо видит. Квартира более чем скромная: одна комната, кухня с плитой. Хозяин дома охотник и мастер-резчик Теютин утром привез крупную нерпу и старался не мешать разговору, грел у плиты настуженные руки.

Вера Эмкуль и ее дочь Лидия Теютина — она переводила матери мои вопросы — уже закончили, разговаривая, разделку туши, прибрали шкуру и мясо и жарили для гостя печенку.

...У охотника Аромке и жены его Киунеут родилась девочка. Аромке мечтал о сыне — хотелось передать ему хитрости промысла морского зверя, главное дело мужчин, научить всему, что умел сам, а любил Аромке коротать вечера, вырезая при свете жирника из моржового клыка нужные в хозяйстве вещи, украшая их по-своему. Соседи-охотники очень хвалили его поделки. Но родилась дочка, и назвал он ее Эмкуль. Имя это с чукотского может быть переведено на русский язык приблизительно как «пустое», «не нагруженное надеждой»...

Потом рождались мальчики — восемь их было — и умирали один за другим. «Не нагруженная надеждой» осталась жить, стала большой художницей Верой Эмкуль.

Мастер Аромке был в числе первых основателей мастерской. В пятнадцать лет, после пятого класса Уэленской школы, пришла в мастерскую его дочь, впервые взяла в руки вагыльхин («коготок») — инструмент гравера. Было это в 1934 году. Художественным руководителем в то время был посланец материка театраль-

ный художник А. Л. Горбунков. В школьном музее хранится тетрадь его записок «Мое хождение за четыре моря» (1932—1937 гг.), из которой узнаешь, как выявлялись отдельные мастера, как формировалась уэленская школа косторезного промысла, диомидо-наукаканская стилевая группа.

Произведения чукотского и эскимосского изобразительного искусства пришли к нам из глубокой древности: известны рисунки тысячелетней давности — петгымельские петроглифы и более поздние ритуальные — на кости и дереве.

Изделия чукотско-эскимосских мастеров нашли рынок сбыта в конце прошлого века. Их охотно скупали американцы для перепродажи. Появились изделия, чуждые быту чукчей и эскимосов, — стаканы для карандашей, салфеточные кольца, портсигары. Но росписи на них были все те же, берущие начало от петроглифов.

А. Л. Горбунков собрал большую коллекцию произведений чукотско-эскимосского искусства. Он пригласил из прибрежных селений косторезов в мастерскую, существовавшую под началом тогдашнего Интегралсоюза. Он искал одаренных детей и занимался с ними, выявляя в их рисунках своеобразие видения мира, тематику. «Осваиваются элементы линейной перспективы, постепенно профильные плоскостные изображения животных заменяются изображениями с элементами объемной разработки, разнообразятся позы зверей, ракурсы. Больше внимания уделяется реалистической трактовке окружающего мира. Поверхность клыка используется более плотно, на ней развертываются сложные повествовательные композиции», — пишут А. К. Ефимова и Е. Н. Клитина, предвзято прекрасно изданный на русском и английском языках альбом «Чукотское и эскимосское искусство — из собраний Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника» (Художник РСФСР, 1981).

После года ученичества Вера Эмкуль начинает самостоятельную работу. Директором косторезной мастерской в то время был Игорь Петрович Лавров. Он часто выезжал в культурные центры страны, пропагандировал искусство уэленских мастеров.

Формируясь под влиянием Вуквола, Вуквутагина, Аромке, Ренвиля, Вера Эмкуль оставалась по-женски своеобразной. Ее работы в гравировке и рельефной резьбе «Перегон оленей», «Чукотские занятия», «Оленеводство», «Олени и волки», «Нападение волков на оленье стадо», ее сказки (цветная гравировка) «Куркиль», «Как мальчик победил врага» — подлинные шедевры, ставшие образцами и точкой отсчета в творчестве многих мастеров и мастериц Уэлена.

Шла Великая Отечественная война.

Муж Веры Эмкуль, охотник-промысловик и художник-резчик (известный мастер, работы его — в музеях нашей страны), молчаливый и добрый Теютин старался помочь жене в извечных домашних заботах, чтобы могла она больше времени уделять творчеству.

— Мой Теютин все возил на собачках: почту, уголь, товары... Когда спешно строили аэродром в Анадыре для перегона через Берингово море американских самолетов, — там работал каюром, чтобы нас кормить. А мы, постоянные работники мастерской, гравировали и резали клыки. Главным мастером был Вуквутагин, и сложилась у нас «боевая группа»: он, Аяя, падчерица его, Эмнына и я... Керосин был редкостью, Вуквутагин топил печи ребрами кита, костями моржа — и при свете печки мы работали. Случалось, и костей не было, работали только днем, а какой день зимой? Только бы вагыльхын — «коготок» видеть да пальцы свои, а они коченели до судорог... Гнали продукцию — клыки, сдавали в фонд обороны.

Припомнился каталог выставки «Народное искусство Чукотки» (Карахан И. Л., Митлянская Т. Б., Советский художник, 1977), есть в нем работы, датированные 41-м и 45-м годами, а произведений 42, 43, 44-го годов в каталоге нет! Может быть, нет их на выставках, нет в музеях нашей страны — ушли за океан, частью оплаты военной американской «помощи»?

Солнце склонилось к закату, и на лице Веры Эмкуль стали видны отсветы и блики живого огня плиты. Она сидела чуть ссутулясь: натруженные руки в непривычном покое темнели, вызолоченные закатом, как бы отлитые из благородной бронзы...

Вот золотая медаль ВДНХ. Вот документ заслуженного художника РСФСР. И еще один: «Диплом номер 462. Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 декабря 1976 года — Эмкуль Вере — художнице, за создание высокохудожественных произведений народного искусства из кости присуждена Государственная премия имени Репина».

Четырех детей вырастили Вера Эмкуль с Теютиным. Хорошим резчиком стал старший, Виктор, член Союза художников. Он родился в канун Великой Отечественной войны. В год Победы родилась Лидия, в 50-м — Таня, обе — граверы. В 55-м родилась Алла, училась в Магадане кулинарии, работает в столовой, пол-Уэлена кормит...

Лида Теютина, член Союза художников, рассказывала о своих детях, о детях сестер, — у Эмкуль и Теютина восемь внуков!

Лицо Веры, обычно суровое, сосредоточенное, смягчилось улыбкой. На плечах — старый цветастый платок.

В холодных сенцах Теютин распяливал для сушки свежую

шкуру. На дощатой стене висели вэлвьегит — «вороньи лапки» — снегоступы, сработанные из дерева, лахтачьих ремней и кости моржа, без единого гвоздя.

...В рабочих комнатах граверов тихо и светло. Это у резчиков шумы бормашин, таких же, как у зубных врачей, да еще тюкают поперечным теслом — гетте мастера, опирая клык на громадный чурбан, принесенный когда-то прибором Чукотского моря, срубают с клыка эмаль, обнажая бело-кремовый слой дентина. После обдирки, шлифовки и полировки к дентину прикасается только «коготок». Склонилась над клыком Любовь Нутек, мягко, почти не напрягая пальцев, ведет вагыльхын по млечно-матовой, теплой поверхности, оставляя едва видную линию. Она дочь Галины Тынатваль.

...У гарпунера-зверобоя Вуквутагина, занимавшегося резьбой по кости от случая к случаю, в 31-м году изменилась жизнь — он стал художником-резчиком, первым среди первых. Пришла труднейшая пора войны. Умерла жена его, Энреквекет — «Шагающая по звездам», — веселая, неунывавшая женщина. Болезни уносили детей... Занедужила и младшая, Энерьыттыынэ, но врачи спасли ее. Девочка была слаба, и отец, чтобы не потерять ребенка, дал ей новое имя — Тынатваль. А при паспортизации ей записали русское имя Галина.

Девочка окончила в Уэлене семилетку и пятнадцатилетней, в 1945 году, пришла в мастерскую. Дали ей клык со следами тесла — большой, тяжелый. Взгромоздила его на верстах, работала рашпилем, обдирая пальцы, наждачными шкурками всех номеров, потом полировала — и плакала. Пальцы кровоточили, никто не подходил, даже отец не глянул на нее.

До этого Галина присматривалась к работе мастеров, более того, выросла в их среде: рядом были отец и Вера Эмкуль. И вот — первый клык. И покрыла Галина все поле клыка орнаментом!

— Так никто еще не делал, — вспоминает Тынатваль, член Союза художников. — Мне очень понравился металлический портсигар-штамповочка военных лет, не чукотская работа. Для первого раза работа была сложная, но руку я себе поставила. А работать в мастерской не пришлось, тогда всякие артели позакрывали по всей стране — и нашу тоже, и я работала в райцентре — вместе с Ухсимой в исполкоме. Знаете вы эту женщину?.. Была я техничкой. Когда восстановили мастерскую, вернулась в Уэлен. Любимые мои мастера: Вуквол, Онно, Ренвиль, Эмкуль. У этих людей училась, повторяла их работы, пока не пришло свое. Что такое женщина в искусстве? По-моему, было так: наш художественный промысел начинали мужчины, они вырезали изде-

лия из клыка, тоскуя по настоящей работе зимой и летом, — кто был беден и не имел своей байдары, своего винчестера... А мы, женщины, когда взялись за вагыльхын, отдавались делу как песне — всей душой, всей женской сутью!.. Дети? У меня их пятеро: старший, Анатолий, работает в Лаврентия, окончил ПТУ в Провидения, — механизатор на стройке. Евгений и Григорий — тоже механизаторы, тоже в Провидения учились, Женя сейчас служит в армии, а Гриша здесь работает, в совхозе «Герой труда»... И дочки у меня — близнецы Люба и Надежда. Люба у нас работает — мастер-гравер.

Рассказывает Люба:

— Мне было восемь лет, и я все хорошо помню: мама начала слепнуть, часами сидела в глубине комнаты и смотрела на свет окна, иногда поднимала руку, поводила пальцами перед глазами. Мама наша — человек сдержанный, не щедрый на внешние проявления эмоций, а тогда стала вовсе замкнутой...

Галину Тынатваль направили в Магадан, к специалистам. Как просто выписывается эта фраза: «отправилась в Магадан»... А ведь за этим многие сутки ожидания вертолета в самом Уэлене, перелет в Лаврентия, как только появилось «окно» в непогоде, потом перелет в Анадырь, а там своя роза ветров... Сколько раз мне довелось сутками высиживать в залах Анадырского аэропорта, ждать у моря погоды! Представляю себе Галину, сжавшуюся от тяжелых дум и предчувствий, каково было ей, женщине, ей, художнице?..

— Страху я натерпелась. И дети еще маленькие, и работа моя — что я без зрения?.. Взялась за меня врач Лариса Дмитриевна, вот фамилию ее не знаю. Оказалось, отслоилась сетчатка... Другие больные, соседки по палате, рассказывали, что есть новая лазерная хирургия, «приваривают», как электросваркой, раз — и готово!.. Лариса Дмитриевна оперировала меня по-старому, долго. Потом больше двух недель лежала в послеоперационной палате. Во время перевязок на мгновения брезжил свет. Потом профессор сказал, что зрение восстановится, но не сразу и не полностью. Через год левый глаз стал видеть, а правый... там была еще и катаракта. Но — смогла работать и работала много.

В 72-м году троих художников Уэлена — резчиков Ларису и Анатолия Тымнетагиных и гравера Галину Тынатваль вызвали в творческую командировку в Москву и Ленинград. Работники научно-исследовательского института художественной промышленности Ирина Львовна Карахан и Тамара Бенциановна Митлянская заботливо встретили их, старых друзей.

— Порадовалась своей способности видеть — спасибо вра-

чам! Побывали мы в Музее Революции, в Музее Владимира Ильича, видела там и клык Вуквола «Легенда о Ленине»... Ездили в Загорск — храмы посмотрели. Побывали в историко-художественном музее. Через неделю поехали в Ленинград. Вот это чудо-город, спокойный! Посмотрели Музей Арктики, Музей этнографии и антропологии, побывали в Эрмитаже, в Исаакиевском соборе... Очень хорошо было! Напугали меня московские гостиницы. Потом, когда еще прилетала, всегда забирала меня к себе домой Ирина Львовна — она мой друг.

Четыре года спустя уэленский узел связи залихорадило: лавиной хлынули телеграммы, телефонные звонки — из райцентра Лаврентия, из окружного центра Анадыря, из областного Магадана и — из Москвы! Все поздравляли мастеров Емрыкаина, Сейгутегина, Веру Эмкуль и Галину Тынатваль с присуждением им Государственной премии РСФСР имени Репина.

— Приглашали нас в Москву к декабрю семьдесят шестого, но вы знаете возможности Аэрофлота у нас, да еще зимой! — попали мы в столицу в марте семьдесят седьмого. Премию вручали в Министерстве культуры: в Кремле шел шестнадцатый съезд профсоюзов. Особенно радовалась тому, что премию получала вместе с Верой Эмкуль, она ведь многому научила меня.

А в третий раз ездила я в Москву в семьдесят девятом, была вызвана на секретариат Союза художников РСФСР, проходил он в городе Владимире, и, конечно же, опоздала из-за непогоды; во Владимир не поехала, прожила несколько дней у Ирины Львовны. И Москву посмотрела — гуляла по улицам. И была на творческой конференции Союза художников в Москве, и уж так мне хорошо было с душевной подругой! Сказала ей тогда: «Уж очень мне хорошо, как бы чего не вышло!» И вышло: пришлось встретить новый, восьмидесятый год в Анадырском аэропорту, больше недели просидела, хорошо, хоть телевизор был!..

В цехе гравировки тихо, мастерицы вполголоса переговариваются по-чукотски, по-эскимосски. Склоненные головы, черные черные волосы, косыночки и платочки.

Люба Нутек:

— Сдала экзамены на мастера-гравера, получила отличную оценку. Теперь готовлюсь к авторской работе. Задумала гравированный клык по мотивам произведения Юрия Рытхэу «Терк» («Оборотень»), делаю эскизы, наброски. То, что неясно, — спрашиваю у старших, но не у мамы, она очень строгая: «Старайся сама!..» Недавно сделала повтор старой работы мамы — «Прокитенка», мне не стыдно. Худсовет принял с отличной оценкой, но мама — она ничего мне не сказала. Ох, трудно быть дочерью Галины Тынатваль!..

Невольно вспомнилось, как привез однажды в подарок друзьям-берлинцам сюзанэ — вышитые гладью ярким таджикским шелком на черном ситце цветочные орнаменты, и ляган (керамическое блюдо для плова) работы узбекских гончаров. Набросил сюзанэ на обеденный стол, поставил ляган... Друзья-берлинцы ахнули! — оба искусствоведы. Их «Ах!» мне показалось нарочитым.

— Вы, советские, с вашим многонациональным искусством, еще не ощущаете духовной тоски по красоте, созданной подлинными народными художниками, — у вас так много народов и народностей! А в Западной Европе давно уже голод на подлинники.

Действительно, как раскупают зарубежные гости — европейцы и американцы в наших магазинах канибадамские и исфаринские игрушки-свистульки с росписью по обожженной глине, фэдоскинские, хохломские, жосткинские изделия, дагестанскую чеканку, вологодские скань и кружева и произведения уэленских мастеров из клыка моржа!..

Мы очень богаты, очень — до небрежения!..

У резчиков я подолгу сидел у рабочего места молодого мастера Евгения Эйнеса, мужа Любы Нутек, наблюдал за тем, как на станочках делают заготовки — оконтуренные чурочки, в них уже угадывались моржи и медведи, и думал, как же трудились первые, обходившиеся самым простым инструментом, часто просто обломком наждачного камня. Много молодых гравиров и резчиков в мастерской. Работают каждодневно и по полному рабочему дню. Олени-рогачи, собачки в упряжках, каюры на нартах, охотники с копьями, медведи и медведи, моржи и моржи. И подставки к скульптурным группкам — из того же клыка с учетом его формы, его пластики. Но не всегда, бывают подставки-плашечки, бывают подставки чистые и с гравированным рисунком. Скульптуры дегально проработаны: и складки на животах и шеех моржей, и нависья толстых губ над клыками, и опояска видна на охотнике, и наконечник копья заострен.

Вглядывался в лицо мастера-гравировщицы Валентины Тагьёк. Во время работы оно отрешенное, бледность проступает сквозь легкую эскимосскую смуглость. И вспомнилась мне другая Валентина — с пылающим румянцем, аристократично-эlegantная в национальном одеянии, на редкость пластичная в танце. Тогда эскимосский фольклорный ансамбль «Уэлен» исполнял свою танцевальную сюиту «Телефонный разговор». В ее танце не было привычности заслуженных танцовщиц, не было скованности дебютантки — она танцевала вся! Красноречив был этот танец, в нем читалась — в подробностях! — драматургическая

канва: телефонный разговор молодого охотника-зверобоя и счастливого отца с молодой женой из далекого родильного дома. Было обидно, что нет съемочной группы, синхронной кинокамеры, нет рядом моего таджикского друга оператора Абдулло Ташева — он так умеет снимать танцы!..

Склонилась к клыку Валя Тагьёк, талантливый человек, ученица уникальной танцовщицы из Лаврентия бабушки Имаклик и великого Нутетеина, заслуженного артиста РСФСР, создателя национального ансамбля «Эргырон».

— Задумала выгравировать клык — все с тем же «Телефонным разговором». Отбираю элементы танца — для пластики рисунка, ищу композиционное решение. Может получиться интересная работа. Должна получиться...

Славятся в мире статуэтки-миниатюры японских художников-резчиков «нецке» — да, они прекрасны. По-моему, творения уэленских мастеров не уступают японским. Они несут в себе высокий покой единения с родной природой, философскую мудрость бытия людей самой крайней Ойкумены. Моржовый клык — материал не вечный, да и ничто не вечно под Луной... Вспомним тяжелейшую утрату, гибель значительного числа произведений чукотско-эскимосских мастеров, экспонированных на выставке в Доме народного творчества Минска — это было в первые дни Великой Отечественной. Но не только под бомбами и в пожарах войны гибнет клык, он просто не вечный материал. Погибшие произведения остались на фотографиях. Конечно, и на том спасибо, но уж лучше сохранить киноизображения: движущаяся камера дает возможность передать объем. Но для кино тогда снимали мало, и сейчас тоже — разрозненно и мало.

Закончился ремонт выставочного зала мастерской. Художник-монументалист Эдвард Таченко, преподаватель уэленской «Школы искусств», завершил росписи настенных панно. Очень запомнилась вылепленная Эдвардом модель монумента «Женщина Крайнего Севера». Даже в пластилиновой миниатюре читается величие скульптуры, задуманной художником в бронзе, многометровой. Женщина в керкере, спущенном с плеча, освободившая грудь для кормления ребенка, — плотно и осанисто стоит она, закрываясь ладонью поднятой руки от солнечных лучей, вглядывается в морскую даль, обрамленная двумя вздыбленными ребрами гигантского кита... Таченко видит эту скульптуру установленной у «портала» Китовой аллеи на острове Ыт-тыгран. Сбудется его мечта, и будут салютовать гудками корабли, идущие проливом Сенявина — ей, несущей жизнь!

Мне повезло, застал в Уэлене командированную из Москвы художницу и знатока косторезного искусства Ирину Львовну

Карахан. Часто встречал ее в окружении художников мастерской, на художественном совете, наблюдал, как задушевно разговаривают с ней мастера, показывают эскизы и работы.

Ирина Львовна связана с Уэленской мастерской пятнадцать лет. В Уэлене одна гостиница, и мы жили по-соседски: вечерами пили чай, разговаривали.

— В нашей стране есть два главных центра косторезного промысла: на родине Ломоносова и здесь. Роль и значение Уэленской мастерской в творческой деятельности Чукотки и всей Магаданской области трудно переоценить, здесь красноречивы цифры: в области живут и работают шестнадцать членов Союза художников СССР, из них девять — в Уэлене. Здесь шесть заслуженных художников РСФСР, четыре лауреата Государственной премии республики, единственный лауреат премии Ленинского комсомола — гравер Майя Гемауге.

С Ириной Львовной делюсь замыслом создать большую этнографично-искусствоведческую кинокартину, способную вобрать и сохранить для потомков живые образы уэленских мастеров, их произведения — в самом творческом процессе: от заготовки, вырубаемой гетте, от первых прикосновений резца и «коготка» до явления шедевра. Самое главное наблюдение: основные мастера Уэлена сегодня — женщины. Им проложили дорогу в творчество Вера Эмкуль, Галина Тынатваль, Елена Янку.

Уже перед самым моим отъездом к руководству мастерской пришла Галина. Обнялась с Ириной Львовной, долго молчала.

— Так, чувствую себя получше. Буду гравировать клык «Рассказ о Ленине», уже все продумала. — Галина была сдержанной, суровой.

Кто-то спросил, каким портретом Ильича она воспользуется для воспроизведения на клыке. И Галина Тынатваль ответила:

— Образа самого Ленина на клыке не будет. Работа будет содержать образ его идей. Это будет рассказ о нас!..

Уэлен, 1982 г.

Золотая тропа Натальи Хабаровой

*...От места,
где я в это время была,
по недавнему
свежему снегу
чья-то тропка
легко и уверенно шла
прямо в горы,
к полному небу...*

Владимир Тынескин

После полудня летная погода сменилась жестким шквальным ветром. К ночи двухэтажный дом наш скрипел и стонал, и совсем непонятно было, как в нем сохраняется тепло. Даже занавески на окнах не шевелились... По телевизору шла московская программа, уютно светил торшер, в соседней комнате веселились командированные горняки и с ними паренек из Орджоникидзе, геолог Самед.

Изголовье моей постели упиралось в капитальную стену. Там, снаружи, что-то скрежетало, будто некто мохнатый и когтистый пытался сорвать облицовку, штукатурку, добраться до кирпичной кладки. И вдруг мне ясно представилось, что между изголовьем и Северным полюсом ничего, кроме этой стены, нет.

Гостиничная квартира Шмидтовской геологоразведочной экспедиции размещена в доме, задняя стена которого в тридцати метрах от береговой черты Чукотского моря. Там заснеженные торосы ломаного берегового припая. И ветер ревет, как расшвырявшийся белый медведь. Уснул я только к утру.

Мне предстояла встреча с главным геологом Шмидтовской экспедиции Героем Социалистического Труда Натальей Евгеньевной Хабаровой. Наслышан я был о ней. Разные люди — в Москве, в Магадане, в Анадыре — говорили о ней разное, часто противоречивое. Но одно было общим: она не жалуется нашего брата, пишущих. Не жалуется, а потому избегает, высмеивает и отмалчивается. Фотографию ее я видел только одну — в районной газете «Огни Арктики», не очень четкую: высокий и широкий лоб, ясные глаза в обрамлении «гусиных лапок» — морщинок прищуря, свойственного людям, привыкшим идти навстречу ветру и смешливым.

О встрече мы условились еще по телефону из Анадыря. Говорила она сухо и корректно. Сказала, что очень занята, готовится к годовому отчету в объединении «Севостгеология»...

* * *

Она оказалась маленькой и крепкой. Сутулилась за должностным столом, не часто поднимала глаза. Деловой пиджачок,

никакой бижутерии. Руки на столе, ладонки прижаты к столешнице. Чувствовалось, что все эти интервью «по личным вопросам» ей ни к чему, и не только потому, что она очень занята подготовкой к отчету...

— Вы уж потерпите. Писать о вас, о вашей работе — моя работа.

— Понимаю. Поэтому и не отказываюсь... Начнем?

— Вы всю жизнь работаете «на золото». Как вы к нему относитесь, к Желтому Дьяволу?

— Оно меня волнует. Как полезное ископаемое. Оно ведь разное, золото. Для опытного геолога, конечно. Вот как халцедоны, — она кивает на застекленные шкафы с образцами. — Красивые, правда? Вот куветские, яканские — с берегов реки Яканваам. Так и золото. Опытный глаз сразу определит, с какого оно месторождения: по характерной рубашке, по цвету, по пробыности, по крупности зерен. У россыпушки — тоже разности: из какой долины, в каком месте долины... По образцу можно определить даже коренное ложе, на котором россыпь. Кстати, что вы знаете о геологии вообще, о нашем районе в частности? О мысе Шмидта что вам известно? — вы ведь москвич и всего второй раз здесь. Я тут подготовила вам некоторый минимум, расфасованный. Прочтите, пожалуйста, к следующей встрече. Для достижения взаимопонимания.

Подала стопку книг и журналов, лукаво глянула и прыснула вдруг по-школьному. Я тоже расхохотался. В дверь кто-то постучался, тут же заглянул вихрастый парень в очках.

— Я занята, чуть попозже, пожалуйста! — Наталья Евгеньевна все еще смеялась, крошечным платочком промокала заслезившиеся глаза. Теперь она не сутулилась, откинулась свободно на спинку стула, кулачок с платочком прижат к груди...

— Откуда вы родом, Наталья Евгеньевна?

— Анкетные данные? Пожалуйста. Родилась я 24 марта 1936 года в селе Бочаты Кемеровской области. У мамы, Нины Сергеевны, сельской учительницы, было нас трое дочерей — я младшая — и сын Дима, он уже после меня, последыш... Старшая сестра Ксения, средняя — Марина и я — все учились в нашей школе, потом Дима там же учился...

— Вы не сказали об отце!

— Отец наш, Евгений Викторович, заведовал в поселке аптекой. В тридцать седьмом году его репрессировали. Мне был год. Дима родился уже без него. Мама специального образования не имела, замуж ушла с первого курса мединститута, но воспитывалась в интеллигентной семье — дед мой был профессором Омского мединститута. Потом я часто встречала людей, благодарно

помнящих хирурга Сергея Павловича Мочалова... Мама знала иностранные языки, преподавала. Как жили мы? Мама работала по пятьдесят шесть часов в неделю. Огородничали мы все, картошка своя, овощи всякие... Я ведь помнить начала только с войны — грибы мы собирали, помногу. Уже школьницей была — мы раненко в лес убегали, до уроков успевали набрать, потом солили и продавали — блюдами. Это было самым неприятным — продавать. Чаше Марина этим занималась, Ксана постарше, ей стыдно было, я — младшая, просто не умела. Вот Марине и доставалось. Ей вообще пришлось горечи больше, чем нам всем. Продаст, бывало, принесет буханку хлеба, кирпичик такой смуглый, тяжелый...

Мы все — друг за другом — поступали в Прокопьевский горный техникум. Самое близкое учебное заведение, во-первых, край наш шахтерский — профессия традиционная, во-вторых, спецодежду давали — форменную, стипендию, в-третьих, к дому поближе — картошку ли привезти, на каникулы ли съездить, в огороде помочь. Экономика, она в корне всего, бытие определяет сознание...

Слушал я Наталью Евгеньевну, и для меня это было нечто большее, чем просто рассказ. Знал я те места и то время. Вспомнился Прокопьевск военных лет. Грохот тяжелогрузных составов с двойной локомотивной тягой — из Прокопьевска шли эшелоны коксующегося угля на Новокузнецк, навстречу им грохотали составы со стальным прокатом, с танковым литьем. Вокруг нашей двадцать девятой школы на пустошах, между провалами старых выработок, на всяком мало-мальски пригодном месте — огороды, хилая картошка на земле, пропитанной угольной пылью. Огораживали земельные участки чем попало: железяками, перепутанными проволокой, штакетником из бросового досочного гнилья, черными обломками проходческой крепи... Перед окнами нашего класса был огород больницы, обнесенный ржавыми кроватными спинками. А за тем огородом была магистраль, по ней шли составы. Теперь, через три с лишним десятка лет, если заставят вспомнить, чему равен куб суммы двух чисел, — отбарабаню почище сегодняшнего зубрили — в ритме колесного эшелонного раската тех дней, той школы на Военной улице...

Наташеньке в то время было шесть лет. Моей сестренке Ньюшке — три года. Школьникам в те дни — добавкой к четыремстам граммам пайкового иждевенческого хлеба давали еще сто граммов: дежурный в сопровождении учителя вносил в класс поднос с взвешенными ломтиками темного ноздреватого, почему-то всегда с подгорелой корочкой, хлеба. Мы подходили без тол-

котни, и дежурный клал на протянутую ладонь этот самый ломтик... Помню, не многие съедали его тут же. Я приносил этот хлеб Ньюшке. Она, слабая, сидя в кровати, медленно разворачивала тетрадный листок в косую линейку, и густейшие ее золотые локоны, необыкновенно трудно промываемые плохим хозяйственным мылом (тоже пайковым), закрывали ей лицо. Она отщипывала крошки и брала их в рот с ногтя указательного пальца, тонкими пальцами раздвигала волосы, щурила глаза благостно и говорила проникновенно: «Сладкий хлебушек!» В квартире из трех комнат жили четыре семьи — одна коренная и три эвакуированных, всего одиннадцать человек...

— После второго курса геологов трех техникумов — Прокопьевского, Осинниковского и Сучанского (Приморского края) объединили, получился Осинниковский горный техникум. Вот его я и окончила. Ксана к тому времени уже работала геологом в Южно-Сахалинске, Марина — мастером ОТК в поселке Красный Брод, там она и жила больше двадцати лет... Семье стало полегче, и я сразу же, не теряя запала, поступила на геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Это было осенью тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Институт — огромный, в тот год учились в нем тринадцать тысяч студентов, только на нашем геологическом факультете — две с половиной тысячи! Немудрено было потеряться в таком многолюдье. Но нам, выпускникам техникумов, было, конечно, легче, чем пришедшим из школы. Сказывался опыт общежитского жития-бытия, самостоятельности, умения «считать стипендию скудные копейки» — так, кажется, у Симонова в поэме «Первая любовь»...

Наталья Евгеньевна — маленькая, милая, смешливая, остроумная, не без сарказма женщина, легко вписываемая в привычный для большинства интерьер с креслом, торшером, пледом и белой кошкой на коленях.

Наталья Хабарова за двадцать лет работы на Чукотке поднялась на очень высокую должностную ступеньку, начав многими ступеньками ниже той, на которую может претендовать геолог-специалист с высшим образованием. И никогда не пользовалась рыцарскими услугами мужчин — ибо они были геологами, каждый со своей трудной задачей — только бы справиться! — и она геолог со своей трудной задачей. И всегда считала: «Назвался груздем — полезай в кузов!» Неоспоримо трудно женщине в тесном мужском коллективе. Трудно на равных работать, трудно в быту, кочевом и неустроенном быту геологов. Понимаете, читатель, о чем я говорю?

Незадолго до встречи с Натальей Евгеньевной я познакомился в Москве с замечательной женщиной-геологом, проработавшей

на Чукотке сорок два года, — первооткрывательницей двух месторождений, кавалером двух орденов Трудового Красного Знамени Любовью Михайловной Шульц. Она уже несколько лет на пенсии, живет вблизи Таганки в квартире, напоминающей геологический и этнографический музей. Она и муж ее, геолог, ветеран Колымы и Чукотки, Николай Трофимович, тоже пенсионер, рассказывали мне — вместе и по отдельности, — каково работать женщине-геологу вообще, а на Чукотке в частности. Да, говорили они, труд геолога на Крайнем Севере теперь гуще обставлен техникой — специальной геологической и геофизической и транспортом. Да, неизмеримо больше конских хвостов (лошадиных сил в механической и электрической тяге) помогают геологу в его работе. Но, говорили они, место работы геолога — поле, в чукотских условиях — тундра, и это условие остается неизменным. Тундру к письменному столу не подтянешь, ковровыми дорожками учрежденческих коридоров не застелешь. Геолога делает геологом поле — так было, так будет до той неясной поры, когда последний геолог отобьет молотком последний образец — и это будет Последний день познания Геи... Но тогда, вероятно, геолог переформируется в космолога (или как там еще его назовут) и в скафандре, но с тем же молотком проложит тропинки на далеких планетах. Все равно — поле.

И Наталья Хабарова начинала свой рабочий день не в год расцвета геологической техники, мягко скажем.

Так вот, Любовь Михайловна на вопрос: «Что есть главный стержень личности геолога вообще и женщины-геолога в особенности?» — ответила не задумавшись: «Характер. Не железный — стальной: достаточно гибкий, предельно упругий, предельно противостоящий остаточной деформации». Жизненный путь Героя Социалистического Труда, главного геолога (единственного на Северо-Востоке страны!) экспедиции, базирующейся на арктическом мысе Шмидта, Натальи Евгеньевны Хабаровой каждый день, каждым годом работы, каждым ее деянием доказал: она обладает таким характером. Вот и хочется мне проанализировать, как закалялась сталь, как складывался этот характер, как формировалась личность незаурядная, из общего ряда вышедшая.

Как выяснилось, детство Наташи Хабаровой трудно считать благополучным. Безотцовщина. Все старшие — женщины, взрослая — одна Нина Сергеевна, да и та ко дню потери мужа была мало подготовлена к материальным затруднениям. Взросление Наташи происходило в ту пору, когда семейство Хабаровых накапливало опыт жизни без главы семьи — без мужа и отца. Выработывалось нравственное кредо: только труд сообща обес-

печит необходимое. Работали все посильно — от мала до велика. Огород, грибы и ягоды — «дары природы», за эти дары рассчитывались часами и километрами по лесному бестропью, и все с поклонами — каждому грибку, каждой румяной земляничке поклон... В летнюю сушь таскали на огородные грядки бессчетные ведра воды... На конских дворах выпрашивали навоз на удобрение — а на это добро желающих было много... Работали все — мама в школе целый день, девочки — до и после уроков. И каждый не сколько хотел, а сколько мог, «до донышка». И все же самое трудное доставалось Марине — продавать грибы блюдами... Значит, нравственное кредо семьи имело и такой корень: трудиться легче, чем торговать продуктом труда!.. Стыдно было стоять на рынке, отмерять соленые грибы блюдами, запрашивать цену, эквивалентную затраченному труду трех девчонок.

«Не потопаешь — не полопаешь» — так начинала Наташа жить. И так жили соседи, ближние и дальние, — в первый класс Наташа пошла в сорок четвертом году. А весной, в марте — апреле, фронт грохотал на Висленских плацдармах, была освобождена Одесса. В огненную мельницу войны втягивались призывники рождения двадцать пятого, двадцать шестого года. Наташа дождала до первых зимних каникул, до первой школьной елки — фронт нашей армии ринулся в яростное январское наступление на Одере. Освободив Польшу, советские войска вступили в пределы гитлеровской Германии.

Соседями семьи Хабаровых, ближними и дальними, были женщины, солдаты и вдовы, и их дети. На их труде держался тыл Великой войны.

Работать не сколько хочешь, а сколько можешь, «до донышка».

...После второго курса техникума была первая производственная практика в шахтерском городе Белово, «близнеце» Прокопьевска. Те же терриконы, куда ни глянь, та же тонкая угольная пыль, белый воротничок к обеду уже... не белый, нужно успеть спороть, простирнуть, свежий подшить. Все, что показывает руководитель практики, — запомнить, осмыслить, увязать с узанным вчера, а лучше поделат своими руками — память уставших рук, водяных пузырей на ладонях, она крепче. Своего рода шаргалка, написанная на всю жизнь.

— Когда нас объединили — геологоразведчиков из трех техникумов в один Осинниковский — и мы съехались в общежитие, то тут же, конечно, сами по себе сложились коммунки: продукты домашние объединили, учебные пособия, книги, даже одежду умудрялись обобщить — девчонки же... Кому выпадало на свидание идти, на танцы — та и надевала лучшую в комнате блуз-

ку, юбчонку, туфельки. Тут уж вся коммунка руки приложит, чтобы наша была не хуже других.

...Наталья Евгеньевна потчевала меня грибным супом и жарким собственного приготовления, на попытки мои отказаться, обойтись чашкой чая, отвечала, что очень хорошо знает быт командированных людей, а домашняястряпня еще никому не повредила, не в пример столовской.

Ее двухкомнатная квартира в том же доме, что и обитель для командированного люда, окно выходит на все тот же берег Ледовитого океана, и выяснили мы, что недавний штормовой ветер ей запомнился — допоздна читала она тогда «Ночной полет» Антуана де Сент-Экзюпери.

— Очень кстати ветер. Особенно в том месте, где описывается сожженное солнцем плато на африканском нагорье и находка остекленевших капелек, следов вулканических катаклизмов, терзавших Землю на заре ее юности. Вы как-нибудь попробуйте почитать под завывание ветра. Многое понимается по-иному.

К этому времени я уже был проэкзаменован по заданному минимуму — «Хронике геологического изучения Северо-Востока СССР» и «Краткой истории поселка Мыс Шмидта», — старательно и напряженно выкрикивал даты, имена и наименования, после чего был удостоен снисходительной улыбки и оценки, что-то вроде: «Ну, на первый раз и для непроходимого дилетанта — сносно...»

— Вообще-то в ту пору очень хотелось все попробовать, все испытать. Детство кончилось, юность только начиналась. Но на нашем курсе была группа парней из Сучана, уже отслуживших в армии, взрослых и многоумудрых, — нам, девчонкам в неполных семнадцать, они, двадцатипятилетние, представлялись чуть ли не дедами. Так вот они нас опекали так, что о маминой опеке вспоминалось как о днях махровой свободы! Мы пытались бунтовать — но куда там! Мы были прирученными, а за нас приручившие всегда в ответе — так в «Маленьком принце»? Парни имели опыт армейского коллективизма, основанного на непрерывном чувстве локтя, на взаимовыручке. Они держались на курсе единым ядром и вели всех за собой — мальчишек, пришедших из школы, нас, девушек, а нас было немного. За первые полгода мы усвоили их дисциплину сознательно, на их примере видели, что дает спайка. Учение им давалось трудней — мы это тоже видели, а по успеваемости они шли впереди. Помогали друг другу, натаскивали отстающих. И мы потянулись за ними. Учились тщательно вести конспекты, усидчиво, до отличного результата, чертить, без жеста делиться последним — и не пользоваться чужим конспектом, чужим чертежом, «шпорой»...

На последнюю в техникуме практику я попала к озеру Ханко, в Приморье. Места дикие, прекрасные. По-моему, там впервые обратила внимание на то, как человеческая деятельность зачастую уродует окружающую среду. Бульдозеры крушат тайгу, цветущие кустарники, и не только там, где по расчету нужно, а по периметру и внутри, от широты бездумности!..

В предыдущий вечер беседовал с командированным магаданским горняком Юрием Семеновичем Перцевым. Он знаком и дружен с Натальей Евгеньевной много лет, с начала семидесятых. Как раз он и рассказывал в тот вечер о базе геологов на Иннахе:

— Мы раскорчевали солидную площадку, вычистили «под бритву». И только потом я обратил внимание на поселок геологов: все домики под деревьями. Горько мне стало и стыдно: у нас рыжая пустошь, а у них естественный парк. Я уверен, у геологов вообще повышенное и трогательное бережение природы. Они первыми видят красоту нетронутую...

— Вы так восприимчивы к красоте, Наталья Евгеньевна? Ведь геолог по сути дела инженер, технократ.

— А вы считаете, инженеру по душе только рациональность? Кстати, вы не задумывались о том, что красота, как правило, рациональна? Вы любуетесь стремительными обводами современного воздушного лайнера, а ведь это красота инженерной завершенности, рациональности — ни одной лишней детали, господство расчетной пластической линии... Роден говорил: «Беру мраморную глыбу и отсекаю все лишнее!» И у Чехова, если помните: «Умение писать — это умение вычеркивать». Опять же, убрать все лишнее... И если раньше в инженерии господствовала симметрия — кстати, как и в природе, вспомните кленовый резной лист! — то сегодня инженерная эстетика свободно разрушает симметрию, пусть примером будут часы на вашей руке, отличная «Слава». Присмотритесь, корпус часов несимметричен, здесь нет параллельных срезов, часть стекла ниже закраины корпуса, часть — выше... Красота природы тоже рациональна. Прекрасны реликтовые сосны на Пицунде, но они вырастали в распадках и под покровом теплых гор... Красивы стланики на сопках Колымы и Чукотки — но их в зиму укроют от мороза снега!.. Все в природе связано зримыми узлами. Мы, геологи, изучаем растения, ведь многие из них, как лакмусовая бумага, показывают наличие полезных ископаемых глубоко под их корнями.

...Беззвучно работает телевизор-малыш. Смешно смотреть, выключив звук, на поющего человека. Рот раскрывается, как при долгом вдохе, как будто бы там, на сцене, разреженность воздуха арктического Крайнего Севера. Тепло, уютно. На подо-

коннике, на стенах гирлянды комнатной зелени. Зеленый цвет — дефицит Арктики.

— Наталья Евгеньевна, и вот вы поступили в Томский политехнический институт...

— И вот я поступила в Томский политехнический институт на геологический факультет, в числе других двух с половиной тысяч студентов этого факультета. Была я о-о-пытной ученицей! И потому в первую очередь старалась узнать тех, кто нас будет учить. А преподавательский состав у нас был замечательный!

Наш геологический факультет был создан Владимиром Афанасьевичем Обручевым, Обручевым-старшим! — на базе горного факультета. Да-да, тем самым академиком Обручевым, широко известным автором романов «Плутония» и «Земля Санникова», почетным президентом Географического общества СССР. Он был первым деканом нашего факультета, потом передал свой жезл тектонисту М. А. Усову, тоже большому ученому. Профессор Шахов, старший преподаватель Томашпольская — старая и закаленная геологическая гвардия. Мы, девушки факультета, все были влюблены в Юрия Алексеевича Кузнецова, члена-корреспондента Академии наук СССР, очень он красивый был и элегантный. Все ему глазки строили, вздыхали томно, а он — со всеми ровный, обходительный. Читал он нам курс петрографии — и как читал! Палеонтологию вел профессор Халфин, профилирующий предмет, общую геологию — «наш личный Иванкин» — так мы его звали, он больше всех с нами возился. Минералогию читал Алексей Михайлович Кузьмин. У него что ни лекция, то поэма! «Веды» и «Махабхарата»... Знаете, студенческие годы мои в Томске пронеслись как один яркий день. Конечно, бывало трудно, бедушки всякие случались — это естественно, но — не запомнилось ничто пасмурное, один сплошной праздник... Времени всегда мало было! Очень запомнились поэтому всяческие изречения и цитаты о цене времени, до сих пор помню: «Тот, кто считает свое время минутами, имеет в шестьдесят раз больше времени, чем тот, кто считает его часами!» — или вот, из биографии Эдисона. У него спросили, что самое ценное в жизни человеческой? И Томас Эдисон ответил: «Время! За все богатства земли нельзя купить ни одной ушедшей секунды!» Надо заметить, что мне и потом — всю жизнь! — не хватало времени, считала ли я его минутами, часами ли... Поэтому, вероятно, не любила велеречивых выступальщиков: мысль выскажет крошечную, а изложит за лекционный час... Меня и сейчас жуют за телеграфный стиль выступлений, докладов, статей — так приучилась, от Тургенева: «Друг Аркадий, не говори красиво!» А вот надо же, разговорила как с вами! Чаек способствует, что ли?..

Да, тот чай, которым щедроугощали меня на Чукотке разные люди — водители на Иультинской трассе, ученые на обсерватории мыса Шмидта, журналисты в Анадыре и друзья-писатели в Магадане, — арктический черный чай — черный не потому, что не зеленый и не плиточный, а потому что заварен щедро, до дегтярной вяжущей горечи, — этот чай в песне бы воспеть. Его бы рюмками пить, ржаной корочкой занюхивать... Когда измотаешься до упора после многочасовой гонки на вездеходе по тундрово-сопочной целине, когда голова держится прямо только благодаря туго намотанному шарфу и свет спрессовался в мутное пятно — последний блик жизни, — прими в застывшие руки железную кружку, со всхлипом втяни первый обжигающий глоток этого чая, потом второй, третий! И мир возвращается к тебе из камеры-обскуры, а допив кружку, говоришь лихому водителю: «Готов! Сколько там километров осталось?» Геологи тоже ездят в вездеходах, им тоже введома транспортная усталость. Но геологи еще и пешком ходят...

Вышел на улицу. Тихо, ни ветерка. Мороз прищемил уши, щеки, перехватил дыхание — крепок, «как спирт в полтавском штофе»... Обошел дом — к береговому припаю, к торосам. Стылая пустошь океана не сливалась с черным небом, а лишь темнела с далью, далекий горизонт ночи оставался четко двухцветным: белое поле льдов, черный бархат неба.

И вдруг вспыхнуло и разлилось и заполоскалось воочию видимое, но все же ирреальное северное сияние! Ведь не в первый же раз, но такое ощущение, как будто видишь это ты один, и никому другому это не дано было и не доступно сейчас. Ждешь с ревностью восторга за спиной, вот как будто сейчас грянут овации — и не обернуться, чтобы ни на миг не оторваться, чтобы все увидеть, впитать навечно. Стою напряженно, вглядываюсь в каждое колыхание, в каждый зыбкий луч, откладывая в зрительной памяти, как в слое бромистого серебра киноплёнки, красоту и студеное величие загадочного небесного действия. Ох, хоть бы не кончилось, хоть бы еще один перелив! Но опадают сиреневые столбы, как будто за океанским горизонтом выключились далекие прожекторы зенитного строгого света, как будто слой за слоем спускалась со звезд театральная дымчатая кисея, гася неземной свет...

У подъезда стоял молодой специалист Самед, уроженец Северного Кавказа, — в ботинках на босу ногу, полушубок внакидку и в трусах. Высвеченный льдистым светом звезд и неподвижный, как парковая статуя, он смотрел на северный горизонт, и кристаллики инея опушили его юные усы и модную кавказскую небритость.

— Что это было? — пролепетал он голосом, связанным оскоминой пережитого зрелища. — Это было оно?

— О н а... Северная феерия! Марш под одеяло!

Уже давно все спали, в темном тепле комнат горько пахло табаком и тонко «Ркацителю», а озоном не пахло. На кухне пиликал редчайший в этих краях сверчок, бережно всеми хранимый, в прихожей шелестел брошенными газетами гостиничный старожил Базиль — сиамский кот морозостойкой мутации, в комнатах — в каждой свой — заливались храпуны.

— Самед, ты жил в гостиницах без солистов-храпунов?

— Я первый раз живу в гостинице... Скажите мне, это было северное сияние? Оно всегда такое?

— Оно каждый раз разное, Самед. Кстати, это повод написать маме большое письмо. Ты отсюда еще не писал?

— Жду назначения... Еще надо побеседовать с главным геологом Хабаровой. Говорят, сильная, крепче мужчины. С такой работать!..

— С такой работать — счастье твое, Самед. И об этом напиши маме.

Уснули мы разом, как выключились.

* * *

Утром долго сидел над записными книжками, расшифровал скоропись, пытаясь проанализировать прожитое Натальей в годы «томского периода» все с той же задачей — проследить по вехам становление характера, факторы, влиявшие на формирование личности.

Общение с замечательными людьми — преподавателями, увенчанными лаврами научных достижений и ореолом подвижничества в науке, заложило фундамент профессиональных знаний, разожгло в душе негасимый огонек — символ веры в свою личную способность быть полезным и нужным. Осознанная гражданственность, личная причастность — посильная, но до дышка! — к общенародному делу процветания и мощи Родины... По-моему, именно этот запас духовности вынесла из стен института Наталья Хабарова. Как видите, читатель, меня не испугали «громкие» эти слова, часто употребляемые всуе. Понятия, за ними лежащие, стали опорной ступенью всего последовавшего восхождения геолога Хабаровой к высотам общенародного признания.

Наталья, выпускница геологического факультета Томского политехнического института, по распределению, одна из немногих, получила в Магадане направление на Чукотку, в Билибино,

в только что организованную Анюйскую геологоразведочную экспедицию. Был август 1960 года.

Краткая историческая справка об исследованиях Чукотки к 1960 году (из материалов, данных мне главным геологом Шмидтовской ГРЭ Н. Е. Хабаровой).

До 1909 года исследования Чукотки носили преимущественно географо-этнографический характер. Научный интерес представляют результаты путешествия вдоль побережья Восточно-Сибирского моря до мыса Якан лейтенанта российского флота Ф. П. Врангеля (1822—1824 гг.) и исследователя континентальной Чукотки Т. Майзеля (1868—1870 гг.). Особое внимание привлекла Чукотка в связи с золотым бумом на Аляске в начале XX века. Вот тогда и возникла легенда о Золотом Олене — вольно пасся он, будто бы на теплом и зеленом Дальнем Севере. Но злые духи напустили убивающий холод, и Золотой Олень спрятался в недра земли, и голова его на Аляске, а туловище и ноги — на Чукотке и Колыме... В 1901 году первое описание некоторых районов Чукотки и первых знаков золота у мыса Дежнева было осуществлено К. И. Богдановичем, однокурсником-геологом великого В. А. Обручева. До революции в этом отдаленном регионе рыскали американцы. В воспоминаниях местных жителей упоминается и женщина-геолог, мисс Колли... В 1906 году американцы открыли и хищнически отработали небольшую россыпь в долине реки Волчьей близ Анадыря. Добыли они около 10 пудов золота — это невзирая на запрет царского правительства России — от 1900 года — частным лицам всяких работ, связанных с поиском, разведкой и добычей полезных ископаемых на Чукотке. Тогда исключительное право было предоставлено Северо-Восточному Сибирскому обществу. За девять лет существования этого общества было предпринято несколько экспедиций на Чукотку, но все они, как и экспедиция Богдановича, изучали лишь узкую прибрежную полосу и весомых открытий не сделали...

...Планомерное геологическое изучение Чукотки началось в тридцатые годы, в связи с освоением Северного морского пути. Первая, так называемая Летняя экспедиция под руководством С. В. Обручева (младшего) и последующие экспедиции Арктического института принесли целую серию открытий оловянных месторождений. И это на многие годы определило отношение к Чукотке, как к оловоносной провинции. Тем не менее золото в единичных знаках находили почти повсеместно — но уже сложилось мнение в научных кругах, поддержанное авторитетами: там, где есть олово, золота быть не может!.. Инициатором геологических работ по золоту был Н. И. Чемоданов, возглавлявший

геологическую службу в одном из управлений Чукотки. В 1949 году партия геолога Китаева обнаружила первый объект с промышленным золотом.

Первый золотой прииск на Чукотке дал металл в 1958 году. «...Наиболее крупным достижением геологов Северо-Востока явилось открытие Чукотского золотоносного района — россыпей рек Ичувеема, Раучуа, Малого и Большого Анюя и др. В успешное развитие сырьевой базы Чукотки по золоту вложили свой труд геологи С. М. Абаев, Н. П. Аникеев, М. Е. Городинский, И. Е. Дабкин, Д. Ф. Егоров, К. А. Иванов, В. А. Китаев, В. Г. Крайнов, В. Ф. Логинов, В. Н. Маковский, В. П. Полз, И. Е. Рождественский, Ф. С. Стружков, О. Х. Цопанов, Н. И. Чемоданов и другие» (Колыма, 1978, № 7—8).

«...За особые заслуги в подготовке базы для развития золотодобывающей промышленности на Чукотке Н. П. Аникееву и И. Е. Рождественскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а В. П. Березин, С. М. Абаев, И. Е. Дабкин, Б. Б. Евангулов, Д. Ф. Егоров, К. А. Иванов, В. А. Китаев, В. Ф. Логинов, Н. И. Чемоданов удостоены звания лауреатов Ленинской премии».

Привожу здесь эти имена потому, что в рассказах Натальи Евгеньевны не раз будут встречаться многие из них. Каждый по-своему влияли они на ее судьбу: твердостью характера, принципиальностью, партийностью профессионального долга.

Наталья Евгеньевна высоко ценит роман Олега Куваева «Территория» — произведение не публицистического, в художественных образах которого узнает прообразы подлинных людей, своих нравственных наставников...

И снова встреча. На кухне чугунная печь-плита с широкой дверцей, сейчас открытой: тяга ровная, сильная, дрова горят с гудом, и по кухне мечутся багровые отсветы живого огня. При морозе всегда хорошая тяга... Белая кошка расположилась на табурете как раз напротив дверцы и кажется огненно-рыжей. Щурит на огонь свои дикие глаза, угрелась.

— Ни в одной квартире уже не сохранились эти плиты, в доме центральное отопление. А я сохранила. Люблю огонь. Заметила: огонь костра, огонь в печке, даже огонек свечи — гипнотизирует, взгляд не оторвешь...

— Это в нас атавизм живет, с мохнатых времен!

— Ну уж и атавизм... Конечно, с позиций стабильного горожанина, знающего тепло, но забывшего извечный источник тепла, — огонь, может быть, и атавизм. А геологу огонь — друг.

— Вы так говорите, как будто мне, члену пишущей братии,

никогда не приходилось у костра сушить портянки, у свечи читать Чехова. И нам приходится живым огнем греться — «ради нескольких строчек в газете»... Но — вот кончили вы институт и...

— ...и прибыла на Чукотку, в славный поселок Билибино, где базировалась Анюйская экспедиция. Сформирована она была в пятьдесят пятом году двадцать седьмого мая, в основном из старых, опытных кадров, многие — по рекомендациям знаменитого и замечательного колымского геолога Алискерова Азиза Хаджиевича и не менее знаменитого С. М. Абаева, он и был родным отцом Анюйского трудного дитяти... Не лишне вспомнить, что именно Абаев был инициатором решения коллектива Мыйнгы-Пауктуваамской геологоразведочной партии просить Восточно-Тундровый райисполком — была такая административная группа — о переименовании партии в Алискеровскую, а поселка — в Алискерово. И прииск потом стал имени Алискерова... И еще одно имя было увековечено на нашей карте в связи с определением места центральной базы Анюйской экспедиции: район приустьевой части реки Каральваам. Заложенный там поселок, по ходатайству Сеймчанского геологоразведочного управления, самого Константина Александровича Иванова, лауреата Ленинской премии, получил имя первооткрывателя золотой Колымы Юрия Александровича Билибина. Вот откуда пошел поселок Билибино, Билибинский район... И в пятьдесят девятом году, за год до моего приезда, дал золото прииск имени Билибина. Уже были заложены поселки геологов Караль, Черинейвеем, Алярмаут, Встречный, Мачваам, Зеленый Мыс, Стадухино... Тогда, в августе, рассматривая в экспедиции карту, я еще не знала, что Стадухино станет моим началом... Начало было совсем другое: старший геолог партии Валерий Маргулис не хотел принимать меня на работу: «Не признаю девиц-геологинь и не верю им!» Главным геологом Анюйской экспедиции в то время был Олег Ходжумарович Цопанов — сейчас он наш «генерал», генеральный директор объединения «Севостгеология», он меня взял под защиту — авансом, как он выразился. Он напомнил Маргулису, что тот командиром-геологом стал всего год назад и просто еще не может иметь достаточных оснований верить или не верить «девицам-геологиням»... «Вот поработаешь с ней годок-другой, тогда и научишься верить — не верить!»

...И — первое дорожное впечатление о Чукотке: восемнадцать суток ждала я в Билибино легкой погоды. Вылетели, наконец, на старушке «аннушке», я к иллюминатору прилипла. Тучи низкие, пилот машину к земле прижимает, а под нами — сопки, близкие! Когда сели, пилоты, как водится, первыми выходили,

и услышала их разговор: «Лихо плоскостями сопки скребли!..» Запомнилось. Прибыла. Настроение, прямо скажу, было кислое, и вот почему: я техникум с отличием кончила — это раз, в институте не на последнем счету была по успеваемости — это два, на практиках работала взахлеб, из тридцати восьми закончивших по специальности «разведка и поиск месторождений» кон курсе выдержала, завоевала одно из десяти «чукотских» мест по распределению, а назначили меня на работу в Анойской экспедиции в Стадухинскую партию в качестве... младшего техника-геолога. Ну, досадно было, конечно, в амбицию ударились. Правда, молча, как бы внутренним голосом возмущалась... А все этот Маргулис... И дальше не везло: назначили-то меня этим самым младшим техником на промывку, а промывочные работы еще не велись, шла шурфовка. Ну, чтобы не путалась, отправил меня начальник партии Шепелев в Сеймчан, там располагалось наше районное геологическое управление, — «подсобной рабочей» при составлении проекта годовых работ нашей Стадухинской партии... Когда я вернулась в Стадухино, начальником партии был уже Андрей Ефимович Ермоленко. Экспедиция продолжала укреплять свои ряды сильными, опытными работниками, потому что чувствовали, знали — район наш перспективный... И вот этот самый Ермоленко, раз на меня глянув, бросил меня, как кутенка в воду, горным мастером на шурфовку. Сам потом говорил: «Только так и надо. Либо выплывет, либо не выплывет!» Очень гуманно... На шурфовке у нас — да и везде, наверно, в то время! — работали лихие парни, «пестрые»: были отсидевшие, были готовые сесть при первом случае. И были ленинградские рабочие, были и демобилизованные солдаты — крепкие хлопцы, моя опора.

...Сидела она передо мной в передничке, на нем аппликация — какой-то цветок легкомысленный. Маленькая, да еще сутулится... Мысленно представляю себе лихих и «пестрых» парней, виделись они мне народом крупным, мускулистым, горластым, заматеревшим. И — она, в клетчатой ковбоекке, в куртке нараспашку. Мастер. И от мастера зависит заработок «пестрых». А уж что-то, а права «качать» эти люди умели. Что же смогла противопоставить им, битым и ломаным, она, девица-геологиня?

— Никогда не верю в то, что человек может быть совершенно инертен в общественном смысле. Не попустительствовала, не заигрывала с ними. Ни послабления, ни приписки не мыслились. Требовала, втолковывала по многу раз. Старалась обрести единомышленников — доказав свою правоту. И не бегала к начальству жаловаться. И конечно, крепко мне помогали демобилизованные — ребята они сильные, и не только физически. И я подчини-

ла себя жесткой самодисциплине, себе не давала послабления ни в чем... Бывшие солдаты рассказали мне как-то, что в армии бывает такая формулировка дисциплинарного взыскания: наказать не за невыполнение приказа, а за попытку не выполнить приказ. Понимаете, за попытку! Требовательность к себе начинается с малого. К примеру: после самой тяжелой работы обязательно переодеться к обеду. Обедали мы вместе, за общим столом, из общего котла разливали кондер по обязательно чистым мискам. И не допускались к столу расхлыстанные и немытые. Ну хоть рубашку переодень — с людьми же садишься, с товариществом!.. Как не допускала? А насмешкой, ехидничала, но, конечно, чтобы не оскорбить человека. И вот с малого и началось. Сработали мы хорошо. Выплыла я...

Тут же вспомнился мне рассказ Юрия Семеновича Перцева: — Помню, войдет она в барак, а там накурено, сивушный дух, кто в робе на койке валяется, кто в сапогах — тут же вскакивают, извинения лепечут, быстренько окна нараспашку, прибирают все... И вежливые, вежливые! Умора, ведь мужики — оторви да брось!

Тут же вспомнилось вчерашнее: вела меня Наталья Евгеньевна в лабораторию экспедиции, и встретился человек в сильном подпитии, в трехсуточной небритости — и ну раскланиваться с Натальей Евгеньевной, и уж такой он смущенный был, такой галантный!

— Кто это? — спросил я.

— Бич знакомый! — ответила она спокойно.

«Выплыла!» — так сформулировала она результат своей первой работы.

И, в привычном «телеграфном» стиле:

— Валерий Маргулис видел, что у меня получается. Проработав год, я была откомандирована на сезонную работу от экспедиции в должности геолога руднопоискового отряда, осенью вернулась в Стадухино, в свою партию, геологом на разведку. С Маргулисом сработались. Он был энергичен, самостоятелен в решениях — я потом старалась быть такой, как он. И пришла удача! Как сейчас помню, но памятью рук, памятью волнения, а рассказать связно не смогу... Сама промывала, снимала скребком, снова промывала... И вот среди пиритов, среди магнетитов темных, ильменита вдруг чешуйки, пластинки — пластиночки... Золото! Когда прошли проверку содержания по всей скважине, в камералку сбежались все наши, Валерий прибежал... Один отдувает, второй взвешивает — и все на нерве! И мы с Маргулисом

чуть не дрались, считали быстрее, перепроверяя друг друга: промышленное содержание или не промышленное? Закончили расчеты: промышленное! Потом там стал прииск «Экспедиционный». Наш первый... Когда Валерий Маргулис был переведен в другую партию — это в шестьдесят третьем году, — меня назначили старшим геологом Стадухинской. Тогда не было в штатном расписании должности главный геолог, главный инженер — все совмещал в себе старший геолог, первый помощник начальника партии. Андрей Ефимович Ермоленко, новый начальник нашей партии, — тогда и всегда — обладал нечеловеческой работоспособностью. Спал он, по-моему, не больше четырех часов в сутки. Поселок Стадухино часто просыпался от накального его голоса — это он с рассветом снимал «стружку» с какого-нибудь нерадивого деятеля!.. Начальник партии в наших условиях — он все: Советская власть, милиция, мировой судья! Он и спирт делил, он и письма мамам заставлял писать — чуть ли не под диктовку! Нетерпимо относился к внешней геологической «бояковатости». Наши молодые люди часто этим страдают, дескать, геолог — это свитер растянутый, куртка расхлестанная, борода дремучая. Андрей Ефимович — а знаю я его больше двадцати двух лет — всегда, в любых условиях, чисто выбрит, шевелюра его прекрасная причесана, в светлой рубашке свежайшей с галстуком!.. Всегда в предельном нервном напряжении — такой характер. И так — годами, десятилетиями, без выходных дней. Он ведь на Колыме начинал работу. Оттуда и пошла его известность как прекрасного организатора. Он фронтовик, военные награды имеет. И заслуженный геолог РСФСР. В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году дал мне рекомендацию в партию. Он, комсомольская организация и Нина Проселкова, наш бухгалтер. И из кандидатов в члены партии тоже он меня рекомендовал, мы тогда работали на Иннахе.

В 1966 году тридцатилетняя Наталья Хабарова, старший геолог Иннахской партии, депутат окружного Совета от Стадухинского избирательного участка, стала членом Коммунистической партии Советского Союза. К тому времени она уже имела начальный опыт административной работы: во время отпуска Андрея Ефимовича Ермоленко выполняла обязанности начальника Стадухинской партии.

— В январе шестьдесят шестого года Стадухинскую партию объединили с Чимчимемельской, а нас с Ермоленко направили на новую работу: на берегах Омолоне создавалась новая разведочная партия — Иннахская. Все надо было начинать сначала... Так уж получилось — всегда работала на самых дальних участках. Что за этим? А не трудно представить: плохая радиосвязь

с базой экспедиции, своевременной поддержки не жди, все решай сама. И если в Стадухино, в самом начале, с шестьдесят третьего года, у меня была крепкая человеческая поддержка — супруги Александрины очень по-теплому меня опекали, то здесь, на Иннахе, и тепла-то и было, что от одной работы. Надежда Александровна Александрина была у нас картографом, Геннадий Константинович — завхозом и токарем. Они отогревали меня в полном смысле слова: жила-то я в палатке, а они по-семейному, в домике. И поесть, бывало, дадут вкусенького, домашнего, и успокоят, когда нервишки зайдутся от бессилья. Если бы не они — не выжила бы тогда...

С шестьдесят второго года главным геологом Анюйской экспедиции был Марий Евгеньевич Городинский — особого склада геолог. Он совершенный интеллигент, эрудит. Вот он со всеми находил общий язык, умел стратегический замысел экспедиции довести до каждого рядового работника — объяснить, растолковать до тонкостей, обрисовать и сложности, и трудности предстоящие — и нужный результат! Все становились его единомышленниками. Он часто и с толком бывал в партиях, в бригадах... Я считаю себя его ученицей. Сейчас Марий Евгеньевич главный геолог объединения «Севостгеология». Заметили? — все наши «генералы» прошли школу Анюйской экспедиции.

— Наталья Евгеньевна, меня учили, что одна из главных особенностей геолога-руководителя — способность глубоко анализировать...

— Согласна. Предшествующий действию анализ исключительно важен, однако он не может быть точным, ведь анализируется то, что еще не произошло, и не известно, произойдет ли так, как задумано. Анализ во время действия просто необходим, тут уж мозг работает как ЭВМ, но, как известно, машина тоже имеет ячейки памяти. Анализ во время действия гарантирует от ошибочного шага, но, опять же, при достаточной загруженности ячеек памяти, то есть опыта... Наиболее, по-моему, полезен специалисту анализ после действия — подробный, углубленный. Чтобы учиться на собственных ошибках. Тут к месту поговорка: «Чем чемодан твой тяжелее, тем с ним легче идти».

Стадухино и Иннах — оба — регион Анюйской экспедиции. Но какие они разные, эти места! Стадухино — высокогорье и тундра. Иннах — на своенравном Омолоне. Гор высоких нет, при топографической съемке трудно привязаться к местности — вокруг лес, лес. И здесь Ермоленко-Хабаровская партия осталась верна традиции: закладывая свой поселок, сохранили деревья, кустарник, живописный проход к протоке. Закладывался посе-

лок Иннах. И до сих пор на Омолонской террасе белеют сохранные березки.

Партия работала напряженно и споро, сказывалось организационное мастерство Андрея Ефимовича Ермоленко, высокий профессионализм Хабаровой, их энтузиазм, способность объединить коллектив, подчинить решению основной задачи. Уже через год партия сдала горнякам месторождение, и Наталья Евгеньевна получает свой первый почетный знак первооткрывателя. На карте Чукотки возникает прииск имени Мандрикова — председателя Первого Ревкома Чукотки, расстрелянного белогвардейцами.

— Жили без ханжества, умели собраться вместе, выпить, если был повод. Но назавтра к девяти ноль-ноль будь как стеклышко — и никаких расхлябанностей!.. Все отвечали за всех. Помню, после Дня геолога один работник... не смог выйти из «штопора». Ну, во-первых, ему заявили: «Мы тебя больше в компанию не берем, ты не умеешь себя вести в приличном обществе!» — и никогда больше не приглашали! Во-вторых, все вместе долго не собирались — все ответственны за одного... Ко всем новым людям применялся один общий порядок: никому не ставили в вину прошлых проступков, давали возможность начать «чистый лист». Ведь часто бывает: человек оступился, а за ним потом хвостом подшивка справок, и нет возможности доказать, что ты — не верблюд... Мы принимали в коллектив нового человека, но относились как к старому, без скидок. Очень ценилась и поощрялась личная инициатива. В этом мне были примером легендарные геологи старшего поколения. Например, Израиль Ефимович Драбкин, лауреат Ленинской премии, кавалер многих орденов и медалей, многолетний руководитель Северо-Восточного территориального геологического управления... Драбкин говорил специалисту так: «Ты не заикайся, что это сделать невозможно. Ты мне скажи, что для этого дела нужно. Остальное — нюансы и лирика!» И у нас считали возможным поговорить о том, как было трудно, после дела. Было трудно, страшно, почти невыносимо? Как приятно поговорить об этом потом, когда трудности вынес, страхи преодолел — сделал! Отсутствии личной инициативы у профессионала — главный губитель времени. А время — что? Время дороже всего! Ведь как было с «Дальним»?

— А с «Дальним» было так. Съемщики выявили перспективный район на другом берегу Омолона. Надо срочно перебазировать разведку. А на дворе — Первомай, а на Омолоне час от часу слабеет лед. И если не перебраться сейчас же, то потеряна будет уйма времени — до следующего ледостава! Но... Переброс-

ка сама по себе дело сложное, а тут особенно: лед сомнительный. Технорук — не хочу поминать его имени — не смог бы обеспечить переправу. Бросилась к маркшейдеру Анатолию Ивановичу Изофенко, опытнейшему человеку — рыбак, охотник завянутый и мой друг. Он вышел на берег, огляделся, потоптался на ледяной закраине — и согласился. И началась переправа! Позыбкому льду перебросили через Омолон два буровых станка, дизельную станцию, будку, сани с оборудованием и бригаду — двадцать пять человек! И почему? А потому, что взялся инициативный, опытный и смелый человек. За таким люди идут, как в бой... И вскоре после Первомая состоялся памятный радиоразговор с экспедицией:

Я: «Ручей такой-то, линия такая-то, результаты такие-то...»

Они: «Сколько?! Повторите результаты!!!»

Ох, как приятно было! Ведь в памяти хранился и другой разговор, с милым Марием Евгеньевичем. Я ему: «Результатов нет», а он мне в своем ключе, деликатненько: «Да не может быть, вы там просто не взяли...»

И возник прииск «Дальний». Наталья Евгеньевна Хабарова получила второй знак первооткрывателя. В 1974 году она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Да-а, это эпопея была — прииск «Дальний»!.. Тогда в экспедиции разнеслось: «Хабаровой везет, удачливая...» Вспомним Суворова Александра Васильевича: «Помилуй бог! Раз везение, два везение... Надо же когда-нибудь и умение!» И есть у геологов поговорка, рожденная знаменитым тюменским геологом Эрвье: «В геологии везет тому, кто везет...»

В поселке Мандрикова Хабарову избрали общественным заместителем председателя сельского Совета народных депутатов. Когда в феврале 1973 года Андрея Ефимовича Ермоленко направили в место очередного «прорыва» — начальником Горной партии, Наталья Евгеньевна Хабарова стала начальником Иннахской геологоразведочной партии.

В 1973 году иннахцы завоевали все первые места в социалистическом соревновании между подразделениями Анюйской экспедиции, им было вручено переходящее Красное знамя.

Начальник партии? Но как же тогда с приверженностью к поисковой геологии?

— Конечно, начальник — администратор. Но Андрей Ефимович огромным трудом сложил партию. Его перевели на другую работу. А вдруг как пришлют человека иного склада, иного отношения к делу? Ведь есть же такие. И к нему притираться годами... Предложили мне временно стать начальником — и согласилась. Пусть уж лучше сама. Ведь я не ушла от геоло-

гии, я ей способствовала. Принимала активное участие в организации работ и в их планировании, а то, что добавилось много дел, с которыми не часто сталкивалась, так на то и полевой геолог во мне, чтобы во всем разобраться. Да и был кое-какой опыт.

Надо заметить, что к тому времени Иннахская партия по личному составу отличалась от многих: начальник партии — женщина, секретарь парторганизации — женщина, бухгалтер, главный геолог, геолог камеральной службы — женщины, геологическая служба на участках — тоже в основном женщины!

— Мы продолжили и умножили, как могли, традицию геологии Крайнего Севера. Вспомним, есть на Колыме ручьи золотосодержащие со странными наименованиями Факир и Эфка. Они названы именем геолога, сподвижницы Цареградского, Фаины Клементьевны Рабинович — наименования сложены из ее инициалов: «ФаК-и-Р», «ЭФ-Ка»... Не все мужчины могли тягаться с нею даже в мужестве, не только в выносливости и профессионализме. От смущения, по-видимому, они называли ее по-братски «Филипп»... Шахваростова, Заренкова, Скорина, Ивлева, Венчугова, Рудич, Анна Везель, Любовь Шульц — зараз и не вспомнить всех их, геологинь Колымы и Чукотки... Уж если равноправие, так равноправие! И в геологии, товарищи-мужчины, извините-подвиньтесь!

И — подвинулись. Правда, в то время Наталья Евгеньевна была единственной женщиной — начальником партии, но она доказала свою «неисключительность» в честном соревновании. Ее на все хватало: организовывала коллективные «вылазки на природу» — это в поселке среди тайги! И среди тайги — коллективная сдача норм ГТО, экспромты-концерты самодеятельности, стенгазету — общую любимицу «Самородок», шумные и гласные выговоры и благодарности в приказах. И успевала читать — специальную литературу, «Новое время», «Театр», «Науку и жизнь», «Литературную газету», «Коммунист», постоянно выписывалась периодика. И выполняла работу геолога и начальника партии...

— Что-то мы все о работе и о работе. А ведь только здесь, геологом чукотского поля, я научилась отдыхать, почувствовала вкус к такой «трате» времени. Поняла, что отдых нужен физически и духовно, чтобы разгладились «морщинки на нервах», чтобы потом работалось.

— «Дачка, дочка, водь и гладь?»

— Ну, зачем же так... Дачка — пока не по мне, дочек у моих сестер на нас троих — четыре, им внимание нужно, это естественно, а водь и гладь — да, самый любимый мой способ отдыха — туристские поездки вообще и на пароходе в частности... В шестьдесят пятом году с группой магаданцев побывала в Пра-

ге, Париже, на Кубе. В семидесятом — в Польше и ГДР. Помню, в Айзенхюттенштадте, в гостинице «Лунник», встретились мы, магаданцы, с космонавтом Поповичем. Ну, смеху-то было! У него программа встреч, у нас — программа, сами понимаете, интуриста... Но как встретились, как разговорились — какая уж тут программа: пока песни пели, пока наговорились... Мы — ему: «Расскажите о космосе!», а он нам: «О космосе все в прессе написано, а вот о вас, золотишниках, в прессе не пишут, вы — тайна!» — и все выпрашивал, какое оно, золото. «Да вы на грудь свою гляньте, ваш мундир-то — неподъемный из-за золота звезд и орденов!..» — «Ваше?» — спрашивает. «Наше!» — отвечаем. «Ну, спасибо, ну, уважили-и!» Веселый он, смешливый, поет легко, а глаз цепкий. Понимал с полнамека, как оно дается — злато!..

— Туристские поездки на теплоходах люблю потому, что там сочетание уюта, удобств и ежеминутной смены впечатлений. Особенно люблю сибирские реки, не из-за того, что сибирячка. Волга прекрасна, но красота ее хрестоматийна... Кстати, журналисты вывели формулу о моем «презрении к уюту». Так вот, это чушь на постном масле! Уют — как раз то, чего нам, геологам, всегда не хватает. И всегда мы стараемся себе его создать — по возможности. Даже в поле. А уж на базе — обязательно!

— Полюбились мне маршруты по Оби, Иртышу и Томи, потом — по Енисею, с заходом в Норильск. И по Волге путешествовала дважды: с мамой — от Ульяновска до Астрахани и с Маринкой-сестричкой — от Москвы до Астрахани... Решила подарить ей Волгу — не меньше! — и отдых. Кинули мы с ней своих «головастиков» и завелись вдоль по матушке по Волге! — спокойно и раскованно! За детей не беспокоились, Маринкины-то все уже человеки, работающие, тоже огородницы. Найдена — младшая — за ними, как за каменной стеной... Очень нам хорошо было вдвоем, по сути впервые за жизнь и наговорились и намолчались всласть. Ей одной вспоминала, как за одно лето медведи у нас семь складов разорили, только успевали акты составлять... Как с росомхой шла «параллельными курсами» — я по одну сторону ручья, она, злыдня, по другую — метрах в шести всего-то! И о волках рассказывала — какие они в тундре громадные, серебристые. И как сохатого встретила в тополиной роще — ну вплотную!.. Тополя на Чукотке не пирамидальные, это они на Юге такие, влагу экономят, а у нас на Чукотке — лохматые, ветрами раздерганные... И про черную смородину нашу, по-якутски она — охта. Крупная — как виноград...

Разве только об этом могла рассказать она сестре? А про то,

как овладела премудростями финансирования — ведь начальник партии — хозяйственник... А о морозах ниже «полусотни», когда не терпела сталь и ломались станки и буровые снаряды, а люди терпели и берегли технику, потому что нет запчастей, а себя не берегли... И про переезды буровых бригад на новые объекты, про эту муку из мук, на которой стоит разведочная геология, — по два-три километра за сутки в лютый мороз, да на многие десятки километров. А потом, при весенних ветрах, тащась по разбойной тундровой хляби, вспоминая эти морозы, зимники, как лучшие дни жизни... И про походы из бригады в бригаду, чаще пешком, чем на транспорте, которому всегда что-то нужно, то запчасти, то горючее, то проходимость ему нужна... Про товарищей своих могла рассказать, про ветеранов и про молодых, про молодоженов и старосемейных — а им нужны равно жиры, белки, углеводы и витамины, и это тоже забота начальника, и чтоб было на что жить, что на отпуск скопить, и чтоб зажиток был — и это от начальника. От судьбы — удача, от начальника — точный расчет. Все можно было бы рассказать сестре, она ведь горняк, поймет. Только зачем? Об этом молчала. Шезлонги — рядом, сидели рука об руку, а Волга мягко разворачивалась всей ширью к мосту, и под ним прошли под шелест машинного эха, и раскрылся слева, в зеленых купах город Горький с синими в золотых звездах луковками церковных глав, с вызолоченными крестами в роще на круче — бело-розово-зеленый, сияющий закатным пламенем в миллионах оконных стекол, и бронзово-массивный Валерий Павлович Чкалов на гребне высокого берега, и раскрылась Стрелка с заводами и порталными кранами причалов и пристаней, и вот уж дебаркадер близко — голубой, с белым кружевом резьбы. Припадающее к низкому левому берегу солнце раскалило до огненного жара стеклянный горб крыши ярмарки. Как над морем, густо и шумно вьются над Волгой чайки, розовые в закате.

* * *

...В нашей гостиничной квартире непривычно пусто. Вчера улетел в Магадан горняк Юрий Семенович Перцев, вручив мне перед уходом несколько мелкоисписанных страниц из блокнота. «Хорошее вы дело делаете... Вот здесь о Наталье Евгеньевне — мое, рад буду, если чем-нибудь поможет это вашему делу». Улетели взрывники из Певека, остались мы с Самедом, но он встретил меня рассеянно, чем-то озабоченный.

— Что, застопорилось дело, Самед?

— Что вы... Не застопорилось. Я назначение получил. Геологом на россыпи, в партию...

— Не устраивает тебя такое назначение, кунак, ты о другом мечтал?

— Очень устраивает, что вы!

— В чем же суть смутности, почему насупился, Самед?

— Был разговор с главным... Сначала со мной побеседовал начальник геологического отдела, там женщины были, он острил, посмеивался, но ни разу мне в глаза не посмотрел, понимаете? Ему не интересно, кто я, что я... А потом вызвала Хабаровая...

— ...?

— Понимаете, не могу сказать слово в слово, что она мне говорила, но теперь знаю, жить мне будет не легко.

— ...?

— Она так говорила! Она как будто конспект про меня читала: что я себе задумал и о чем даже думать свяно стыдно было о себе, — все она сказала. Посадила напротив себя, глаза свои, как болтики, в мои глаза ввинтила... Говорила, что среди великих геологов Крайнего Севера, Чукотки, много имен моих знаменитых земляков-кавказцев — Алискеров, Абаев, Цопанов... Говорила, что у них были матери и они гордились сыновьями, прославившими свой род на далекой и трудной земле, и говорила, что надеется — моя мать... тоже будет мной гордиться... Понимаете, она не улыбалась, она не ласково со мной говорила, она как будто приказывала!.. Сказала потом: «Идите, Самед!» Я уходил, думал, что она час целый со мной говорила, а на часы посмотрел — четыре минуты...

* * *

Солнце рубиновым фонарем висит над туманным горизонтом. Под самолетом медленно кружится складчатая, из тусклого серебра земля. На часах полдень. Между сопок округлых форм, в изгибах долин невидимых рек, скрытых под толщей льда и снега, как на палитре неистового художника — мазки и пятна цвета. Земля неподвижна, самолет пронесется над нею, и цветные пятна, как в трубке детского калейдоскопа, перетекают из узора в узор, меняются по композиции и колеру, быстротечно складываясь то в живописные абстракции, то в подобие рериховских северных баллад, то вдруг кажутся — при крутом развороте самолета — моментальными фотографиями наклонной и округлой Земли, снятой автоматом из ближнего космоса.

...Второй час «аннушка» будоражит мертвую тундру гулом своего мотора, второй час мы летим по курсу «на солнце». За бортом минус сорок семь, в салоне тоже не Ташкент. Второй пилот несколько раз возился, копался в сложностях обогревательного агрегата, потом буркнул: «Дров нет, печки не будет». Но

я скрючился у иллюминатора, утепился чем пришлось и не отрываясь смотрю вниз, на Арктику, на дикую безжизненность. Но вот «аннушка» с крутого разворота вынырнула, понеслась над сизо-голубым настом, над щетиной заснеженных кустарников, промелькнул неожиданный красный флажок, потом дым жилья — и три яранги, заиндевелившие, едва отличимые от сугробов, и люди, люди там, под нами, бегут... Еще один крутой разворот, второй пилот прошел к «парадному входу», подтащил к порогу мешок. Разворот завершен, «аннушка» вновь пронеслась над флажком внизу, пилот распахнул дверь, вытолкнул мешок, захлопнул дверь, прошел деловито. Пастухам-оленоводам доставлена почта, газеты: районные, окружные, областные, столичные. Вот уж расскажу известинцам на их «среде» — пусть гордятся, пусть трудятся вдохновенней! Вот куда и как доставляется газета «Известия». Конечно, сфотографировать бы! Но не разжать закопченвших в перчатках пальцев, но мало света в зимней тундре, но мгновенно застынет на воздухе «Зенит», согретый на груди под полушубком.

Снова летим. Теперь половинка рубинового солнца едва виднеется круто слева, все больше заходит в хвост. И в тундре уже нет цветной феерии, она посередела, поголубела, синей стынью налились складки между сопок, белеют только большие плоскости распластанных долин, забетонированные снежным настом. Но вот внизу что-то неприсущее тундре, чужеродное мертвому ее простору. Пилот будто услышал меня — «аннушка» наклонила застекленную голову, снизилась. Темные петли на сером снегу — следы тракторных поездов, пенек буровой, дизельные сизые выхлопы, балки с дымком, вездеход буровит снежный наст, гонит по нашему курсу. Прошел пилот, отобрал мешок, распахнул дверь...

Представилось — каково им там, разведчикам, на вахте! Сорок семь сегодня — без ветра, но все равно сорок семь. А через час потянет ветерок, закрепчает, дунет, как здесь бывает, сорок в о в а т е л ь н о, чтоб сравнялись градусы и скорость ветра. А на буровой, на ударно-канатном бурении, нет ни будки, ни щита заслониться от ветра... Это на стационарных буровых, это у нефтяников Самоглора буровая вышка почти по пояс закрыта щитами, и пар у них под рукой. Правда, и у них трудно в морозы, бывал я у них в бригаде знаменитого Геннадия Левина, дважды Героя Социалистического Труда — на 34-м «кусте». Тогда в течение одиннадцати дней свирепствовал пятидесятиградусный мороз, и носил я на себе, как они, почти двадцать килограммов одежды и стыл, как они. Но я был гостем — чаще в балке, чем на буровой, а они гнали метраж обыденно...

И еще одно, немаловажное: 34-й «куст» — почти у самой бетонки — у кольцевой самотлорской автомагистрали, и помимо теплых балков со столовой и красным уголком, с «каютами» для настоящего отдыха есть еще плюс — «вахтенный» автобус за час домчит буровиков в семейный уют городских квартир Нижневартовска. Здесь же, у разведчиков-бурильщиков Чукотки, «бетонки» к дому нет. Они не стационарны, они в движении, в вечном и вдохновенном движении!

Краток световой день. Мы шли на посадку в четвертом часу дня при свете посадочных прожекторов. Ничего не случилось — взлетели, полетали, сели.

— Наталья Евгеньевна, расскажите о «шмидтовском периоде»...

— Что рассказать? В июле семьдесят четвертого года забрали у нас Андрея Ефимовича, назначили начальником Шмидтовской геологоразведочной экспедиции. И мне предложили перевестись на Берелех, но я отказалась. Начальствовать в своей, Иннахской, еще куда ни шло, надо было. Да и знала, что «местный» опыт приносит отдачу сразу же. Здесь я могла. Выработалась интуиция...

— Кстати, как вы относитесь к понятию «интуиция»?

— Интуиция — нажитое профессиональное качество. Вспомните, у Куваева в «Территории» есть промывальщик, «личный человек» Чинкова. Этот персонаж очень похож на Алексея Власенко, прораба, постоянного спутника Николая Ильича Чемоданова, нашего корифея. Когда говорю об интуиции — думаю об Алексее. Он обладал исключительной интуицией «на золото». Это в нем ценил и Чемоданов, а потом Китаев, с ним Алексей открывал золото прииска «Комсомольский» — шли они параллельно — по времени — с работами прииска имени Билибина, но «Комсомольский» дал промышленное золото раньше... В нашем районе Алексей работал с геологом-съемщиком Владимиром Петровичем Полэ — он был одним из первооткрывателей месторождения, на котором ныне работает прииск «Полярный»... За Владимиром Петровичем пришел Юрий Александрович Эсаулов, впоследствии лауреат Государственной премии. Алексей был и среди его разведчиков, мыл шлик. Уж какая была у человека изощренная интуиция! Есть на нашей территории так называемая «Точка Власенко» — на ручье... ну, бог с ним, как он там называется... Так вот, там Алексей намыл существенный металл, а после него никто не смог подтвердить его результаты — до сих пор! Это ж надо было так уметь и знать! — выйти в целой долине на определенную точку, на «щетку», и взять золото! Понимаете, словами он это изложить не мог, он чувст-

вовал золото. В один из сезонов, к зиме, остались не опробованными несколько ручьев, и Власенко, уже крепко простуженный, задержался — не смог уйти. Он добил эти ручьи — все, что были намечены, запланированы, — и совсем занемог... Погоды не было, это уж как водится. Пришлось вывозить его вездеходом, сам Эсаулов за ним примчался. Все, что было в полевой аптечке против простудное, — давали... Ехали они со стороны «Полярного», вездеход не «карета скорой помощи», трясет, мотает... Аляша умер. Как потом оказалось, от перитонита... Такой человек — от пошлого аппендицита!.. Рабочий он был человек. Геолог. Верный... Эсаулов на этом районе работает, считайте, всю жизнь, он сам — целый роман. О нем геологиня-практикантка Рая Нечакова стихи сложила... Вот они, я собираю наш геологический фольклор, есть такая слабость...

Есть в жизни каждого такие дни и даты,
Которым, хочешь — нет, а точный счет ведешь.
Что сделал, испытал, познал когда-то,
Все день за днем ты вновь переберешь.
И мысленно, как бы с высокой сопки,
Окинешь взглядом ширь перед собой —
Те тропы, что прошел ты по Чукотке,
Не заросли забвения травой.
Плоды твоих трудов — они перед тобою:
Живет «Полярный», ширит зданий строй...
Геолог трудной наделен судьбою,
И все же он не мыслит об иной!

Резюме об интуиции таково: интуиция — рафинированный комплекс знаний и умений эмоционального профессионала... Но мы говорили о моем переходе на Шмидт. «Генерал» наш, Олег Ходжумарович Цопанов, выразился так: «Ермоленко нуждается в проверенном, сильном помощнике. Условия там сложные». И я приняла назначение на должность главного геолога Шмидтовской экспедиции. Снова с Ермоленко. Надо признаться, устала я быть начальником, ответчицей за все. А регион Шмидтовской экспедиции — интересный. Так что планы «генеральские» и мои совпали. Вернулась к своему кровному делу!

— Ну, а как здесь сложилось?

— Нет уж, баста. По стадухинскому, иннахскому периоду отчитывалась сама. А здесь — опять я? Походите-ка, повстречайтесь с людьми, пусть они расскажут о нашей работе, о жизни. Есть и обиженные мной, должны быть. Желаю удачи. Кстати, изучили вы историю Мыса Шмидта? Ведь если вас уличат в незнании первооснов — стыдно будет!

Краткая история поселка Мыс Шмидта (из материалов Н. Е. Хабаровой).

По указанию В. И. Ленина в 20-е годы был основан Институт по изучению Севера. Первая его экспедиция была удачной: ледокольный пароход «Сибиряков» за одну навигацию прошел от Архангельска до Владивостока... Для обеспечения регулярных морских перевозок в декабре 1932 года создается Главное управление Северного морского пути во главе с выдающимся советским ученым Отто Юльевичем Шмидтом. На первый план были поставлены научно-исследовательские работы. В Арктике создается сеть из 39 полярных станций, одна из них — на мысе Северный (впоследствии мыс Шмидта). Так была основана Гидрометеообсерватория (впоследствии им. О. Ю. Шмидта), сыгравшая за годы своей работы неоценимую роль в освоении края. Первое метеорологическое наблюдение было произведено 11 сентября 1932 года научными работниками станции И. П. Кудиным и С. П. Блехтергом — этот день и считается официальным «днем рождения» этого научно-производственного центра.

Организация полярной станции на мысе Северном, имевшей единственную на всю Чукотку радиостанцию, возможность регулярной связи с Хабаровском — очень важная веха в освоении региона и его природных богатств.

...Удобное географическое положение, наличие укрытия от господствующих ветров и подвижек льда, благоприятные условия для прохождения коротких радиоволн — все способствовало быстрому развитию станции. Через год здесь работало уже 20 полярников. Условия были, но арктические. Остался на второй сезон было равнозначно подвигу. В 1933 году были организованы наблюдения — ледовые и геофизические.

Правительство выделяет Главсевморпути две группы летчиков. Одна из них базировалась на мысе Северный. Командиром авиагруппы и начальником зимовки был назначен опытный летчик Г. Н. Волобуев. Он погиб через четыре месяца, не долетев до бухты Оловянной... Заместителем остался пилот Е. М. Конкин, впоследствии участник спасения челюскинцев.

Ледокольный пароход «Челюскин» с научной экспедицией на борту продвигался к востоку, повторяя путь «Сибирякова». В Чукотском море судно попало в тяжелые льды и 13 февраля 1934 года затонуло. Команда и пассажиры высадились на лед. Небывалой сложности — по тем временам — работы по спасению челюскинцев возглавил О. Ю. Шмидт, «ледовый комиссар»... Начальник полярной станции на мысе Северный Г. Г. Петров возглавил береговой штаб спасения челюскинцев, обеспечил безопасность рейсов спасательных самолетов... Первым совершил посадку на лед, на расчищенную челюскинцами от снежных застругов и ледяных торосов площадку, двадцатилетний

Анатолий Ляпидевский. Меньше чем за два месяца летчики полярной авиации вывезли в прибрежные поселки всех 104 челюскинцев. Семь полярных летчиков, участников спасения, стали первыми Героями Советского Союза. Мыс Северный — в знак признания заслуг замечательного полярника — был переименован в мыс Шмидта. Осенью 1934 года специальный пароход доставил на мыс Шмидта материалы и рабочих для постройки авиационной стационарной базы рядом с полярной станцией. Первые поселенцы, герои освоения района: летчики Богданов, Быков, Буторин, бортмеханики Румянцев, Банин, Богдашевский, радист Малов, инженер Аникин — они заложили основу поселка Мыс Шмидта...

В августе 1935 года летчик Виктор Богданов с бортмехаником Сергеем Баниным совершили первый, по тем временам фантастический перелет через Анадырский хребет, с северного побережья Чукотки на южное, с заданием разыскать в заливе Креста геологическую экспедицию М. Ф. Зяблова и с воздуха ознакомиться геологов с их маршрутом к отдаленному месту поисковой разведки. Без радиосвязи, над местностью, еще не нанесенной на карты... Богданов нашел геологов, выполнил задание командира. Сегодняшний человек удивится: «Всего-то». Тогда это был подвиг.

Мыс Шмидта превратился в научно-оперативный центр, обеспечивающий мореплавание и авиарейсы радиосвязью и оперативной гидрометеорологической информацией. Здесь была разработана стратегия и тактика воздушной ледовой разведки. Станция служила базой для серьезных научных исследований по комплексному изучению бассейна арктических морей и побережья. Работники станции организовали местное радиовещание: в эфире зазвучала чукотская речь. Работники станции выезжали в тундру с лекциями и концертами...

А в годы войны Мыс Шмидта оделся в военную форму. Главная часть арктических перевозок легла на восточный участок Северного морского пути — через полярные моря проходило снабжение всего Северо-Востока СССР продовольствием, горючим, промышленной и оборонной продукцией важнейших предприятий на Лене, Колыме, Индигирке и Чукотке. Женщины-полярницы Мыса Шмидта доводили метеопрогнозы караванам судов и боевым самолетам, обеспечивали синоптическими картами боевых летчиков, перегонявших самолеты с Аляски. И не прекращалась научная работа.

Победоносно завершилась Великая Отечественная война.

Чукотка привлекла к себе пристальное внимание геологов. Развивалась добыча олова, вольфрама и угля. Основные транс-

портные нагрузки приняла на себя полярная авиация. Первый Ан-2 прилетел на Чукотку в 1950 году — он, этот малыш-биплан, совершил переворот в деле освоения самых труднодоступных мест Чукотки. Затем летчики мыса Шмидта получили Ил-12 и Ил-14 взамен гидросамолетов. Потребовалась взлетно-посадочная полоса. Для отдыха экипажей построили гостиницу-профилакторий. Да и поселок обстраивался жилыми домами, столовую построили, больницу. Если до 48-го года на мыс Шмидта приходили за навигацию два парохода, то теперь — до пятидесяти. Сотни тысяч тонн народнохозяйственных грузов доставляется ежегодно в Шмидтовский район. Прииски «Полярный» и «Ленинградский», мощное подразделение геологоразведочной службы... В Шмидтовской гидрометеорологической обсерватории работает более двухсот пятидесяти человек. Они получают корреспонденцию с научных постов на огромной территории в условном треугольнике мыс Биллингс — остров Врангеля — Уэлен. Многие полярники-шмидтовцы выросли в крупных ученых. Герой Советского Союза Е. И. Толстиков стал доктором наук, председателем Советской комиссии Международной программы исследований глобальных атмосферных процессов. Доктор географических наук П. А. Гордиенко руководит отделом изучения ледового плавания НИИ Арктики и Антарктики... Поселок Мыс Шмидта стал административным центром Шмидтовского района Чукотского автономного округа.

В большом и красочном широкоэкранном документальном фильме режиссера Дмитрия Радовского «Там, на земле магаданской» есть остроумный эпизод, завершающий драматургическую линию показа многотрудной автотрассы Эгвекино — Иультин и зимника Иультин — Рыркайпий — Мыс Шмидта: документалисты сняли главную улицу поселка, идущую от складов Шмидтовского портопункта до районной почты, сняли в жесткую пургу идущих по улице людей — взрослых и детей, закутанных до глаз. Они сняли серебристый уличный репродуктор, заросший инеем, забитый снегом, — и льется из него полная неги и страсти песня Аллы Пугачевой: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...».

На просмотрах в Москве, в Центральном Доме кино, в Магадане, на общественных просмотрах в кинотеатрах по Колымской трассе этот эпизод вызывал оживленную реакцию, бурю аплодисментов. Создатели этого фильма точно акцентировали особенность района мыса Шмидта, где бытует поговорка: «Июнь — еще не лето, июль — уже не лето!» — кратким этим киномоментом отдав дань мужеству — привычному, бытовому мужеству шмидтовцев, повседневно здесь живущим и работающим.

Во льдах Чукотского моря заслужили высшую награду страны — звание Героя Советского Союза семь летчиков, семь мужчин, могучих и храбрых. Первым Героем Социалистического Труда на Мысе Шмидта стала женщина с милым именем Наташа, с мужественной фамилией сибиряков-первопроходцев — Хабарова. И с виду — не герой, и в толчее у прилавков гастронома отличается она от десятков других женщин разве что неприязательностью, скромностью одежды.

* * *

Кавалер Золотой Звезды. Вот слово какое неудобное, а? Кавалер... Неудобное потому, что орденами награждались исстари мужчины, только они! И только за мужество и отвагу. А за труд — исстари — не награждали. И женщин — не награждали... По-моему, в российской истории впервые была награждена орденом Георгия Победоносца девица-гусар Надежда Дурова.

Но в наше-то время — с первых пятилеток, с полей брани Великой Отечественной, когда женщина социалистического общества утвердила свое право быть равной мужчине в труде и в бою, когда трудовое мужество доказало, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», когда боевыми и трудовыми орденами Родины и зарубежных стран награждены сотни и тысячи прекрасных женщин, — как быть с формулой «кавалер ордена»? «Дама ордена»?.. Пусть бытуют дамы и кавалеры в балльных танцах. Клубные балетмейстеры с повременной оплатой очень любят эти слова, вкусно так их произносят: «Дамы — по сю сторону, кавалеры — по сю... Кавалеры, отойдите от окон, не застите свет!»

С кавалерами разобрались. Вернемся к диалектике личности Натальи Евгеньевны — геолога, высоким званием приравненной к «Великому списку» зачинателей, ее учителей и наставников. Суть человека — его характер, «уменье властвовать собой». От первой детской самоосознанности началось в ней формирование характера человека труда — «не сколько хочешь, а сколько можешь, и — до «донышка»! И человека долга — осознанного, вдохновенного, гражданского долга. Партийного долга. Всем своим существом — неделимо — отдает она долг народу и Родине, в трудные годы помогавшим ей стать тем, кем она стала. Из космической истории знаем: самое сложное — вывод на орбиту, он достигается усилиями и разумом многих и многих. Работа на орбите — «до донышка!» — героический труд космонавта, его Долг. Народ, Родина чествуют космонавта — он выполнил долг!

Вдумаемся, читатель: с первого нашего шага — с достатка семьи, в которой рожден, с элегантной новой коляски, в которой совершается первый выезд «в свет», с благоустроенных яслей и детского сада, с пинеток, ползунков, нарядных капоров и бантов начинается накопление нашего долга народу и Родине. В школе — с ее отличниками и отстающими, с «буксирами» и «остаться после уроков», с ее спартакиадами, аттестатом зрелости с золотой каемочкой — наш долг растет. Потом техникум, институты, возня, порой кажущаяся назойливой, — с каждым, чтобы вооружить максимумом знаний, — долг растет. И, получив наконец синий, а порой и красный диплом с Гербом Союза ССР на обложке, — часто ли задумываемся о том, что документ этот по сути дела — долговая квитанция и надо платить народу и Родине свой долг осознанно и радостно, трудом и вдохновением? Не часто, к сожалению, думаем об этом. И, не подумав, вновь все требуем и требуем, хорошо зная свои права молодого специалиста и не очень — обязанности и среди них — первую, основополагающую — платить народу и Родине долги. Курс этой науки не выделен в самостоятельную кафедру, в аттестате нет оценки по этому предмету, в зачетной книжке — тоже нет. Курс этой науки проходят самостоятельно. Наталья Евгеньевна Хабарова сдала экзамены по этому предмету, сдает сегодня и еще долго, пока бьется сердце, будет сдавать.

— И еще раз, Наталья Евгеньевна: что для вас золото?

— Я уже отвечала на этот вопрос, по-моему. В этой фазе развития человечества — очень полезное ископаемое. Помню, в статье академика Шило «Наука и золотодобывающая промышленность СССР» (Колыма, 1977, № 7—8, с. 63) есть такой эпизод. Великая Отечественная война приблизилась к кульминационной фазе, наша армия выходила победительницей из целого ряда крупнейших сражений, нам нужна была материально-техническая помощь союзников для последних сокрушительных ударов. Но союзники — капиталистические державы, в основном США, — требовали гарантии оплаты своей «помощи», тут и удивляться нечему, такова мораль капитализма, даже в совместной смертельной схватке с общим врагом... И чтобы убедиться в нашей платежеспособности, к нам на Колыму в сорок четвертом году приезжал вице-президент США Уоллес... Ведь поехал же, не испугался ни подводных лодок, ни бомбардировщиков Японии... Приехал, убедился... Следуя такой вот морали, Америка вышла из войны до предела ожиревшей: в ее банковских подвалах к сорок пятому году скопилось около двадцати девяти тысяч тонн золота — невиданный в истории человечества запас валютных резервов! Потом из этого золота воздвигались бастио-

ны «холодной войны», оно бомбовым дождем рушилось на рабочих и крестьян Кореи, Вьетнама, переливалось в металл «фантомов», в решетки чилийских застенков, в крылатые ракеты и нейтронные бомбы... Я очень ценю золото — то, что мы находили, находим, будем находить и передавать стране для промышленной добычи. За каждой крупинкой, чешуйкой-чешуечкой, вижу наше микроучастие в росте и развитии валютных операций на международных рынках: нам нужны и новое оборудование, и новые технологии, и — чего уж там — хлеб покупаем у них... И — не одни мы. Сколько у нас друзей, и послабее, и победнее, и развивающихся, и не развитых... Мы тоже, что ли, будем им считать? Дескать, валютей, братцы, за каждый кусок? Мораль у нас не та! Вот так я отношусь к золоту.

Беседа с начальником планового отдела ШГРЭ, партторгом экспедиции, Ниной Леонтьевной Большаковой.

Краткая справка. Н. Л. Большакова работает в экспедиции со дня ее организации. Выпускница Ленинградского инженерно-экономического института — диплом с отличием. Двое детей, мальчики. Саша — старший, с 10 лет на Шмидте, здесь вырос, женился. Рабочий в экспедиции. Младший, Вадик, учится в Днепропетровском электросварочном техникуме. С четырех лет на Шмидте, очень тоскует по дому... Потрясен величественным зрелищем материковской осени, листопада. А еще предстоит ему весна на Днепре!.. Н. Л. Большакова в 1976—1978 годах была заместителем партторга экспедиции по идеологии, в 1978—1980 годах — партторгом экспедиции, с октября 1981 года вновь избрана партторгом. «Сочетать руководство плановым отделом с руководством партийной организацией экспедиции очень, очень сложно. Экспедиции нужен освобожденный партполитработник, комиссар — учитывающая наши производственные задачи, идеологическую работу, международную обстановку».

— Наталья Евгеньевна ведет огромную общественную работу, выполняет ряд партийных и профсоюзных поручений. Она член группкома профсоюза, возглавляет производственный сектор, ведает организацией социалистического соревнования между производственными подразделениями экспедиции, осуществляет деловой контроль при подведении итогов соревнования, неустанительно требует гласности, реальности, конкретности. Она депутат Шмидтовского райсовета двух созывов, выполняет наказы избирателей. Она лектор райкома КПСС и общества «Знание», ректор народного университета геологических знаний — такой организован и активно работает на базе экспедиции... Оказывает методическую помощь школе юного геолога — часто встречается

со школьниками. По нашим поручениям выступает перед трудящимися, сотрудничает с прессой, с газетой «Огни Арктики». Очень много работает! Наше партбюро приглашает Наталью Евгеньевну — и как главного специалиста, и как администратора. Она никогда не уходит от решения вопросов, даже не входящих в ее должностную компетенцию: и строительных и по выполнению объемов — основных видов работ. И при разборах нарушений партийной дисциплины мы ценим ее мнение — авторитет ее в коллективе непререкаем! Еще когда Наталья Евгеньевна должна была к нам приехать на должность главного геолога, мы уже знали — слухом земля полнится, — что человек она крутой и решительный, даже жесткий. Знали мы, что она человек железной самодисциплины, опытный геолог и опытный администратор. Конечно, в то время экспедиции нужны были такие руководители, как Андрей Ефимович и Наталья Евгеньевна. Со дня организации в экспедиции сменились три начальника, Андрей Ефимович — четвертый, и четыре главных геолога, Наталья Евгеньевна — пятая... И это с шестьдесят девятого по семьдесят пятый год!.. До них экспедиция не складывалась... Главный геолог — это главный специалист, он все решает, он формирует штат геологов, он определяет стратегию и тактику основных работ! Ей ведь было не легко, ох, как не легко! Она россыпник, а здесь и геофизика, и съемка... Объем работы — даже по сравнению с начальником партии — огромный! И, самое главное: экспедиция не была коллективом. Представьте себе хор из... солистов! Один за другим уходили специалисты. Кто — по окончании договора, кто — на научную работу. Уходили хорошие специалисты, но несобранные... Уходили, не выдержав рабочего ритма, заданного Натальей Евгеньевной с первого дня, не отвечающие ее требованиям нравственного характера. Шла штурмовая чистка рядов. Помню, бывали между нами... разговоры. Я спрашивала — не как партторг, как сотрудница, как товарищ по работе: «Почему вы рубите сплеча, резко, даже грубо?» Она никогда не вспыхивала, только сожмется, губы покусывает, чаще промолчит, но один раз ответила — тихо: «Здесь не детский сад, мы все взрослые, сложившиеся люди, и в том возрасте, когда надо отдавать. Не имеешь, что отдать, не умеешь отдавать — уйди! Экспедиция должна работать на едином уровне и постоянстве отдачи...» И она была всегда права, мы понимали это, права по содержанию своих приказов и требований, а вот форма... Но и форма менялась, но только по мере того, как складывался коллектив экспедиции. Она категорически не выносит бездельников. Даже самых замаскированных, защищенных прошлыми заслугами, обаянием — есть такие, она выявля-

да их и «за ушко, да на солнышко». Она их чувствует, как аллергик аллерген! Она не терпит людей, не умеющих держать данное слово. Верит на слово всегда — но не перенесет обмана. Сама же Наталья Евгеньевна в этом безупречна. Железная она...

Мы долго молчали. Я уткнулся в свои записи, но чувствовал, что Нина Леонтьевна не отвела взгляд. И я спросил:

— Вы бы доверили Наталье Евгеньевне Сашу и Вадика? Отдали бы их под ее руководство?

— Несомненно. Она бы отковала из них мужчин!

Беседа с главным геологом Полярнинской ГРП Сергеем Владимировичем Мануйловым.

Краткая справка: год рождения 1948-й, коммунист. Поступил в Томский политехнический институт, на геологоразведочный факультет, в 1966 году, сразу же после окончания школы. Из-за трудного материального положения семьи оставил институт, работал шурфовщиком в геологоразведке, перешел на заочное отделение института. Осенью 1967 года был призван в ряды Советской Армии, служил в артиллерийской разведке («Приборы те же, что и у геологов: нивелир, теодолит, буссоль»). Отличник боевой и политической подготовки. Уволен в запас. Восстановился на заочном, работал на Томском электромеханическом заводе имени Василия Васильевича Вахрушева — отбойные молотки и вентиляторы для шахт... Работал в Ангарской ГРЭ, в Партизанской партии, откатчиком-стволовым в шахте. Списался с Севером и с 20 июня 1973 года — в Шмидтовской ГРЭ. Проходчик канав в поисково-съёмочном отряде (начальник — Валентин Владиславович Куск, ныне главный геолог ЦГГП ШГРЭ, единомышленник и товарищ Н. Е. Хабаровой). Работал промывальщиком в Полярнинской ГРП. В 1975 году защитил диплом. Назначен буровым мастером. На буровой был пожар, пострадали люди. При совершенной невиновности (он был в отпуске), Мануйлов был снят с должности.

Из рассказа самого С. В. Мануйлова: «Был не виновен юридически, но навсегда чувствую себя виноватым, на всю жизнь виноватым».

Из разговора с Н. Е. Хабаровой: «Чувствует себя виноватым? По-другому у порядочного человека и быть не может. Сережа Мануйлов совершенно порядочный человек, он геолог круто замешанный, закаленный. Он — по мне».

Вернулся из отпуска Мануйлов, получил назначение геологом участка той же Полярнинской ГРП... Старший геолог партии. С 1977 года — главный геолог Полярнинской ГРП.

— Лично познакомился с Натальей Евгеньевной, когда стал старшим геологом. Первое впечатление: «командир в юбке». Производство — все. Так и подумал: у меня семья, дети, я хоть дома могу отойти душой. А каково ей? Потом понял: производство для нее — всё. Перегрузок она не ощущает потому, что они для нее привычны, многолетни и постоянны. Живет делом, знает дело редкостно, потому и требовательна, и категорична. Многие знают по себе: стружку снимет до крови, но без криков, без оскорблений — корректно... Сам не испытал... Тут надо понять очень важное: она не воспринимает людей, относящихся к делу, к работе не так, как она сама. Ну не укладывается у нее, понимаете? Она не одержима, она живая и веселая, но работать надо на верхних параметрах!

Совершенно непримирима к пьющим, да еще на работе. Тут уж пощады не жди. Осталась за начальника экспедиции — и сняла с работы начальника отдела труда и зарплаты... Еще двух сняла...

— Как вы лично относитесь к этим ее решениям?

— И по мне — так! Готов подписаться под ее приказами... До меня главным геологом партии был Валерий Иванович Тимохин. Человек трудный. Он сам ушел, понял, что с Натальей Евгеньевной не сработается.

Из разговора с Н. Е. Хабаровой:

— Я подписала приказ о назначении Сергея Мануйлова уверенно. Во-первых, он специалист не кабинетный, рабочей выделки, во-вторых, его к этой работе подготовил Тимохин, очень знающий геолог. Он совершенно доверял Мануйлову.

Мануйлов не спеша, со вкусом говорит о Хабаровой, говорит то улыбаясь, то азартно загораясь:

— Самое важное дело она может подать в форме обычного разговора, вот-вот — обмозговать вместе, найти решение. Но уж когда договорились — выполняй. Никогда не откажется от своих слов, даже если ее команда нигде не запротоколирована и, представим себе, привела бы к отрицательному результату — никогда не оставит геолога.

Мы в этом всегда уверены, верим ей. По-моему, и она нам верит. Такой тип руководителя — твердого — мне... подходит! При таком кореннике приятно быть в одной упряжке. И результаты есть — есть Кувет, и быть там поселку, предпрятию... Знаете, мой младший братишка — тоже геолог. Александр кончил наш институт в семьдесят шестом. Толковый парень. Вот ему бы поработать с Натальей Евгеньевной — из-под такого

пресса выходят только прямые люди. Она — самый порядочный человек из всех, кого я знал в своей жизни.

Беседа с Галимом Гарифовичем Акчуриним, главным инженером ШГРЭ.

Краткая справка. Отец Г. Г. Акчурина — инвалид Великой Отечественной войны («...папа мой не из списка мягких людей»)... Прошел школу Казанского суворовского училища, спортсмен — первый разряд по боксу. Окончил в 1973 году Казанский университет, геологоразведочный факультет. Получил назначение в Шмидтовскую ГРЭ. Коммунист.

— Был старшим техником-геологом на съемочных маршрутах в отряде Валентина Владиславовича Куска. Приходилось подменять его при отпусках, оставался за начальника партии. Тогда просто все было: восемь итэровцев, рабочие, ноги в руки, спина — на месте, на спине — все необходимое, и — даешь, шагай, геолог! Ведь подумать только — вся моя жизнь диктовала наличие характера сдержанного, инженерно-интеллигентного. Но — не получилось. Пока не получилось. Темперамент мой — от Заремы и Кончака. Срываюсь. Ну, не могу переносить в людях безынициативности, душевной и деловой анемичности, лени и словоблудия. Не могу! Правда, раньше срывался чаще. Теперь — совсем мало, скоро научусь совсем не срываться. Это ее влияние, Натальи Евгеньевны... Ведь главный геолог и главный инженер — два плеча начальника, балансир! Наталья Евгеньевна работает без оглядки, решительно, смело, напористо! И я так хочу, ведь — балансир! Но за нею опыт и характер выработанный, и... не совсем мне понятный. Еще понять надо, извлечь корни, поучиться.

Галим Гарифович и ладно скроен и крепко сшит. Коренастый, широкогрудый и налитый недюжинной силой. Такому бы из штанги бантики завязывать. Даже сидя в кресле, в своем должностном кабинете, один на один со мной, он с трудом сдерживает энергию, подвижность. Кресло под ним скрипит... Крутой лоб, темные глаза, небольшие и с прищуром, дубленая кожа лица — отметины тундры.

— Сначала сшибались мы крепко, искры летели. И почти всегда был битым. И стал анализировать: кто из нас кремень, кто — сталь? Я недопонимал, это уж восточное — «женщина». Потом понял: ее решения продуманней моих, они выпрессованы в матрицах опыта геолога, опыта руководителя, опыта женщины, умеющей подчинить себе не мужчину — специалиста. А на ее веку были не только интеллигенты, попадались мужички — ш т у ч к и, не дай бог! И их она приводила к общему знаменате-

лю — работать с максимальной отдачей сил и умений. И я стал готовиться к разговорам с нею, как к институтскому экзамену. Найти с Натальей Евгеньевной общее решение можно только на истине, знании предмета и цифири, но не на холодном знании, а с подлинной заинтересованностью. И понимать ее надо, и верить ей — как себе, даже больше! К примеру: есть район N, где еще не завершено комплекс геологоразведочных работ, но Наталья Евгеньевна знает — туда надо направить технику, начать немедленно буровые работы! Сложности дикие, а у меня — формально — все права не посылать туда технику, людей. Я вправе добиться выполнения предварительного Гэ-эР-комплекса и дожидаться более приемлемых погодных и климатических условий... Словчить. Но... я поверил ее интуиции — фактор в геологии не последний — ее знаниям и опыту, направил туда технику. Ох, были сложности, аварии, простои — но я верил! И все оправдалось. Дали металл!

Не выдержал, вскочил Акчурин, заходил по кабинету —ловицы запели.

— И сейчас спорим! Ведь и у меня опыт накапливается — инженерно-руководящий. Вот, думаю, готов к спору, инженерно готов, даже деликатен... А побеждает она, ее геологический опыт. А ведь за мной, за главным инженером, по генеральному направлению работ — выполнение объемных задач по государственному плану. Оперативные разработки служб Натальи Евгеньевны выполняются инженерными службами! Вот тут и сказывается ее опыт начальника партии, опыт геолога: если инженерная служба не может освоить объект, если нужно время на наращивание сил — она верит нашим доводам, живо интересуется нашими сложностями, идет навстречу. Но доводы должны быть обоснованными, честными, толковыми. Тогда она пойдет рядом, разделит ответственность, найдет выход в переориентации направлений основных работ. Вот тут у нас контакт — в основном деле! Но она еще и местком! А я часто замещаю начальника — по должности. И тут меня характер опять подводит. Сшибаемся... и опять мне наука: Наталья Евгеньевна, уже доказав свою правоту, все же находит в себе силы вновь «проиграть» со мной спорную ситуацию — уже наедине, человечно. Объяснит, найдет примеры... Понимаю сам — воспитывает. Значит, нашла во мне нечто, помогает мне стать правильным руководителем. Мы уж все тут знаем: не дельный человек Наталья Евгеньевна не интересен, она такого не видит в упор, кто б он ни был. И вежлива-а с таким — аж жалко его... А я бывал ею бит — и все пристойненько, но жестко, хлестко, и все по самолюбию, по нему, азиатскому!.. Уж лучше бы кулаками отходила... Но — ни-

когда не оскорбит. Всегда помнит о достоинстве человека... Вот, когда еще был начальником Полярнинской партии, уроков мне преподавала — мне и детям на жизнь хватит. Партия главная — до девяноста процентов прироста. Сложностей — тьма. Начинаем что-то новое — дебаты, споры внутри служб и между. Наталья Евгеньевна поговорит с работниками по телефону — и нет дебатов! Прямо наваждение какое-то для меня было: я рядом, прямой начальник, — дебатировать. Она — за сто километров слово сказала — и не дебатировать, все будет выполнено! Уж так намаялся, старался понять. И что-то понял. Появились свои принципы, выстраданные. Стал я производству куском родного мяса, общий ток крови через себя пропускаю, поставлен в мозговой трест. Очень это важно: сдержанность и размышления...

Из беседы с Н. Е. Хабаровой:

— У нас с Акчуриным проблемы общие, но и противоположные. Наши службы — «единство и борьба противоположностей». К примеру, надо перебросить три бригады. Это сложная работа: подготовка, создание складов на местах, утряска транспортных дел — транспорта всегда не хватает для работы в трех направлениях... Мы, геологи, согласовываем, куда поставить эти бригады — выбор наиболее перспективных участков, обговариваем с инженерной службой организационные и технические возможности, гарантию выполнения объемных показателей. Составляем четкий — согласованный — график перебросок. Повторяю, все согласовано. Нарушение — и все летит в преисподнюю, все графики — бумажки, а я смерть как не люблю «бумажных мероприятий»! Поставлен в известность главный инженер объединения — теперь за дело! От этого графика зависит работа экспедиции в целом, заработки бригад в частности, об этом тоже думать надо. Срыв графика из-за несогласованности срывает выполнение самой гениальной геологической идеи!.. В этом — наше единство. А противоположности... Геологам нужно качество работ инженерных служб, им же — количество. И вся работа экспедиции — и ее финансирование! — оценивается по количеству, по объемам, по метражу. Как это ни странно. Заработок рядовых исполнителей зависит от количества и в самой малой мере от качества. Геологи осуществляют контроль за качеством выполненных объемов — ведь если скважина дает метраж, но с нарушениями технологии работ, то она не даст геологических результатов — основных для геологоразведки!

Нужен оптимальный вариант премирования, нужно активно стимулировать качество геологических работ, естественно, не

забывая о метраже и объемах. Вот мы и выходим инициаторами пересмотра нормирования, доказываем необходимость пересмотра, своевременность, продиктованную современной экономикой!

Мы, геологи, добиваемся четкой увязки с Акчуриным и его службами, взаимопонимания и взаимодействия. Конечно, мне помогает опыт начальника партии — организационный и административный, знание экономики работ. Обычно «чистый» геолог такими знаниями, ввевшимися в плоть и кровь, не располагает. Геолог-съемщик, принимая должность главного геолога экспедиции, такого опыта не имеет и щедро набивает себе шишки. Мне же — помогает, особенно во взаимоотношениях с Галимом Гарифовичем. По-моему, ему — тоже...

* * *

Ясное морозное утро, ни ветерка. Редкая погода для Мыса Шмидта. В районном Доме культуры — он не в поселке Мыс Шмидта, а в селе Рыркайпий — сегодня конференция районного комсомола. От здания Шмидтовской ГРЭ меня подвезли приглашенные на конференцию старые комсомольцы: Андрей Ефимович Ермоленко, Нина Леонтьевна Большакова, Наталья Евгеньевна Хабарова. Путь не близкий — вчерашняя пурга скрыла асфальт толщей свежего снега, еще не прокатанного ни колесами автомашин, ни противоснежными бульдозерами с тяжеловесными «утогами» на прицепе. Ермоленко с Хабаровой принялись вспоминать, как отмечали Новый год — и не раз — в партиях — в Стадухино, на Иннахе.

— А вспомните «зеленых собак»! Андрей Ефимович, помните ли? По-моему, встречали шестьдесят четвертый. Или шестьдесят пятый? Были у нас в партии детишки — шестеро. И вот мы собрались в тайне от них и стали шить собачек из какого-то немыслимого зеленого плюша. Откуда он взялся — уже не помню. Выкройку взяли не то из «Работницы», не от из «Крестьянки» — и смело вязались. И получились у нас шесть вислуухих, культяпых собачат, но каких милых! А цвет — ну совершенно не собачий цвет! Пока мы их дарили детям — уж визгу было и восторгов — так сами натешились!

...А в шестьдесят восьмом, на Иннахе, жили мы в сказочном лесу, берендеевском прямо! И вот рано утром первого января бредет по нашему поселочку большущий, сутулый дед-мороз — это был хорошо отмытый ради праздничка тракторист, в нежно-голубой шубе с ватно-серебристым мехом, с огромным красным мешком — не пожалели мы гобеленовую, с русским золотистым рисунком, ткань — и разносит по домам подарки детям... Посох у него увесистый, не ошкуренный — он им стучал в двери. Взрос-

лых пощадил, не очень рано стучал, часов около десяти утра... Детишки из постелей таращились на Деда, на мешок его, а уж подарок — радость! И были в подарках каким-то чудом попавшие на Иннах апельсины... А мы чувствовали себя всемогущими волшебниками — ребята ведь радуются взмаху! Все-таки это возможно только в маленьких, глубинных коллективах — сообща творить добрую атмосферу согласия между разными по характеру, по культуре людьми!

Просторное фойе Дома культуры переполнено. Веселый шум со взрывами смеха, с восклицаниями. Собирается районная комсомолия — горняки, оленеводы, энергетики, здесь их сотни, молодых, возбужденных праздничной обстановкой. В толпе снуют фотографы — и профессионалы из прессы и любители. Вспышки «блицев», объятия, хохот. Воспользовавшись случаем, прошу фотокорреспондента «Огней Арктики» Володю Судмана сфотографировать Наталью Евгеньевну и Андрея Ефимовича в окружении комсомольцев, делегатов конференции. Как известно из музыкально-исполнительской практики ничто так долго не репетируется, как экспромт. Пришлось попросить эту группу как-то так разместиться, чтобы всех было видно... Андрей Ефимович, пышноволосый, рослый, — в центре. Его пиджак — со множеством военных и трудовых наград. Рядом, по плечо ему, — Наталья Евгеньевна. Вокруг — именитая, заслуженная молодежь: чукчанка Выквына, экономист быткомбината, Танечка Карабулова, комсомольский вожак Полярнинского ГОКа, лауреат премии Ленинского комсомола Юрий Лычкин — бульдозерист, «полярнинец», Володя Чепурко — водитель из СМУ. Можно снимать! И вдруг возглас недоумения, Андрей Ефимович руками всплеснул:

— Да как вы ордена прикрепили, Наталья Евгеньевна! — и она так смутилась, покраснелась, растерялась... Быстро, умело Андрей Ефимович поменял местами ордена на ее кофточке, комментируя: — Первым — орден Ленина, потом — орден Трудового Красного Знамени, потом — медаль, ниже — знаки... Золотую Звезду — над...

А Наталья Евгеньевна пролепетала как-то совсем по-детски:

— А я думала, что... в порядке награждения, какой первым получила, какой — вторым...

— Снимаю! — выкрикнул Судман. Все замерли. Щелк!

И грянул хохот, и громче всех, взмаху, смеялась Хабарова. До слез все пыталась что-то сказать:

— Ницак, Ницак-то...

И только минуту спустя смогла:

— Снимали для газеты «Труд» — в Москве, сразу после

награждения нас, вместе попавших в один Указ, меня и бурового мастера из Иркутскгеологии Антона Евменовича Ницака. Он уже не первый раз награждался, лауреат Госпремии — опытный... Хохол с чисто сибирским характером... Нас попросили улыбнуться — ну, мой напарник по «московским гастролям» и готов — рот до ушей, хоть завязочки пришей. И я разулыбалась. Фотограф целится, а Антон мне углом рта цедит: «Я тут улыбаюсь, а у меня там бригада план валит!..»

Залились клубные звонки, мощные, как корабельные колокола громкого боя. Комсомолия хлынула в зал. Через несколько минут наступила торжественная тишина. Вглядываюсь в лица людей, сидящих в президиуме. Андрей Ефимович привычно строг, собран, элегантен. Наталья Евгеньевна — сутулится, морщит лоб. Нет у нее привычки быть на торжествах. Не выработалась. И вспомнилось, как однажды в беседе она сказала:

— Есть старая народная поговорка: «Пройти огонь и воду и медные трубы». Про огонь и воду мне было понятно. А вот про «медные трубы»... Оказывается, это едва ли не самое сложное испытание человеку: испытание известностью, славой. Пройти под трубами и фанфарами — и не зазнаваться, сохранить свою суть — трудно. Но — надо. Работать надо. До доньшка...

* * *

Вот и завершается мой рассказ о Наталье Евгеньевне Хабаровой — не рослой, не грациозной, милой, женственной труженице-геологе, любительнице братского застолья и самородной песни, мечтающей о камине в своей квартире. Очень она любит живой огонь, живое тепло.

О человеке со стальным характером особой закалки — закалки в р е м е н е м. Нашим временем.

Мыс Шмидта, 1982 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Уназикские сестры	6
Вчерашней тундра не бывает	40
Голубое крылечко Франтовой	59
Социальный заказ	73
Берег Марины	92
Семейная история	106
Главные дни Шуры Кергинто	116
Житейские хроники «атомки»	127
Большая «навигация» Веры Федоровой	141
Эскизы к портрету Рультынеут	148
Уэленские чародейки	162
Золотая тропа Натальи Хабаровой	173

Владимир Григорьевич Эрвайс

ЖЕНЩИНЫ ЧУКОТКИ

Путевые этюды

Редакторы В. И. Д а н и л у ш к и н, А. А. К и р ю ш и н. Художник Б. И. Ж у т о в с к и й. Художественный редактор Ю. А. К о р о в к и н. Технический редактор К. И. Б о л д ы р е в а. Корректор Г. А. К о з е е в а

ИБ 00400

Сдано в набор 07.09.83 г. Подписано к печати 30.11.83 г. АХ—02687. Формат 60×84/16. Бум. тип. № 1. Школьная гарнитура. Высокая печать. Объем 12,6 усл. п. л., 14,52 усл. кр.-отт., 13,23 уч.-изд. л. Заказ 874. Тираж 10 000. Цена 55 к. Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2. Магаданская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговлей Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пл. Горького, 9.